

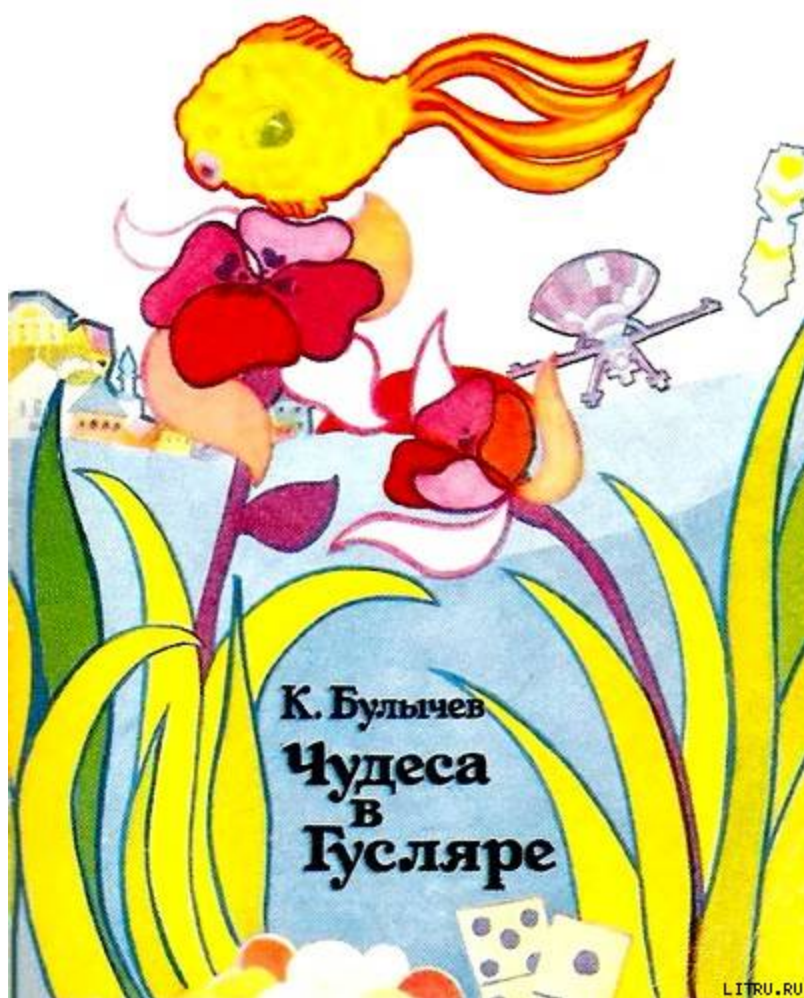
К. Булычев
**Чудеса
В
Гусляре**

Annotation

Булычев К. Чудеса в Гусяре. Фантастические рассказы. / Худож. К. Сошинская. М.: Молодая гвардия. 1972. — (Библиотека советской фантастики). — 368 стр., 46 коп., 100 000 экз.

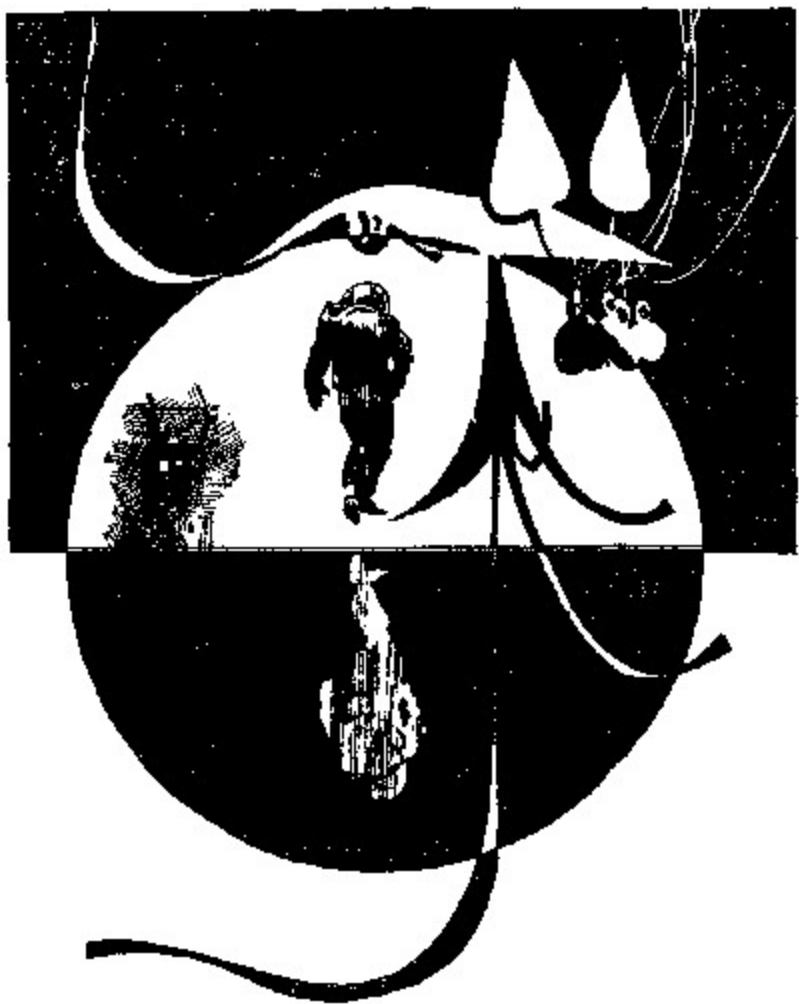
- [Кир Булычев](#)
  - [Часть 1](#)
    - [Поделись со мной...](#)
    - [Избушка](#)
    - [Хоккей Толи Гусева](#)
    - [Пустой дом](#)
    - [Такан для детей земли](#)
    - [Как начинаются наводнения](#)
    - [Я вас первым обнаружил!](#)
    - [Освящение храма Ананда](#)
    - [Поломка на линии](#)
    - [Когда вымерли динозавры?](#)
    - [Выбор](#)
  - [Часть 2](#)
    - [Вступление](#)
    - [Связи личного характера](#)
    - [Как его узнать?](#)
    - [Кладезь мудрости](#)
    - [Надо помочь](#)
    - [Разум в плену.](#)
    - [Поступили в продажу золотые рыбки](#)
    - [Ответное чувство](#)
-

К. Булычев
**Чудеса
в
Гусляре**

LITRU.RU

Кир Булычев
ЧУДЕСА В ГУСЛЯРЕ (сборник)

Часть 1
ТАК НАЧИНАЮТСЯ НАВОДНЕНИЯ

Поделись со мной...

Мне хочется туда вернуться. Но я никогда не смогу этого сделать. И наверно, мне придется до конца дней своих мучиться завистью...

Но тогда я ни о чем не подозревал. Щелкнули и зажужжали двери лифта. Я сошел по пологому пандусу на разноцветные плитки космодрома и остановился, мысленно выбирая из толпы встречающих того, кто предназначен мне в спутники, — о моем приезде были загодя предупреждены.

Человек, подошедший ко мне, был высок и поджар. У него были длинные, зеленоватые от постоянной возни с герселием пальцы, и уже поэтому, раньше чем он открыл рот, я догадался — коллега.

— Как долетели? — спросил он, когда машина выехала из ворот космодрома.

— Спасибо, — ответил я. — Хорошо. Нормально долетел.

В моих словах скрывалась вежливая неправда, потому что летел я долго, часами ждал пересадок в неудобных, пахнущих металлом и разогретым пластиком грузовых портах, почти терял сознание от перегрузок, казавшихся вполне безобидными другим пассажирам в этой части галактики.

Встречавший ничего не ответил. Только чуть поморщился, словно страдал от застарелой зубной боли и прислушивался к ней, к очередному уколу, неизбежному и заранее опостылевшему. Прошло еще минуты три, прежде чем он вновь заговорил.

— Вам, наверно, трудно было лететь на нашем корабле? Вы не привыкли к таким перегрузкам.

— Да, — согласился я.

— Голова болит? — спросил он.

Я не ответил, потому что увидел, что его настиг новый укол боли.

— Голова болит? — спросил он снова. И добавил, словно извинялся: — К сожалению, ваши корабли сюда прилетают редко.

Только теперь, отъехав несколько километров от космодрома, мы очутились в новой стране. До того был планетный вокзал, а они одинаковы во всей галактике. Они безлики, как безлики все вокзалы,

уезжают ли с них поезда, улетают ли самолеты, стартуют ли космические диски.

И чем дальше мы отъезжали, тем особенней, неповторимей становился весь мир вокруг, потому что здесь, вне большого города, легко воспринимающего моды галактики, все развивалось своими путями и лишь деталью, мелочью могло напоминать виденное раньше. Но, как всегда, именно мелочи скорее останавливали взгляд.

Было интересно. Я даже забыл о боли в голове и дурноте, преследовавшей меня после посадки. Я чувствовал себя бодрее, и воздух, влетающий в открытое окно машины, был свеж, пахнул травой и домашним теплом.

На окраине города, среди невысоких зданий, окруженных садами, мой спутник снизил скорость.

— Вам лучше, надеюсь? — спросил он.

— Спасибо, значительно лучше. Мне нравится здесь. Одно дело читать, видеть изображения, другое — ощутить цвет, запах и расстояние.

— Разумеется, — согласился мой спутник. — Вы остановитесь пока у меня. Это удобнее, чем в гостинице.

— Зачем же? — сказал я. — Я не хочу вас стеснять.

— Вы меня не стесните.

Машина свернула в аллею, огибавшую крутой холм, и вскоре мы подъехали к спрятавшемуся в саду двухэтажному дому.

— Подождите меня здесь, — сказал мой спутник. — Я скоро вернусь.

Я ждал его, разглядывая цветы и деревья. Я чувствовал себя неловко оттого, что вторгся в чужую жизнь, не нуждающуюся в моем присутствии.

Окно на втором этаже распахнулось, худенькая девушка выплянула оттуда, посмотрела на меня быстро и внимательно и согласно кивнула головой, не мне, а кому-то стоявшему за ее спиной. И тут же отошла от окна.

И мне вдруг стало легко и просто. Что-то в лице девушки, в движении рук, распахнувших окно, во взгляде, мимолетно коснувшемся меня, отодвинуло в глубину сознания, стерло превратности пути, разочарование, вызванное сухой встречей,

неизвестно чем чреватую необходимость прожить здесь два или три месяца, прежде чем можно будет отправиться в обратный путь.

Я был уверен, что девушка спустится ко мне, и ожидание было недолгим. Она возникла вдруг в сплетении ветвей, и растения расступились, давая ей дорогу.

— Вам скучно одному? — спросила она, улыбаясь.

— Нет, — сказал я. — Мне некуда спешить. У вас чудесный сад.

Девушка была легко одета, жесты ее были угловаты и резки.

— Меня зовут Линой, — сказала она. — Я покажу вам, где вы будете жить. Отец очень занят. Больна бабушка.

— Простите, — сказал я. — Ваш отец ничего не говорил мне об этом. Я поеду в гостиницу...

— И не думайте, — возразила Лина. Ее глаза были странного цвета — цвета старого серебра. — В гостинице будет хуже. Там некому за вами присмотреть. А нас вы никак не стесните. Он поручил мне о вас заботиться. А сам остался с бабушкой.

Наверно, я должен был настоять на переезде в гостиницу. Но я был бессилён. Мной овладела необоримая уверенность, что я очень давно знаком с Линой, с этим домом-садом, что принадлежу этому дому, и все во мне воспротивилось возможности покинуть его и остаться одному в безликом равнодушии гостиницы.

— Вот и отлично, — сказала Лина. — Дайте мне руку. Пойдем в дом.

Лина показала комнату, в которой мне предстояло жить, помогла разобрать вещи, провела в бассейн с теплой, бурлящей колючими пузырьками водой. Бассейн был затемнен почти сомкнувшимися над ним ветвями деревьев.

Потом она увела меня на плоскую крышу дома, где расположился ее шумный зоопарк — полосатые говорящие кузнечики, шестикрылые птицы, синие рыбки, дремлющие в цветах, и самая обычная для меня, но крайне ценная здесь земная кошка. Кошка не обратила на меня никакого внимания, и Лина сказала:

— А я была уверена, что она обрадуется. Даже обидно.

Лина оставалась со мной до самого вечера, и я мало кого видел, кроме нее. Иногда Лина просила прощения и убегала. Я говорил: «У вас же, наверно, много дел. Не обращайтесь на меня внимания». Но как только я оставался один, возвращалось тягостное ощущение

одиночества, физического неудобства и тоски. Я подходил к полкам с книгами, вытаскивал какую-нибудь из них и тут же ставил на место, выходил в сад, и возвращался снова в дом, и все время прислушивался к звуку ее шагов. Лина прибежала, касалась меня кончиками пальцев и спрашивала:

— Вы не соскучились?

И я отвечал:

— Немного соскучился.

Раз я решился и даже рассказал ей о том, как меня излечивает от недомоганий и дурных мыслей ее присутствие. Лина улыбнулась и ответила, что к ужину вернется ее брат, привезет лекарства, которые излечат меня от последствий перелета.

— К утру вы будете как новенький. Все исчезнет.

— А вы?

— Я?

— Вы не исчезнете? Как добрая волшебница?

— Нет, — сказала Лина уверенно. — Я буду завтра.

За ужином вся семья, кроме больной бабушки, собралась за длинным столом. Неожиданно для меня обнаружилось, что в доме, который казался совершенно пустым, живет не меньше десяти человек. Хозяин дома, усталый и бледный, сидел рядом со мной и следил за тем, чтобы я выпил все лекарства, привезенные его сыном, студентом-медиком. Лекарства, как им и положено, оказались неприятными на вкус, но я был послушен и никому не сказал, что единственным настоящим и безотказным лекарством считаю Лину. Лина сочувствовала мне и даже морщилась, если в ходе лечения мне попадалась особо отвратительная таблетка.

Хозяин дома сказал, что его матери лучше. Она уснула. Несмотря на усталость и бледность, он был разговорчив, смешлив и являл собой контраст тому угрюмому человеку, который встретил меня на космодроме. Тогда он был обеспокоен состоянием матери, теперь же...

— Она проснулась, — сказал вдруг хозяин.

Я невольно прислушался. Ни кашля, ни вздоха — в доме абсолютная тишина.

— Я поднимусь к ней, — сказал его сын. — Ты устал, отец.

— Что ты, — возразил хозяин. — У тебя завтра занятия.

— А разве ты свободен?

— Мы пойдем вместе, — сказал отец. — Извините.

Лина проводила меня до комнаты и сказала:

— Надеюсь, вы уснете.

— Обязательно, — согласился я. — Особенно если среди лекарств было и снотворное.

— Разумеется, было, — сказала Лина. — Спокойной ночи.

Я и в самом деле быстро заснул.

На следующий день я встал совершенно здоровым. Я поспешил в сад, надеясь встретить Лину. Она меня ждала там, у бассейна. Я хотел было рассказать ей, как хорошо я спал, как я рад этому душистому утру и встрече с ней, но Лина мне и рта не дала раскрыть.

— Ну и отлично, — сказала она, словно прочла мои мысли. — Бабушке тоже лучше. Сейчас отец отвезет вас в институт. А вечером я буду ждать. И вы расскажете, как работаете, что интересного увидели.

— Вы и сами догадаетесь.

— Почему?

— Вы можете читать мысли.

— Неправда.

— Я не могу ошибиться. Вы ведь не стали дожидаться, пока я сам скажу, как себя чувствую. Вчера ваш отец поднялся из-за стола, потому что проснулась бабушка. А в доме было тихо. Он ничего не мог услышать.

— Все равно неправда, — сказала Лина. — Зачем читать чужие мысли? И ваши в том числе.

— Незачем, — согласился я. И мне было чуть грустно, что Лине дела нет до моих столь лестных для нее мыслей.

— Доброе утро, — сказал отец Лины, спускаясь в сад. — Вы сегодня совсем здоровы. Я рад.

— Все-таки я прав, — сказал я тихо Лине, прежде чем последовать за ее отцом.

— Зачем читать мысли? — повторила она. — У вас все на лице написано.

— Все?

— Даже слишком много.

Прошло несколько дней. Днем я работал, а вечером бродил по городу, выбирался в поля, в лес, к берегу большого соленого озера, в

котором водились панцирные рыбы. Иногда я был один, иногда с Линой. Я привык к моим хозяевам, познакомился еще с двумя или тремя инженерами. Но при всей обычности моего существования меня ни на минуту не оставляло ощущение действительной необычности окружающих людей. Я почти уверился в их способности к телепатии.

Порой я чувствовал себя неловко с Линой, потому что ловил себя на какой-нибудь мысли, которой не хотел бы делиться с ней. Мне казалось, что она слышит беззвучные слова и посмеивается надо мной.

Раз я шел по улице. Улица была зеленой и извилистой, как почти все улицы в том городе. Передо мной шли мальчишки. Они гнали мяч, а я шел сзади, смотрел и боролся с желанием догнать их и ударить по мячу.

Я не заметил торчащего из земли корня. Споткнулся, упал, ушибся коленом о камень, и боль была так неожиданна и резка, что я вскрикнул. Мальчишки остановились, будто мой крик ударил их. Мяч одиноко катился под откос, а они забыли о нем, обернулись ко мне. Я попытался улыбнуться и помахал им рукой — идите, мол, дальше, догоняйте свой мячик, пустяки, мне совсем не больно. А они стояли и смотрели.

Я приподнялся, но встать не смог. Видно, растянул сухожилие. Мальчишки подбежали ко мне. Один, постарше, спросил:

— Вам очень больно?

— Нет, не очень.

— Я сбегая за врачом, — сказал другой.

— Беги, — сказал старший. — Мы подождем здесь, пока ты вернешься.

— Да что вы, ребята, — сказал я. — Растянул сухожилие. С кем не бывает? Сейчас пройдет.

— Конечно, — ответил старший.

И, как будто послушавшись его, боль ослабла, спряталась. Мальчишки смотрели на меня серьезно, молчали. Только самый маленький вдруг заплакал, и старший сказал ему:

— Беги домой.

Тот убежал.

Подошел врач. Он жил, оказывается, в соседнем доме. Осмотрел ногу, сделал укол, и мальчишки сразу исчезли, лишь стук мяча еще некоторое время напоминал о них.

Врач помог мне добраться до дома. Я отказывался, уверял его, что дойду и сам.

— Мне уже не больно. Больно было только в первый момент. Мальчишки могли бы подтвердить.

— Вы гость у нас? — спросил врач.

— Да.

— Тогда понятно, — сказал врач.

Дома, несмотря на ранний час, все были в сборе. Бабушке стало хуже. Настолько, что надо было срочно везти в больницу, оперировать.

Я подошел к Лине. Она была бледна, под глазами синяки, лоб морщился.

— Все обойдется, все будет хорошо, — сказал я.

Она не сразу расслышала. Оглянулась, будто не узнала.

— Все обойдется, — повторил я.

— Спасибо. Вы упали?

— Ничего страшного. Уже не больно.

— А бабушке очень больно.

— А почему ей не сделают укол? На меня он подействовал сразу.

— Нельзя. Уже ничего не помогает.

— Я хотел бы быть чем-нибудь полезным.

— Тогда уходите. — Она сказала, явно не желая меня обидеть. Ровным, бесцветным голосом, будто попросила принести воды. — Отойдите подальше. Вы мешаете.

Я ушел в сад. Я был лишним. Я и в самом деле старался не обижаться. Ей ведь плохо. Им всем плохо.

Я видел, как они уехали. Я остался один в доме. Поднялся наверх, в зоопарк. Кошка узнала меня, подошла к сетке и потерлась о нее, выгибая хвост. Домашним кошкам не положено жить в клетках, но она была здесь экзотическим, редким зверем. Я тоже был редким зверем, который не понимал происходившего и не мог рассчитывать на понимание. А ведь мне казалось, что мы с этими людьми стали близки. Моя неполноценность обнаружилась в неподходящий момент, но в чем неполноценность? Я понимал, что надо поехать в больницу, — там я узнаю нечто важное. Никто не звал меня туда, и,

вернее всего, мое присутствие будет нежелательным. И все-таки я не мог не поехать.

Меня никто не остановил у входа в больницу. Лишь девушка у серого пульта спросила, не помочь ли мне. Я назвал имя бабушки, и девушка проводила меня до лифта.

Я шел по длинному коридору, странному, совсем не больничному коридору. Вдоль стен его стояли кресла, вплотную друг к другу. В креслах сидели люди. Они были здоровы, совершенно здоровы. Они сидели и молчали, и им было больно.

У матовой двери в операционную я увидел моих друзей. И Лину, и ее отца, и братьев. Тут же, в соседних креслах, сидели наши общие знакомые — те, кто работал вместе с нами, жил рядом. Лина взглянула на меня. Зрачки ее скользнули по моему лицу. И в них была боль.

Я опустил в свободное кресло. Неловко было рассматривать людей, которым до меня нет дела. Я уже знал то, что казалось тайной час назад.

Ждать пришлось недолго. Неожиданно, словно невидимый колдун провел над ними ладонью, они ожили, просветлели, зашевелились. Кто-то сказал: «Дали наркоз». Они договорились, кто останется дежурить здесь, кто вернется после операции, когда наркоз перестанет действовать.

Лина подошла ко мне. Я встал.

— Извините, — сказала она. — Я очень виновата, но вы же понимаете...

— Понимаю. Как же я могу сердиться? Мне только грустно, что я чужой.

— Не надо. Вы ведь не виноваты.

— Знаете, когда я сегодня упал, ко мне подбежали ребята. И оставались рядом, пока не пришел доктор.

— А как же иначе?

К нам подошел ее отец.

— Спасибо, что вы пришли, — сказал он. — Захватите, пожалуйста, с собой Лину. Мы тут без нее справимся. Профессор уверил меня, что операция пройдет удачно.

— Я останусь, отец, — сказала Лина.

— Как знаешь.

— Поймите, — сказала Лина, когда отец отошел. — Очень трудно было бы объяснить все с самого начала. Для нас это так же естественно, как есть, пить, спать. Детей учат этому с первых дней жизни.

— Это всегда так было?

— Нет. Мы научились этому несколько поколений назад. Но потенциально это было всегда. Может, и в вас тоже, скрытое в глубине мозга. Даже странно думать, что другие миры лишены этого. Ведь в каждом разумном существе живет желание обладать такой способностью. Неужели нет?

— Да, — сказал я. — Если рядом с тобой человеку плохо. Особенно если плохо близкому человеку. Хочется разделить боль.

— И не только боль, — возразила Лина. — Радость тоже. А помнишь первый день? Когда ты прилетел? Ты себя гадко чувствовал. Отец мало чем мог тебе помочь — основной груз бабушкиной боли падает на него, он сын. Даже встречая тебя на космодроме, он должен был помогать бабушке. А это тем труднее, чем дальше ты от человека, которому помогаешь. А тебе показалось, что отец невежлив. Правда?

— Не совсем, но...

— А ведь ему пришлось еще взять на себя и твою дурноту. Ты гость. И у тебя болела голова.

— Жутко болела.

— Я просто удивляюсь, как отец доехал до дома. И он сразу сменил меня у бабушкиной постели. Я увидела тебя в окно, и ты мне понравился. Я оставалась с тобой весь день, и весь день из-за тебя у меня разламывалась голова.

— Прости, — сказал я. — Я же не знал.

Я подумал, что именно сейчас, в больнице, мы незаметно перешли на «ты». Наверно, следовало бы сделать это раньше.

— Прости, — повторил я.

— Но ведь так даже лучше. Представляю, как бы ты расстроился, узнав об этом.

— Я бы уехал.

— Я знаю. Хорошо, что ты не уехал. А теперь иди. Я вернусь утром. И постучу к тебе в дверь. Мы договорим.

Я вновь миновал длинный коридор больницы, где сидели родственники и друзья тех, кому плохо. Они пришли сюда, чтобы

разделить боль других людей. И не было никакой телепатии. Просто люди знали, что нужны друг другу.

Я добрел до дому пешком. Чуть побаливала нога, но я старался не думать о боли. Иногда она возникала и пыталась овладеть мною. И тот из прохожих, кто оказывался ко мне ближе всех, оглядывался, смотрел на меня, и мне сразу становилось легче. Но я прибавлял шаг, чтобы не утруждать людей. Мне встретились молодые женщины. Они несли по большой охапке цветов. Они смеялись, болтая о чем-то веселом. Они увидели мою постную физиономию и наградили меня своей радостью. Чужая радость обдала меня душистыми свежими брызгами. Старик, сидевший на лавочке опершись о трость, подарил мне спокойствие. Так бывало со мной и раньше, но я не замечал связи между своими ощущениями и другими людьми.

Им и труднее и легче жить, чем нам. Они могут дарить и принимать дары, вернее — должны. Ни один из них не может отгородиться от людей потому, что если мы видим человеческие слезы, то они чувствуют их. А ведь зрение куда менее совершенно.

В тот день я стал завистником. Я завидую им и даже порой чувствую к ним нечто вроде неприязни. Я всегда буду чужим для них, как нищий среди щедрых богачей. Я могу принимать дары, но не способен дарить сам.

Когда настал срок, я улетел на Землю. На космодром меня провожала только Лина. С остальными я простился в городе. Так было уговорено заранее.

— Я хотела бы улететь с тобой на Землю, — сказала Лина.

— Нет, — сказал я. — Ты же знаешь. На Земле тебе будет слишком трудно. Ты же не сможешь делить только мою радость и только мою боль.

— Не смогу, — согласилась Лина. — Ты прав. И это очень печально.

— А я не смогу жить с тобой, понимая, как ты одинока, и не в силах прийти к тебе на помощь, если моя помощь станет тебе нужна.

— Но, может, ты все-таки останешься с нами? Здесь? Со мной? — В голосе ее не было уверенности.

— Ты вспомни, — сказал я, — тот день, когда твоей бабушке сделали операцию, я пришел к вам, но я был слепым между зрячими. Я не смогу остаться.

Это все уже было сказано и вчера и позавчера. Мы лишь повторяли диалог, зная, чем он закончится, но мы не могли не повторить его, потому что оставалась нелепая надежда, будто можно найти какой-то компромисс, что-то придумать, и тогда не будет нужды расставаться.

А когда я уже стоял у трапа, Лина подошла ко мне совсем близко, так что я видел черные точки в ее серебряных глазах, и сказала:

— Запомни, каково мне сейчас.

И к моей тоске прибавилась ее тоска, и стало темно, и я схватился за ее руку, чтобы не упасть. Но никто из проходивших мимо пассажиров не помог мне, не разделил со мною эту тоску, потому что в жизни есть моменты, когда надо удержаться от того, чтобы прийти на помощь.

Потом был путь, перегрузки и тряска. Пересадки в неудобных, пахнущих металлом и разогретым пластиком грузовых портах, безликие гостиницы и пресные завтраки у блестящих одинаковых стоек буфетов. Но я был совершенно здоров и чувствовал себя отлично. Я знал, почему — там, далеко, Лина сидит в своей комнате на втором этаже и сжимает ладонями голову — так больно и дурно ей. И я был сердит на нее, я старался убедить ее — забудь обо мне, глупая, милая, не отнимай у меня эту боль...

Мне так хочется вернуться туда, но я никогда не смогу этого сделать.

Избушка

Павлыш проверил анабиозный отсек, там все было в порядке. Странно, еще недавно он спорил с Бауэром, доказывал ему, что этот отсек — анахронизм, и если уж переоборудовать корабль на гравитационный двигатель, то можно заодно и ликвидировать отсек — лишнее место, лишний вес... И Бауэр сказал тогда: «Но может же так случиться...» Хотя оба понимали, что случиться так не может. И случилось.

Уже месяц, как «Компас» падал. Он падал, и неизвестно было, чем кончится это падение. «Компас» проваливался в пространство, в бесконечность. Уже месяц, как он был объявлен пропавшим без вести, его разыскивали все станции и корабли сектора и не могли найти.

Находят в конце концов путешественников, пропавших без вести в пустыне, находят самолеты, разбившиеся в горах, находят флаер, унесенный ураганом, находят затонувшую субмарину. Потому что место, область их исчезновения конечны, ограничены дном моря, горной долиной, пределами пустыни. Космический корабль, пропавший без вести, найти нельзя. Тем более если он не выходит на связь.

Надежность корабля, доведенная до совершенства, таит в себе риск. Гравитационный отражатель надежен, связь, которую поддерживает корабль на гравитационных волнах, также надежна, но если система отказывает в одной точке, возникает опасность цепной реакции. И если не уловленный приборами во время прыжка метеорит из антивещества коснулся гравитационного отражателя и, исчезнув сам, уничтожил отражатель «Компаса», то он уничтожил и космосвязь, потому что отражатель — одновременно антенна для гравитационных волн. И корабль, прервавший прыжок в точке, установить которую удалось не сразу и с недостаточной степенью точности, оказывается неуправляем, безгласен и слеп.

«Компас» был жив, но не подавал признаков жизни. Он будет жить еще несколько дней или несколько лет, потому что он — высокоорганизованный кусок металла, напичканный изысканной, но ненужной теперь техникой. Ибо он — корабль, и цель его —

перевозить людей и грузы между портами Галактики. Как только он лишается возможности делать это — он становится лишь железной банкой с муравьишками внутри. И железная банка падает в бездонное пространство...

Павлыш остановился перед дверью на мостик. Капитан просил его проверить, как дела в анабиозном отсеке. В анабиозном отсеке все было отлично. Павлыш увидел свою руку, лежащую на ручке двери, и подумал о том, что он сам, доктор Павлыш, молодой, красивый, умный, не может умереть. Собственная смерть — беда, которая не может с тобой приключиться. А так как это теоретическое размышление не могло изменить действительной сути явлений, то Павлыш оторвал взгляд от своей руки и вошел на мостик.

Капитан был один. Капитан постарел за месяц, прошедший со дня катастрофы. Капитан был более одинок, чем Павлыш, потому что он разделял одиночество и беспомощность своего корабля.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да.

Павлыш подошел к штурманскому столу с расстеленной на нем картой сектора. На ней были проложены пути «Компаса». Путь, по которому ему следовало идти; вычисленный путь, который «Компас» должен был пролететь во время прыжка; приблизительная точка, в которой корабль прекратил прыжок, и еще более приблизительный путь с того момента и до сегодняшнего дня. Прыжок должен был перенести его через весь сектор. Авария же бросила его в центре сектора, на периферии пылевого мешка, не позволившего ориентироваться визуальными методами. И путь отсюда был проложен условно, пунктиром...

— Слушайте, доктор, — сказал капитан. — Есть шанс, правда, небольшой...

Несчастье случилось с «Компасом» в районе малоизученном, но не пустынном. Это давало шансы на спасение и уменьшало их. Можно было надеяться сесть на планету — тормозные двигатели остались целы. Но, с другой стороны, «Компас» мог стать пленником звезды, притяжения которой был бы не в силах преодолеть. Есть надежда, что «Компас» пронзит сектор и окажется в районе обжитых путей системы Второго Союза. Надежда была реальна. Но с одним условием: достижение Второго Союза при постоянной скорости

займет восемь с половиной лет... И когда осознание этого пришло к космонавтам после недели расчетов, споров, сомнений и ложных прозрений, решено было использовать анабиозные ванны, те самые, само существование которых казалось Павлышу анахронизмом.

Почти весь экипаж «Компаса» должен был уйти в сон. Почти весь — кроме капитана, дежурного механика и врача. И было уговорено, что через год, если все пойдет благополучно, механика и Павлыша сменят. Капитана менять никто не будет. Это приказ и воля капитана.

За месяц, прошедший с того дня, Павлыш восстановил забытый испанский язык, выиграл у механика сто сорок партий в шахматы и несколько меньше проиграл капитану. Он прибавил полтора килограмма в весе и порой подумывал о том, что лучше аннигилировал бы весь корабль, чем ждать неизвестно чего восемь, десять... сколько лет?

Шесть дней назад внезапно появилась возможность, что путешествие скоро закончится. Впереди возникла небольшая желтая звезда с одинокой планетой. Звезда была почти на пути «Компаса», и корабль несся к ней со скоростью чуть более ста тысяч километров в секунду. Шесть дней назад капитан сказал своему экипажу — Павлышу и механику, — что есть один шанс из десяти опуститься на планету. Даже если она необитаема и непригодна для жизни, на ней, вернее всего, действует автоматический маяк, и можно будет дать о себе знать. Все зависело от того, как близко пройдет «Компас» от планеты. Если достаточно близко, то мощности тормозных двигателей хватит на посадку, если далеко, то топливо будет истрачено на коррекцию и садиться будет не на чем.

— Так что же, капитан? Мы попытаемся сесть или летим дальше?

— А вы бы что сделали, Павлыш?

— Даже если у нас мало...

— Ты молод, Павлыш, и потому годы кажутся тебе длинными и невосполнимыми.

— Я не так молод, но где гарантия, что после всех этих лет в нашей жестянке мы не погибнем от голода или аварии, которую не сможем ликвидировать, не провалимся в какую-нибудь дыру и не пролетим мимо торгового пути, чтобы снова углубиться в пустоту?

— Гарантии нет. Но дело вот в чем: для того чтобы выйти к планете, мы должны истратить почти половину мощности тормозных двигателей. Из-за гибели отражателя изменена конфигурация корабля, и по расчетам получается, что остальное пойдет на компенсацию эксцентрического вращения. На чем будем садиться, не представляю...

— А что за планета?

— Если я не ошибаюсь, планета хорошая, нормальная, земного типа. Наша беда, что ее открыли недавно и на ней нет ни станции, ни базы. Хотя должен быть маяк.

— Вы уверены?

— Я могу предполагать, что это система 16-АПР8. Погляди по справочнику.

Под этим индексом значилась система желтой звезды с одной планетой и двумя астероидными поясами. Планета была земного типа. Ей присвоили название Форпост. После ее краткого описания шло примечание: «Закрыта для исследований».

И все. Это могло значить что угодно — от наличия там разумной жизни до болезнетворных бактерий, опасных для человека. За справкой шла сноска на последний том общего атласа, который на «Компасе» не успели получить.

— Через три часа начинаю эволюцию, — сказал капитан. — Механик мне нужен. Ты — нет.

— Но мы не успеем разбудить штурмана и второго механика. На это потребуется часов восемь. Почему вы не сказали раньше?

— Мы обойдемся вдвоем.

Капитан уже четверо суток не спал, и инъекции переставали оказывать действие. Он устал.

— Дай мне еще шарик.

— Опасно.

— Потом вылечишь, если что. Сейчас мне нужна ясная голова.

Павлыш был готов к этой просьбе. Шарик находился в кармане. Он прижал один из них к кисти капитана, лежавшей на пульте. Содержимое всосалось под кожу.

— Я принял решение раньше, но не стал тебя ставить в известность, потому что возражения лишь отняли бы время на дискуссии. А сейчас нам некогда дискутировать.

— Но все-таки?

— Все-таки заключается в том, что посадка будет трудной. Не знаю, останется ли что-нибудь от «Компаса».

Голос капитана звучал равнодушно и холодно. Уже много дней капитан говорил так: он не мог побороть в себе глубокого и безнадежного отчаяния. Он не был виноват, но его корабль разбит. Право судить себя капитан оставил за собой.

— Чем больше людей мы сейчас поднимем, тем больше людей мы подвергнем опасности. Анабиозные камеры — самое защищенное место корабля. Анабиозные ванны — самое защищенное место в камере. Больше всего шансов выжить у тех, кто находится в ваннах.

— Я могу быть штурманом. Вы знаете, что я подготовлен к этому.

— Не нужен мне сейчас штурман! Зачем мне штурман? Чтобы бросить, как ты выразился, жестяную банку на пустую планету?

— Да.

— Слушай меня, Павлыш. Ты судовой врач. Ты отвечаешь, в пределах своих возможностей, за здоровье и жизнь команды. Поэтому при посадке твое место будет вместе с экипажем. В анабиозном отсеке.

— Вы тоже относитесь к команде. И механик. Моя помощь может понадобиться и вам.

— Правильно. Но в таком случае мне нужен живой врач. Если надо будет собирать нас по частям, для этого ты должен уцелеть. Приказываю тебе отправиться в анабиозный отсек. Я, конечно, хотел бы загнать тебя самого в ванну, но боюсь, что это превышает мою власть над тобой.

— Вы правы. И я, возражая вам, руководствуюсь теми же соображениями интересов экипажа. Мои услуги могут понадобиться сразу после посадки. Кроме того, вывод людей из анабиоза также труден без участия врача...

— Ладно, я ведь не спорю. Так что прошу тебя через два часа отправиться в анабиозный отсек, я сам спущусь туда и проверю, надежно ли ты пристегнут. И будь разумен, не пытайся прибежать на мостик и принять участие в наших скучных делах. Ты будешь мне мешать...

— Хорошо, — согласился Павлыш.

— А сейчас займись-ка, пожалуйста, обедом. Накорми нас как следует. Нет никакой гарантии, что мы доживем до следующего обеда.

— Надо будет дожить. Мы отвечаем за тех, кто спит...

— Не надо меня учить, — сказал капитан. Он очень устал. — И не теряй времени даром.

* * *

...Тень «Компаса» добралась до Павлыша. Тень была длинной и росла с каждой минутой. Целый день солнце ползло невысоко над горизонтом и вот решилось наконец уйти на покой.

Павлыша удручала предопределенность. Правда, она протягивалась всего на несколько дней в будущее, но этого достаточно для возникновения неприязни к серому берегу и махине покоруженного металла, именуемой по инерции кораблем «Компас».

Страшная тварь вылетела из колючих зарослей, подступавших к пляжу, и уселась в тени корабля. Тварь была ростом с собаку, но хрупка и члениста. Она пристально смотрела на Павлыша печальными стрекозиными глазами. Мошкара смерчком замельтешила над ней. Тварь наконец приняла решение, подпрыгнула и принялась биться об обгоревший бок корабля, словно комар об оконное стекло.

Можно было написать письмо. Вчера Павлыш написал уже одно. Склеил конверт из чистого листа бумаги и даже нарисовал на нем серый берег, зеленое море с полосами барашков, синие колючие кусты. И написал на марке: «Авиапочта. Планета Форпост». Все как в старые добрые времена. А вместо почтового ящика использовал остатки мусоропровода.

Павлыш поднялся, стряхнул с колен песок и ракушки и побрел к люку. Четыре дня назад он открывал его больше часа, думал, что никогда не сможет этого сделать. Тогда казалось, что открытый люк — спасение. На самом деле это ничего не решало.

Тварь стукнулась о шлем, толчок был вял, и Павлыш, отмахнувшись, сломал ее пополам. Туча мошкары сразу скрыла останки твари. Павлыш закрыл люк, припер его изнутри стальным

стержнем. Мошкара боялась тени, внутрь не залетала. Но с наступлением вечера мог появиться какой-нибудь гость покрупнее. Павлыш ошупью разделся, повесил скафандр в нишу.

Аварийное освещение в коридоре работало из рук вон плохо. Свет мерцал, терялся в углах. Его все равно придется отключить. И это прискорбно — будет темно. Павлыш решил изобрести светильник на сливочном масле. Или спиртовку. Представил себя пишущим очередное письмо при свете самодельного светильника и тут же ударился об торчащий из стены обломок трубы.

Корабль был разбит. Это никуда не годилось. Корабль создан для того, чтобы никогда не разбиваться. Если уж случается несчастье — он взрывается, исчезает бесследно. Но корабль, разбитый, как автомобиль о столб, — это невероятно. Налетевший с моря ветер качал развалину, на пол посыпался сор, и в перекореженных недрах судна что-то заскрипело, заныло.

Не было энергии. Не было связи. Если бы капитан остался жив или кто-нибудь из механиков — может, они что-то и придумали бы. Хотя вряд ли. Корабельный врач Павлыш придумать ничего пока не смог. Чтобы не раскисать, он запускал зонды, методично обыскивал трюмы, привел в относительный порядок мостик и вел корабельный журнал.

Было еще одно дело. Главное и печальное. Анабиозные ванны. У них автономный блок питания. Температура поддерживалась на нормальном уровне. Так будет, подсчитал Павлыш, еще два месяца. На самом экономном режиме. И все. Павлыш останется последним человеком на этой планете. Потом умрет тоже. Может быть, скоро, если не приспособится к местному воздуху. Может быть, проживет до старости.

Павлыш представил себя старичком в рваном измызганном скафандре. Старичок выходит на лесенку перед вросшим в серый песок кораблем и кормит с ладони членистых тварей. Они толкаются, мешают друг дружке и глядят на него внимательно и строго. Потом старичок возвращается в чистенькую, ветхую кабинку, убранную сухими веточками, и, подслеповато щурясь, раскрывает дневник...

Был, правда, еще один вариант. Отключить анабиозные ванны. Ни один из спящих не заметит перехода к смерти. Энергию блока можно переключить тогда на один из отсеков и прожить в безопасности

несколько лет. От такой возможности стало еще паскудней. Павлыш заглянул в реанимационную камеру, бывшую реанимационную камеру. Он каждый день заглядывал туда, пытаясь настроиться на возможность чуда. За дверью его встречала та же безнадежная путаница проводов и осколки приборов. И сколько ни приглядывайся, ни один провод не вернется на место. Нет, разбудить экипаж он не сможет.

И все-таки они были еще живы. И он был не один. И пока оставалась забота о живых, оставалась цель.

Павлыш вошел в отсек анабиоза. Отсек был спрятан в центре корабля, охвачен надежными объятиями амортизаторов и почти не пострадал. Здесь было холодней, чем в коридоре. Под матовыми колпаками ванн угадывались человеческие фигуры.

— Бывают же случайности, — сказал Павлыш термометру. — Сегодня мы сюда попали. Завтра еще кто-нибудь. Возьмет и попадет.

Павлыш знал, что никто сюда не попадет. Незачем. Когда-то, несколько лет назад, планету посетила разведгруппа, провела здесь две недели, составила карты, взяла образцы флоры и фауны, выяснила, что день здесь равен четырем земным дням, а ночь четырем земным ночам, установила, что планета пока интереса для людей не представляет. И улетела. А может, даже и группы не было. Пролетел автомат-разведчик, покругил...

Павлыш щелкнул пальцем по матовому куполу ванны, будто хотел разбудить лежавшего там Глеба Бауэра, усмехнулся и вышел.

Солнце, по расчетам, должно опуститься уже к самой воде. Момент этот мог представить интерес для будущих исследователей. Так что перед ужином имело смысл снова выбраться на пляж и заснять смену дня и ночи. Кроме всего, это могло быть красиво...

* * *

Это было красиво. Солнце, беспрестанно увеличиваясь и краснея, ползло по касательной к ярко-зеленой линии горизонта. Солнце было полосатым — по лиловым штрихам бежали, вспыхивали белые искры. Небо, ярко-бирюзовое в той стороне, где солнце, становилось над

головой изумрудным, глубоким и густым, а за спиной уже стояла черно-зеленая ночь, и серые облака, зарождаясь где-то на суше, ползли к морю, прикрывая в тумане яркие звезды. Кустарник на дюнах превратился в черный частокол, сплошной и монолитный, оттуда шли шипение, треск и бормотание, настолько чужие и угрожающие, что Павлыш предпочел не отходить от корабля. Он снимал закат ручной любительской камерой — единственной сохранившейся на борту — и слушал шорохи за спиной. Ему хотелось, чтобы скорей кончилась пленка, чтобы скорей солнце расплылось в оранжевое пятно, провалилось в зелень воды. Но пленка не кончалась, оставалось ее минут на пять, да и солнце не спешило уйти на покой.

Мошकारа пропала, и это было непривычным — Павлыш за четверо суток привык к ее деловитому кружению, к ее явной безобидности. Ночь грозила чем-то новым, незнакомым, злым, ибо планета была еще молода и жизнь на ней погружена в беспощадную борьбу за существование, где побежденного не обращали в рабство, не перевоспитывали, а пожирали.

Наконец солнце, до половины погрузившись в воду, распластавшись по ней чечевицей, уползло направо, туда, где вдоль горизонта тянулась черная полоска суши, окружающая залив, на берегу которого упал «Компас».

— Ну что же, — сказал себе Павлыш. — Доснимем и начнем первую полярную зимовку. Четыре дня сплошной ночи.

Собственный голос был приглушен и почти незнаком. Кусты отозвались на него вспышкой шумной активности. Павлыш не смог заставить себя дождаться полного заката. Палец сам нажал на кнопку «стоп». Ноги сами сделали шаг к люку — надежному входу в пещеру, столь нужную любому троплодиту.

И тут Павлыш увидел огонек.

Огонек вспыхнул на самом конце мыса — черной полоски по горизонту, недалеко от которой спускалось в воду солнце. Сначала Павлыш подумал, что солнце отразилось от скалы или волны. Подумал, что обманывают уставшие глаза.

Через двадцать секунд огонек вспыхнул снова, в той же точке. И больше вспышек Павлыш не увидел — солнце подкатилось к мысу, било в лицо, и собственные его вспышки мельтешили и обманывали.

Павлыш не мог более ждать. Он вскарабкался в люк; не снимая скафандра и шлема, пробежал, чертыхаясь и спотыкаясь об острые края предметов, на резервный пульт управления. Основной мостик, где при неудачной посадке находились капитан и механик, был размозжен.

Чуть фосфоресцировал в темноте экран телеглаза. На нем Павлыш собирался посмотреть отснятую пленку. Может быть, камера, не отрываясь глядевшая на горизонт, заметила огонек раньше, чем Павлыш.

Был снова закат. Снова солнце по касательной ползло вдоль зеленой гряды, разбрасывая слишком яркие краски, снова по нему бежали лилово-сизые полосы и вспыхивали искры. Глаз камеры последовал за солнцем. У Павлыша устали руки. Они немного дрожали, и оттого волновалась и покачивалась на импровизированном экране изумрудная вода.

— Смотри, — предупредил себя Павлыш: в правой стороне кадра обнаружилась оконечность мыса. И тут же в этом месте, безусловно и объективно увиденный камерой, вспыхнул огонек.

Экран погас. Павлыш оказался в полной темноте. Лишь перед глазами мелькали багровые и зеленые пятна. Он ощупью отмотал пленку обратно и остановил тот кадр, где вспыхнул огонек. На экране застыло, остановилось солнце, застыла и белая точка у правой кромки экрана: огонек.

Огонек должен был оказаться оптическим обманом, галлюцинацией. Видно, Павлыш подсознательно боялся поверить — оттого убеждал себя в нереальности огонька. Если убедить себя, что это мираж... Но огонек не был миражем. Камера тоже увидела его.

— А почему бы и нет? — спросил Павлыш.

Корабль ничего не ответил. Он надеялся на Павлыша.

Чего же я здесь стою? Солнце уже спряталось и не мешает смотреть на мыс. А вдруг огонька уже нет?

Павлыш подумал, что если где-то неподалеку есть разумные существа, по крайней мере, разумные настолько, что обладают сильным источником света, то ни к чему беречь аварийные аккумуляторы. Он на ощупь отыскал кнопку, врубил на полную мощность освещение, и корабль ожил, в нем стало теплее, раздвинулись стены, и коварные предметы — обломки труб, петли

проводов, заусеницы обшивки — спрятались по углам и не мешали Павлышу пробежать коридором к люку, к вечеру, переставшему быть страшным и враждебным.

Солнце и в самом деле село. Осталось лишь глухое малиновое пятно, и облака, добравшиеся до него, образовали в нем темно-серые провалы. Павлыш оперся руками о края люка, высунулся по пояс наружу и считал: один, два, три, пять... Вспышка!

Огонек продержался секунду, и Павлыш успел усесться поудобнее на край люка, свесить вниз ноги в тяжелых башмаках, прежде чем он вспыхнул снова. У огонька был чрезвычайно приятный цвет. Какой? Чрезвычайно приятный белый цвет. А может быть, желтый?

Когда разгладилось и посинело пятно, оставшееся от солнца, огонек перестал мигать. Он загорелся ровно, будто кто-то, долго шутивший с выключателем, уверился наконец в приходе ночи и, включив свет на полную мощность, уселся за стол ужинать. И ждать гостей.

Из темноты к Павлышу бросилось нечто большое. Павлыш не успел подобрать ног и укрыться в корабль. Лишь вытянул вперед руку. Нечто оказалось уже знакомой тварью. Тварь опутала сухими тонкими ножками руку Павлыша, и стрекозиные глаза укоризненно сверкнули, отразив свет, падавший из люка. Павлыш стряхнул тварь, как стряхивают в кошмаре страшного паука, и та шлепнулась о песок.

Закружилась голова. Тут только он понял, что забыл опустить забрало шлема и дышит воздухом планеты. А с осознанием этого пришла дурнота. Павлыш закрыл люк и уселся прямо на пол шлюза. Опустил забрало и увеличил подачу кислорода, чтобы отдышаться.

Теперь надо дать сигнал, думал Павлыш: пустить ракету, зажечь прожектор. Надо позвать на помощь.

Но ракет не было. А если были, поиски их займут еще несколько суток. Прожекторы разбиты. Есть фонарь, даже два фонаря, но оба довольно слабые, шлемовые. Ну что же, начнем со шлемовых фонарей.

Павлыш довольно долго стоял у открытого люка, закрывая и открывая ладонью свет и свободной рукой отмахиваясь от тварей, лезущих на свет, как мотыльки. Огонек не реагировал — светил так же ярко и ровно. Хозяева его явно не догадывались о том, что кто-то

неподалеку потерпел бедствие. Потом, хоть это уже вряд ли бы помогло, Павлыш вытащил из корабля множество предметов, которые могли гореть, и поджег их. Костер был вялым — в воздухе слишком мало кислорода, да и твари, слетевшиеся словно на праздник, бросались в огонь и обугливались, шипели, как мокрые дрова. Павлыш перевел весь свой запас спирта и после десяти минут борьбы с тварями бросил эту затею.

Он отошел к люку и глядел на огонек. Он не мог к нему привыкнуть. Огонек был из сказки: окошком в домике лесника, костром охотников... А может быть, пламенем под котлом людоеда?

— Ладно, — сказал Павлыш тварям, шевелившимся живой кучей над теплыми еще, обуглившимися дверцами шкафчиков, книгами и тряпками. — Я пошел.

Ему бы прислушаться к внутреннему голосу, который по долгу службы должен объяснить, что путешествие разумнее начать через четверо земных суток, когда рассветет и неизвестные ночные твари улягутся спать. Но внутренний голос молчал — видно, и ему казалось невыносимым столь долгое бездействие.

* * *

Хорошо, когда есть решение, которое можно принять. Раньше и этого не было. Решение требовало действий, многочисленных, разнообразных и спешных. Чем-то это было похоже на отъезд в отпуск — надо прибрать в квартире, оставить корм рыбкам в аквариуме, договориться с соседкой, чтобы поливала цветы, позвонить друзьям, позаботиться о билете...

Во-первых, Павлыш отправился в анабиозную камеру. Поход к огоньку мог продлиться часа три, и за это время ничто не должно было нарушить спокойный сон экипажа. Если что-нибудь с ними произойдет — пропал весь смысл похода. Павлыш обесточил корабль и подключил к блоку питания камеры уже порядком севшие аварийные аккумуляторы. Проверил стабильность температуры в ваннах, контрольную аппаратуру. Насколько Павлыш мог судить — камере ничто не угрожало. Даже если Павлыш будет отсутствовать

целый месяц. Правда, человеку, идущему в трехчасовую прогулку по берегу моря, ни к чему планировать на месяц вперед, но прогулка предполагалась несколько необычная. Павлыш не без оснований думал, что станет первым человеком, путешествующим ночью по берегу здешнего моря.

Затем следовало позаботиться о собственном снаряжении, запасе воды и пищи, оружия (на корабле удалось разыскать пистолет). Наконец, надо было задраить сломанный люк так, чтобы даже слон (если по ночам здесь бродят слоны) не смог бы его отворить.

Закончив дела, Павлыш выбрался наружу и неожиданно почувствовал почти элегическую грусть. Затянувшиеся сумерки — а им, видно, и конца не будет — окрасили негостеприимный мир во множество разновидностей черного и серого цвета, и единственной родной вещью в этом царстве был искалеченный «Компас», печально гудящий под порывами ветра, одинокий и беспомощный.

— Ну-ну, не расстраивайся, — сказал кораблю Павлыш и погладил корпус, изъязвленный аварийной посадкой. — Я скоро вернусь. Дойду по бережку до избушки и обратно.

Огонек горел ровно, ждал. Павлыш в последний раз проверил поступление кислорода — его хватит на шесть часов, в крайнем случае можно дышать и воздухом планеты. Хоть это неприятно и весьма вредно. Павлыш вытащил пистолет, прицелился в камень на берегу и выстрелил. Луч полоснул по камню, распилил его пополам, и половинки засветились багрово и жарко. Пора было идти.

Павлыш разгреб башмаком кучу обгоревших тварей — костер давно уже погас и остыл. Павлыш перепрыгнул через него — не из молодечества: хотел узнать, достаточно ли надежно все приторочено.

Удобнее идти было по самой кромке пляжа. Здесь волны, забегавшие длинными языками на берег, оставляя после себя вялую пену, спрессовали песок, и он стал упругим и твердым. Фонарь был пока не нужен — и так видно все, что нужно видеть: бесконечную полосу песка, темную воду слева, черный кустарник на дюнах справа. И так до бесконечности, до огонька.

Павлыш прошел несколько десятков шагов, остановился, опянул на корабль. Тот был велик, непроницаем и страшно одинок. Несколько раз Павлыш оглядывался — корабль все уменьшался, мутнел, сливался с небом, и где-то в конце первого километра пути

Павлыш вдруг понял, как сам он мал, беззащитен и чужд морю. И ему стало страшно, и захотелось убежать к кораблю, скрыться в люке. Он вдруг понадеялся, что забыл нечто очень важное для пути, ради чего, хочешь не хочешь, придется возвращаться. Но пока придумывал, обеспокоилось чувство долга, зашевелился стыд, заскребла под ложечкой совесть — возвращаться никак было нельзя, и тогда Павлыш попытался представить себя женой Лота, уверить, что обернись он — превратится в соляной столп. И к утру его слижут жадные до кристаллической соли обитатели кустов.

Павлыш решил петь. Пел он плохо. И после второго куплета кустарник замолк, затаился, прислушиваясь. Кустарнику пение не нравилось. Песок разматывался под ногами ровной лентой, порой язык доползал до ноги путника, и Павлыш сворачивал чуть выше, обходя пену. Один раз его испугало белое пятно впереди. Пятно было неподвижным и зловещим. Павлыш замедлил шаги, нащупал рукоять пистолета. Пятно росло, и видно было, как нечто черное, многопалое высунулось из него, готовясь схватить пришельца. Но Павлыш все-таки шел, выставив вперед пистолет, и ждал, чтобы пятно решилось на нападение. Павлыш был здесь новичком, а для новичка самое неразумное первым начинать пальбу.

Пятно оказалось большой раковиной, а может, и панцирем какого-то морского жителя. Несколько тварей ползали по нему, вытаскивая тонкими лапками остатки внутренностей. Они и показали Павлышу издали щупальцами пятна.

— Кыш, несчастные! — сказал Павлыш тварям, и те послушно снялись, улетели к кустам, видно, приняв Павлыша за крупного хищника, любителя морской падали. Из-под раковины прыснула жадная мелочь, зарываясь в песок, удирая к воде. В темноте не разобрать ни форм, ни повадок — некоторые тонули, растворяясь в пене, другие фосфоресцировали и светящимися точками сутились у берега.

Почему-то после случая с раковиной Павлыш почувствовал себя уверенней — обитатели моря и кустов были заняты своими делами и на Павлыша нападать не собирались. Павлыш понимал, что уверенность его зиждется на заблуждении; ведь если существуют раковины — есть твари, которые этими раковинами питаются. А если

есть твари, то кто-то пожирает их. И еще кто-то пожирает тех, кто питается тварями. И так далее.

Прошел уже час с тех пор, как Павлыш покинул корабль, позади по крайней мере пять километров пути. Единственное, что всерьез беспокоило сейчас Павлыша, — то, что огонек не приближался. Так же далек был черный мыс, так же ровна полоса песка. Правда, это не могло продолжаться вечно. Хоть диаметр Форпоста больше земного, но планета все равно круглая, и достаточно отдаленные предметы, хочешь того или нет, скрываются за горизонтом...

И тут Павлыш увидел реку.

Вначале был шум. Он примешивался к однообразному ритму прибоя и насторожил Павлыша. Вливаясь в море, река разбилась на множество рукавов, мелких и быстрых. Берег здесь, окаймленный речным песком, выдавался в море небольшим полуостровом. Между рукавами и с обеих сторон дельты земля была покрыта темными пятнами лишайника, травой, какие-то растения, схожие с трезубцами, гнездились прямо в воде. Переход вроде бы не представлял трудностей, но когда в нескольких метрах от воды нога Павлыша вдруг провалилась по щиколотку, он понял, что от реки можно ждать каверзы.

Уже следующий шаг дался труднее. Песок стал податливым, вялым, он с хлюпаньем затягивал ногу и с сожалением отпускал ее.

«В конце концов, — подумал Павлыш, — мне ничего не грозит. Я в скафандре и, даже если провалюсь где-нибудь поглубже, не промочу ног».

И не успела эта мысль покинуть голову, как Павлыш потерял опору под ногами и окунулся по пояс. И это было еще не все, попытка двинуться из этой ловушки вперед заставила погрузиться еще на несколько сантиметров. Скафандр был мягким, и жижа, поймавшая в плен Павлыша, давила на грудь, подбираясь к плечам. Павлыш вспомнил, что в подобных случаях охотникам, угодившим в болото, всегда попадает под руку сук или хотя бы куст. Сука поблизости не было, но куст рос впереди, метрах в трех. Павлыш рассудил, что возле куста должно быть тверже, и прыгнул вперед.

Наверно, со стороны прыжок его выглядел странно: существо, ушедшее по грудь в песок, делает судорожное движение, вырывает

несколько сантиметров тела из плена, продвигается на полметра вперед и тут же почти полностью пропадает из вида.

Прыжок был ошибкой, объяснимой лишь тем, что Павлышу никогда раньше ни с болотами, ни с зыбучими песками сталкиваться не приходилось. Теперь над поверхностью, чуть колышущейся, вздыбливающейся пузырями, виднелась лишь верхняя половина шлема и кисти рук. Павлыш скосил глаза и увидел, что черная граница песка медленно, но ощутимо поднимается по прозрачному забралу. Павлыш пока не беспокоился — все произошло так быстро и внезапно, что он просто не успел толком обеспокоиться. Стараясь не делать лишних движений, потому что каждое движение лишь погружало его глубже, Павлыш повернул голову к дальнему мысу. Огонек светил. Ждал. Пришлось задрать голову, над песком оставалась лишь верхушка шлема с ненужной антенной, настроенной на корабль, в котором никто не услышит. И еще через несколько секунд огонек пропал. И все пропало. Было темно, страшно тесно и совершенно непонятно, что же делать дальше.

Страх пришел с темнотой. Павлыш понял, что дышит часто и неглубоко, не хватало воздуха, хоть это и было неправдой — баллоны добросовестно выдавали ровно столько воздуха, сколько положено. Шлем был достаточно тверд, так что угроза погибнуть от удушья не возникала. Погибнуть... И как только это слово промелькнуло в мыслях, то зацепилось за что-то в мозгу и осталось там. Погибнуть. А ведь в этой яме можно в два счета погибнуть. Ведь останься здесь — и погибнешь. Как рыба, выкинутая на берег, как мышь в мышеловке. Погибнуть...

Слово имело какую-то магическую силу. Это было отвратительное слово, мерзкое, злое. Павлыш понимал, что оно не может к нему относиться потому, что его ждут Глеб Бауэр и штурман Батурицкий — без Павлыша они тоже погибнут. И если когда-нибудь придет сюда корабль, а он обязательно придет, то будет поздно; если придет сюда корабль, они найдут людей в анабиозных ваннах, найдут тела погибших, уложенные им, Павлышом, в морозильник, поймут, что кто-то остался на корабле и потом исчез. И будут его искать — и конечно, никогда не найдут. Даже если планету заселят, множество людей будет жить на ней — все равно никто никогда не найдет доктора Павлыша, шатена, рост 183, глаза голубые...

— А ну хватит, — приказал себе Павлыш. — Так можно думать до рассвета.

Надо было выбираться. Павлыш понял, что совсем не хочет погибать в этой проклятой яме. Следовало отыскать выход из ловушки. Вот и все.

Твердый песок — за спиной. Больше рисковать нельзя. Никаких движений вперед — только назад, к берегу.

Павлыш попробовал поднять руки. Это можно было сделать, но с трудом, песок был тугим и тяжелым. Павлыш попытался подгрести руками перед собой, но лишь плубже ушел в жижу, и пришлось снова замереть, чтобы побороть вспышку паники, сжавшую мозг. Паника была иррациональна — тело, ощутившее опасность, начало метаться. Бился в голове мозг, и сердце колотилось морзянкой.

Павлыш переждал панику на борту. Он уже знал, что сильнее ее, он оставался на капитанском мостике — бунтари же бесцельно бегали по палубе и размахивали руками. И тут — неожиданно — ноги ощутили твердую почву.

— Великолечно, — произнес Павлыш, успокаивая бунтарей и трусов, гнездившихся в его теле. — Я же вам всегда говорил, что эта трясина не бездонная. Обычная яма. Мы стоим на дне и теперь пойдем обратно.

Сказать было легче, чем сделать. Песок не хотел отпускать Павлыша и тянул его вниз, в глубину, дно было скользким и ненадежным. Но Павлыш все-таки сделал шаг вверх по склону ямы и, сделав его, понял, что он чертовски устал, особенно мешал груз жижи, напор ее, тиски. Почему-то представился водолаз, медленно идущий в глубине...

— Стойте, — воскликнул Павлыш. — Мы догадались.

Через минуту правая рука пробилась сквозь песок и нащупала кнопку подачи воздуха. Павлыш выжал ее до отказа и не отпускал, пока воздух, сдавливавший горло, грозящий выжать из орбит глаза, останавливающий сердце, не наполнил скафандр настолько, что следующий шаг наверх дался значительно легче...

Павлыш отпустил кнопку подачи воздуха лишь тогда, когда вылез по пояс из зыбучего песка и, стерев свободной рукой грязь со шлема, увидел огонек. Тот горел.

Павлыш долго сидел на берегу, вытянув ноги и позволяя волнам накатываться на них. Он улыбался, не мог не улыбаться, и несколько раз поднимал руки, чтобы убедиться, как легко и свободно живется на воздухе.

Река текла в море, так же спокойно, как и раньше, и совершенно невозможно было угадать место недавнего заточения. Песок разгладился, смирился с потерей пленника — ждал новых жертв.

Но главная задача так и не была решена. Река преграждала дорогу, и реку следовало перейти, чтобы продолжить путь по ровному берегу, начинавшемуся снова в каких-то ста метрах от Павлыша.

Отдышавшись, Павлыш поднялся и пошел по песку к кустам. Раковинки хрустели под башмаками, и шорохи впереди, треск ветвей, писк приближались, становились все явственней. Павлыш остановился, вспомнил, что в пистолет мог набиться песок. Вытащил, провел рукой по стволу. Ствол был чист.

Павлыш шел, держась подальше от щебечущей, безобидной на вид речки, взобрался на невысокий холм и остановился перед стеной кустов. Кусты протянули навстречу колючие сухие ветви, они стояли тесно, словно воины, встречавшие врага. Павлыш попытался раздвинуть кусты, но ветви цеплялись колючками друг за друга, пришлось пожалеть, что не надел перчаток.

Провозившись несколько минут у стены кустов, тщетно стараясь отыскать в них лазейку, Павлыш с отчаяния полоснул по ним лучом пистолета. Луч прорезал в кустарнике узкую щель, поднялся белый столб дыма, и кусты настороженно затихли. Павлыш включил шлемовый фонарь и увидел, как кустарник — единое целое — залечивал рану, как тянулись через щель пальцы ветвей, когти колючек, осыпались на землю мертвые сучки и на их месте вырастали свежие побеги.

Луч фонаря привлек тварей, и Павлыш впервые увидел, как вылетают они из кустарника, сквозь возникающие в непроницаемой стене отверстия, которые исчезают вновь, будто захлопывается дверь.

Павлыш выключил фонарь и отступил, отмахиваясь от тварей, которые стучали прозрачными крыльями по шлему и заглядывали в глаза.

Он вернулся к берегу. Прямой путь через реку не годился. Сквозь кусты не пробиться и не добраться до такого места выше по течению,

где нет зыбучих песков. Возвращаться нельзя. Оставался третий путь — по морскому дну. Он не сулил удовольствий, но выбора не было. Павлыш ступил в воду.

Дно понижалось полого, волны стучали по ногам, отталкивали к берегу и чуть светились, очерчивая силуэт любого предмета, попавшего в воду. Павлыш медленно переступал по твердому дну, стараясь держаться у края дельты. Вскоре пришлось зайти по грудь, движения стали плавными и неловкими, словно во сне. Шагах в пятидесяти от берега дно неожиданно ушло из-под ног, и Павлыш был вынужден погрузиться в воду с головой. Плыть он не мог — скафандр тяжел, хотя, к сожалению, не настолько, чтобы подошвы надежно припечатывались ко дну. При каждом шаге Павлыш терял равновесие, его тянуло кверху, и, как назло, не попадалось под башмаками никакого камня, чтобы взять в руку.

Фосфоресцирующая живность прыскала в стороны от неуклюжего человека. Под водой было совсем темно, и Павлыш включил фонарь, чтобы не сбиться с пути. Справа был песчаный откос, уходивший вверх к краю дельты, слева дно опускалось ступеньками. Течение речки ощущалось здесь явственно — вода давила в бок, гнала в глубину, и видно было, как по дну передвигались струйки песка, уносимые течением.

Спустившись еще глубже, Павлыш попал в джунгли водорослей, мягких и податливых. Никто не мешал Павлышу идти по дну моря, никто не встретился ему, но это не вселяло спокойствия, потому что Павлыш не мог отделаться от ощущения, что за ним следят, пытаются угадать, насколько он силен и опасен. ...Морда глядела на него из водорослей единственным узким плазом. Свет шлемового фонаря отразился в глазу, и плаз еще более сузился, сияясь, видно, разобрать, что же скрывается за пятном света.

Павлыш замер и от резкой остановки потерял равновесие, течение подхватило его, приподняло и повалило вперед, к морде. Павлыш взмахнул руками, чтобы удержаться на месте, и задрал голову, опасаясь потерять морду из луча света. Он был беспомощен и даже не мог достать пистолета, так как для этого сначала надо было вернуть руки к телу.

Глаз закрылся, но вместо него появился разинутый рот — пасть, усеянная иглами. Павлыш отлично мог бы уместиться в пасти, и

воображение мгновенно достроило к морде соответствующее тело и хвост с шипами на конце. Морда закрыла рот и вновь открыла глаз. Чудовище, возможно, было удивлено странным поведением пришельца — чуть касаясь конечностями дна, пришелец поводил в воде руками, качался, поворачивался и при этом приближался к морде.

Чудовище не выдержало жуткого зрелища. Чудовище, видно, решило, что Павлыш хочет его съесть. Морда вдруг развернулась и бросилась наутек. У морды не было тела, не было хвоста с шипами — лишь нечто вроде скошенного затылка, снабженного плавниками.

Стебли водорослей завертелись в водовороте, поднятом мордой.

Павлыш наконец встал на ноги. Перед тем как продолжить путь, он постоял с минуту, отдышался, достал пистолет и решил не выпускать его из руки, пока не выберется наружу.

И через несколько шагов обнаружил, что был прав, приняв такую меру предосторожности. Хотя спасло его не это — а та самая морда, которая, убегая от него, первой попала в ловушку.

Паутина, вернее не паутина, а ловушка, напоминающая чем-то паутину, почти невидимая среди водорослей, была слабо натянута и колебалась вместе с растениями, окружавшими ее. Испуганная морда без туловища влетела в нее с размаху, оказалась в зеленом мешке, мгновенно скрывшем ее, опутавшем зелеными стеблями. И теперь билась в мешке, а по поверхности его, шустро перебирая лапками, сбегались многоножки с тяжелыми светящимися жвалами и впивались в морду, рвали ее, не обращая внимания на яркий луч фонаря, и вода мутнела от крови, и движения жертвы становились все более вялыми, судорожными.

Павлыш стоял, смотрел на гибель морды, и им овладела нерешительность — воображение немедленно населило подводные джунгли сотнями зеленых мешков, и казалось, первый же шаг приведет в ловушку. И когда Павлыш все-таки двинулся, он пошел назад, по уже пройденному, известному пути, потом, выбравшись из водорослей, спустился глубже, чтобы обойти джунгли по краю: у многоножек были сильные и острые жвала — скафандр не приспособлен для защиты от таких хищников.

В глубине мешало идти течение. Оно было подобно сильному ветру. Павлыш все-таки разыскал длинный, похожий на обломанный

палец камень и взял его в свободную руку, чтобы не всплывать при каждом шаге. Стена водорослей покачивалась совсем рядом, и Павлышу показалось, что в одном месте, в прогалине между растениями, он увидел еще одну паутину, у основания которой дежурили многоножки. А может быть, показалось.

Павлыш взглянул на циферблат. Уже прошло два часа с тех пор, как он покинул корабль, прогулка затянулась. Заросли поредели — видно, им лучше жилось в том месте, где пресная вода реки смешивалась с морской. Значит, можно понемногу забирать к берегу. Скоро путешествие по морскому дну закончится. Павлыш начал взбираться по пологим ступенькам вверх и, закинув голову, увидел, что над головой сквозь тонкий слой воды видны звезды и полосы пены на верхушках волн.

И тут его сильно ударили в спину. Он качнулся вперед, ударился лбом о забрало и попытался обернуться — злость брала, как медленно приходилось поворачиваться, чтобы встретить лицом следующий удар.

Сзади никого не было.

Павлыш постоял с минуту, вглядываясь в темноту, поводя фонарем, и снова почувствовал удар в спину. Словно некто быстрый и веселый заигрывал с ним.

— Ах, так, — проговорил Павлыш. — Как хотите. Я пошел на берег.

Он снова совершил полуоборот вокруг своей оси, но тут же резко обернулся и столкнулся нос к носу с тупорылым существом, подобным громадному червю. Существо, увидев, что обнаружено, мгновенно взвилось вверх, выскочило, подняв столб брызг, из воды и исчезло.

— Так и не познакомились, — кинул ему вслед Павлыш. — Хоть вы крайне милы.

Он сделал еще шаг и почувствовал, что вода расступилась. Павлыш стоял по горло в воде. Берег был пуст и уходил вдаль, к огоньку (его Павлыш увидел сразу) ровной полосой. Река шумела сзади, бессильная остановить его. Павлыш уронил камень, выключил фонарь и поднял ногу, чтобы выйти из воды. И тут же кто-то его схватил за другую ногу и сильно рванул вглубь.

Вода взбурлила. Павлыш потерял ориентировку и понимал только, что его тащат вглубь, чего ему никак не хотелось. Он старался выдернуть ногу, включить фонарь, выстрелить в того, кто тащит его, — все это одновременно.

Наконец фонарь вспыхнул, но в замутненной воде Павлыш никак не мог разглядеть своего врага, и тогда он, достав все-таки пистолет, выстрелил в ту сторону. Луч пистолета был ослепительно ярким, хватка ослабла, Павлыш сел на дно и понял, что его старался увлечь вглубь игривый червь. Теперь же он извивался, рассеченный лучом надвое. Павлыш пожалел червя и подумал, что тому просто не хотелось расставаться с человеком, к которому он почувствовал симпатию. Вот и вел познакомиться с семьей — ведь не знал же, бедняга, за какую конечность люди водят друг друга в гости.

Павлыш уже хотел было выходить на берег, как из глубины выскочила стая узких, похожих на веретено рыб, привлеченных, видно, запахом крови червя. Веретена раздваивались, словно щипцы, впивались в червя, их было много, очень много, и зрелище схватки половинок червя с хищниками было настолько страшно, буйно, первобытно, что Павлыш не мог оторваться от него. Стоял и смотрел. И лишь когда одно из веретен метнулось к нему, проверяя, кто светится так ярко, Павлыш понял, что задерживаться никак не следует, и поспешил к берегу, выключив фонарь и надеясь, что червяк — более аппетитная пища, чем его скафандр.

К сожалению, веретено думало иначе. Оно впилось в бок и рвало ткань, как злая собака. Павлышу пришлось разрезать хищника лучом. Тут же, будто услышав крик о помощи, несколько веретен покинули червя и бросились вдогонку за Павлышом. Павлыш отступал к берегу, разя лучом по ловким, быстрым телам хищников, но казалось, что на место погибшего тут же приплывает другой, да еще двое или трое принимаются пожирать разрезанного лучом собрата. Раза два хищники добивались до скафандра, но ткань не поддавалась зубам, и они продолжали дергать и клевать скафандр, будто его упрямство прибавляло им силы.

Одному из хищников удалось все-таки прокусить скафандр. И ногу. Павлыш, рыча от боли, чувствуя, как вода через отверстие льется в скафандр и смешивается с кровью, как все новые и новые веретена впиваются в ноги, с отчаянием рвался к берегу, полосуя по воде

слабеющим лучом, и вода кипела вокруг, и фейерверком разлетались искры и клубы пара.

Павлыш выбрался на песок, вытащил вцепившихся бульдожьей хваткой хищников — вернее, части их, ибо все они были мертвы, разрезаны лучом. Павлыш присел на песок и отдирал их от скафандра. Одна из штанин по колено была полна воды, и, освободившись от веретен, раскидав их головы по песку (сразу из кустов прилетели членистые твари и засуетились, замельтешили лапками, благодаря за угощение), Павлыш обхватил щиколотку двумя руками, провел ими по ноге, чтобы вода вылилась из скафандра через дырку.

В месте разрыва ногу саднило — зубы веретен вонзились в икру, — но остановить кровь было нечем. Павлыш совершил непростительную для врача ошибку — не взял с собой даже пластыря.

— Гнать надо таких, — сказал Павлыш себе. — Ожидал провести приятный вечерок. Совершить прогулку под луной.

Он почувствовал, что страшно устал, что хочет лечь и никуда больше не ходить. И даже не возвращаться к кораблю, потому что идти надо снова по морскому дну, а такие путешествия можно совершать только раз в жизни. Просто закопайся в песок и спи, подсказывало усталое тело. Никто тебя не тронет. Отдохнешь часок-другой и потом пойдешь дальше. Немного мутило, и было трудно дышать.

Конечно же, понял Павлыш. Сквозь дыру идет здешний воздух. Вот неудача. Павлыш отмотал кусок шнура, висевшего аксельбантом через плечо, — захватил на случай, если понадобится веревка, отрезал лучом пистолета кусок с полметра и наложил пониже колена жгут. Это было не очень разумно — нога затечет и идти будет труднее, — но на смеси своего и местного воздуха тоже долго не протянешь.

Отрезав шнур, Павлыш заметил, что пистолет дает совсем слабый луч: то ли слишком часто стрелял, то ли энергия утекла раньше, еще на корабле. Павлыш спрятал пистолет. Оставался нож, но вряд ли его можно считать надежным оружием.

Затем Павлыш сделал еще одно неприятное открытие — в битве на дне каким-то образом раскрылся ранец и запасы пищи достались рыбам. На дне ранца обнаружился лишь тюбик с соком. И Павлыш выпил половину, тщательно закрутив крышку и спрятав остатки понадежнее.

Разумность требовала возвратиться на корабль. Может, удастся подзарядить пистолет и, главное, возобновить запасы воды, сменить скафандр. Дальше идти безрассудно. С каждым шагом возвращение становилось все более проблематичным, тем более неизвестно, что ждет впереди и что скрывается за огоньком. Может, это просто действующий вулкан?

Чтобы больше не рассуждать, Павлыш поднялся — нога болела — и быстро пошел по песку к огоньку, не оглядываясь назад.

Хотелось пить. Когда знаешь, что осталось на два плотка, всегда хочется пить. Чтобы отвлечься, Павлыш сконцентрировал внимание на боли в ноге, хоть, впрочем, уже шагов через двести не надо было делать это специально — нога онемела и ныла, словно зуб. Еще не хватало, чтобы они были ядовитыми, подумал Павлыш. И что стоило сразу побежать к берегу, как только их увидел. А ведь стоял и смотрел, потеряв целую минуту.

Упрямыства хватило еще на полкилометра. Потом пришлось присесть и распустить шнур, усилить приток кислорода, чтобы не стало дурно. Но все равно было дурно. «Пожалуй, я потерял много крови», — думал Павлыш.

Он снова затянул шнур — все равно отдых не помог, лишь кислород зазря уходил в небо — и доковылял до кустов. Кусты изменились, они были здесь выше, не такие колючие, больше похожи на деревья. Даже удалось высмотреть себе палку, и Павлыш сначала хотел срезать ее ножом, но руки не слушались, пришлось опять достать пистолет и отпилить ее лучом.

Дальше Павлыш шел, опираясь на палку и подтягивая больную ногу, и был он, наверно, похож на умирающего путника в пустыне или на полярного исследователя давних времен, из последних сил стремящегося к полюсу. И если за полярным путешественником положено бежать верному псу, то и у Павлыша были спутники, не столь приятные, как псы, но верные — несколько тварей прыгали по песку, взлетали, поднимались над головой и вновь опускались на песок. Они были неназойливы, даже вежливы. Но им очень хотелось, чтобы двуногое существо скорее упало и подохло.

А когда-нибудь здесь будут жить люди, думал Павлыш. Построят дома и дороги, может быть, назовут какую-нибудь из улиц именем «Компаса». Длинными вечерами станут приходить на берег моря по

тропинкам, проложенным в кустарнике, любоваться полосатым солнцем, зеленой водой, и прирученные твари будут присматривать за детьми или восседать на хозяйских плечах. Люди ведь быстро умудряются ставить все с ног на голову. Может быть, даже начнут собирать зеленую паутину с водорослей и изготавливать из нее изящные шали, вечные, переливчатые, легкие. А пока он, Павлыш, ковыляет по песку и его преследуют совершенно неприрученные твари, не ведающие, что человек — царь природы, они полагают, что он всего-навсего потенциальная падаль. Совершенно один...

Но кто зажег огонек? Кто ждет путника за отворенными ставнями? Приветлив ли? Удивится? Встретит выстрелом, испугавшись незнакомца? Ведь если разумные существа появились здесь сравнительно недавно, то они могут оказаться недостаточно разумными, чтобы спешить на помощь каким-то космонавтам.

Но главное — дойти. Неважно сейчас, враг там ждет или друг, вулкан это или светящийся куст. Если начать рассуждения, дать сомнениям одолеть тебя, силы кончатся. Упадешь и доставишь незаслуженную радость членистым тварям.

А огонек между тем приблизился... Берег довольно круто загибался к мысу, в конце которого — невероятно далеко, но куда ближе, чем раньше, — горел огонек. Кусты отступили от берега, разорванные невысокой скалистой грядой, хребтом мыса. Включив на минуту фонарь, Павлыш разглядел поблескивающие черные скалы, однообразно зубчатые, как старая крепостная стена. Потом пришлось фонарь выключить снова — твари самоотверженно бросались на него, и, если раньше их удары казались легкими, теперь каждое столкновение отзывалось вспышкой боли, доползшей уже к бедру, и приступом тошноты.

Стало еще темнее: облака превратились в сплошную пелену и принесли дождик — частый, мелкий, стекавший по забралу ветвистыми струйками. Павлышу вдруг захотелось, чтобы дождь охладил лицо — он ведь должен быть свежим, живым... Павлыш поднял забрало шлема и наклонил голову вперед. Капли, падавшие на лоб, были теплыми, и удивительно — дождь пах, он нес странные, дурманящие запахи земли, скрывающейся за кустами, запахи дремучих лесов, сочных степей, громадных, распластанных по земле хищных цветов, ущелий, наполненных лавой, ледников, поросших

голубыми лишайниками, гниющих пней, из которых ночами вылетают разноцветные искры...

Отчаянным усилием, теряя уже сознание, одурманенный видениями, которые принес теплый дождь, Павлыш опустил забрало. Пришлось сесть на песок и гнать видения. Дышать глубоко и ровно и бороться с неодолимым желанием заснуть и забыться. И Павлыш старался разозлиться. Он ругал себя, смеялся над собой, издевался, он кричал что-то обидное тварям, рассевшимся в кружок на песке, терпеливым тварям...

Потом он снова шел. И ему казалось, что за ним следует слон. Большой белый слон с упругим хоботом и вислыми ушами. Слон топал по песку и подгонял Павлыша. Слон был видением. Твари тоже были видением. Огонек был видением. Ничего в самом деле не существовало — только песок и вода. Вода была зеленая и добрая. В ней мягко лежать. Она понесет обратно, к кораблю, положит у люка, и Глеб Бауэр, сам, своей волей вышедший из анабиоза, подойдет, возьмет Павлыша на руки, отнесет в каюту и скажет: ты молодец, Слава, ты далеко ушел.

Потом было просветление. Боль. Сизое небо. Жесткий песок. Скалы, нависшие над узкой песчаной полоской, скрывающие огонек. И тогда, борясь с болью и благодаря ее за то, что вернула разум, Павлыш прислонился к скале, достал тюбик с соком, допил его. И стало еще муторней, но голова просветлела. И Павлыш заспешил вперед, боясь снова потерять сознание, сойти с ума, поверить в ласковость волн и покой.

Но слон все шел и шел сзади. Он остался от видений. И шаги его были реальны, тяжелы, казалось, что песок вздрагивает и прогибается под ним.

Беспокоило отсутствие огонька. Вдруг пройдешь мимо, но нет никаких сил повернуть, взобраться на скалу, осмотреться. Павлыш не был в состоянии сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он свернул на мыс. Провалы в сознании могли быть мгновенными, а могли продолжаться долго.

А слон совсем близко. Дышит в спину. Павлышу всего-то нужно — повернуть голову, и видение исчезнет. Но никак не мог заставить себя это сделать. Он устал не только физически. Устало все: и разум, и воображение, и чувства, — мозг отказывался впитывать новые образы,

реагировать на них, пугаться или игнорировать. Было, в общем, все равно — идет ли сзади слон или он плод воображения, остаток бреда.

И все-таки Павлыш оглянулся. Он надеялся, что никого там нет, кроме тварей.

Но слон был. Нет, не слон, никакой не слон. Просто аморфная громада непонятным образом покачивалась сзади, соизмеряя движение со скоростью человека, даже припадая на одну сторону, будто приволакивая ногу. У нее не было ни глаз, ни хобота. Только в самых неожиданных местах вдруг вспучивалась светлая оболочка, образуя короткие щупальца.

Павлыш включил фонарь. И тут же пропала боль: пришла злость, которую так безуспешно старался вызвать в себе Павлыш. Ведь несколько десятков метров, несколько шагов осталось до цели, до огонька. Так нельзя. Это нечестно. Это просто нечестно со стороны планеты.

Громада не отступила. Лишь в том месте, куда уперся луч фонаря, образовалась впадина, словно свет ощутимо давил на оболочку. Павлыш провел лучом по телу громады, и та с неожиданной легкостью ушла из-под луча, разделившись на две формы, став похожей на песочные часы.

Павлыш выхватил пистолет, нажал гашетку, но луч пистолета протянулся тонкой полоской, нежаркой и нестрашной, и оборвался у громады. Павлыш выкинул пистолет. Он был тяжел, он оттягивал руку и был совершенно не нужен.

Павлыш и громада стояли друг перед другом. Павлыш выключил фонарь. Громада расширилась в середине и снова стала кулем картошки размером с избу. Одна из тварей неосторожно подлетела близко к громаде, и вытянувшиеся из оболочки щупальца подхватили ее и упрятали в тело. И нет твари.

— К черту! — сказал Павлыш, и громада качнулась, услышав голос. — Я все равно дойду.

Он повернулся к громаде спиной, потому что ничего иного не оставалось. И пошел. Дождь слишком громко стучал по шлему, и звенело в ушах. Но надо было идти и не оборачиваться.

Громада была ближе. Он чувствовал это и не оглядывался.

Скалы расступились. Мыс кончался. Одна скала, выше других, с плоской вершиной, стояла на самой оконечности мыса. И на ней горел

огонек. Не огонек — ослепительно яркий фонарь. Фонарь находился на столбе. Вокруг фонаря вертелись твари, и земля возле столба была усеяна их трупами. До площадки, на которой горел фонарь, было рукой подать. Черный кубик, метра в два высотой, умещался на этой площадке рядом с фонарем. Там, верно, находилась силовая установка, питающая фонарь. И все.

Не было ни домика с открытыми окнами, ни пещеры, в которой горел огонь, не было даже действующего вулкана. Был автоматический маяк, установленный кем-то, кто живет далеко и вряд ли наведывается сюда.

И путешествие потеряло смысл. Павлыш вполз на скалу — с одной стороны она была пологой. Но этот последний отрезок пути отнял все силы — да их и неоткуда было брать: ты можешь пройти почти все и вынести почти все, если впереди есть цель. А если ее нет...

Громада тоже ползла на скалу — чуть быстрее, чем Павлыш. Когда он дотронулся наконец до столба, металлического, блестящего под дождем, громада выпустила щупальца.

Павлыш выхватил нож, полоснул им по первому из взобравшихся на площадку щупальцев, оно сразу исчезло, спряталось, но на место его взобралось новое. Павлыш помогал себе лучом фонаря, заставлявшим щупальца замирать, но их было много, и уже со всех сторон они лезли на маленькую площадку, поднимаясь над краем, как лепестки хризантемы.

Павлыш отступил к черному кубу энергоблока. В нем виднелся люк. Люк был заперт, и Павлыш шарил по гладкой поверхности, надеясь отыскать кнопку или ручку, и не смел повернуться к кубу лицом, потому что надо было полосовать ножом по упрямым лепесткам хризантемы, мотать головой, задерживая их лучом. А лепестки, загибаясь, сползали к центру, к ногам Павлыша. Люк открылся внезапно, и Павлыш, падая внутрь, потерял сознание.

* * *

Павлыш открыл глаза. Ровно горел свет.

Он лежал в неудобной позе, упираясь головой в угол куба.

Павлыш приподнялся на локте. За открытым люком поблескивали капли дождя, освещенные лучами маяка, и капли чуть вздрагивали на лету, как вздрагивает все, если смотреть сквозь силовую защиту.

Павлыш сел. Огляделся. Голова болела так, что хотелось отвинтить ее и пожить хоть немного без головы. Ноги не было. Вернее, Павлыш ее не чувствовал. Черный снаружи, куб изнутри оказался светлым, белым и оттого выглядел больше размером. Во всю боковую стену тянулся пульт. И над ним была небольшая картина, обычная стереокартинка, которые посылают люди друг другу на Новый год: березовая роща, солнечные блики по листьям, мягкая трава и облака на очень голубом небе. Космонавты вдалеке от Земли становятся сентиментальными. И если где-то в пути, на Сатурне ли, на Марсе, их догонит почта, они хранят эти открытки. И вешают их на стены кают.

Все остальное было понятно и просто: пульт дальней связи, запасной скафандр на случай, если потерпевший бедствие космонавт доберется до автоматического маяка, оставленного разведчиками на безлюдной планете, шкафчик с водой, лекарствами, едой, оружие, переносной энергоблок...

Когда-то давно люди в тайге, уходя из затерянной в глуши избушки, оставляли в ней запас соли, спички, патроны — они могли пригодиться заблудившемуся путнику. И эти радиомаяки по традиции так и звались избушками. Неизвестно, кто и когда придумал это название, — привилось.

Шуршали приборы — и в Центр непрерывно шла информация о температуре воздуха, влажности, сейсмике планеты. Планета, по сути, еще была не открыта. Но избушка стояла. И ждала человека. И даже прикрыла его силовым полем, когда настигал преследователь, и даже открыла ему дверь, потому что могла отличить человека от любого другого существа.

Сначала Павлыш забрался в аптечку, разыскал антисептик, тонизирующие таблетки, стащил с себя скафандр, сочувственно покачал головой, увидев, во что превратилась нога. К нему вернулось чувство юмора, и он даже пожалел, что в избушке нет камеры, чтобы запечатлеть это сизое бревно, столь недавно бывшее ногой судового

врача Павлыша. Потом потратил несколько минут, стараясь вернуть себе подобие человеческого вида.

Затем проковылял к пульту связи, переключив рацию на ручное управление, и отбил SOS по космическим каналам. Вне очереди. И знал, слышал, как замирает связь в Галактике, как прерывают работу станции планет и кораблей, как прислушиваются радисты к слабым, далеким призывам, как в Космическом центре загораются сигналы тревоги и антенны вертятся, настраиваясь на избушку номер такой-то, и вот неизвестный еще Павлышу корабль, находящийся в секторе 12, получает приказ срочно изменить курс...

Когда пришло подтверждение связи, Павлыш даже узнал название спасательного корабля. И будет он здесь через неделю. Или чуть-чуть раньше.

А потом Павлыш спал. Он спал часов шесть и проснулся от ощущения неловкости, необходимости что-то предпринять, сделать, куда-то спешить. И понял, что дальше сидеть и отдыхать в этом уютном кубике никак нельзя. Просто неприлично. Особенно когда нога почти прошла (хоть и побаливает), а в карманах запасного скафандра умещаются сразу два пистолета.

И Павлыш сообщил в Центр, что возвращается на корабль. Там ответили: «Добро», потому что не знали, что до корабля десять километров пешком, — да и что десять километров для диспетчера Центра, мерявшего расстояния только парсеками?

Павлыш вышел из избушки. Было совсем темно. Сумерки кончились. Твари бились, как мотыльки, о стекла маяка.

Павлыш представил, как противно ему будет лезть в воду, когда будет он обходить предательскую речку, поморщился, подумав, что слон может придти не один, а с товарищами. Но, в конце концов, все это были пустяки. Спасательный корабль в любом случае через неделю или чуть-чуть раньше приземлится на берегу.

И Павлыш, прихрамывая, пошел по плотному песку, у самой зеленой воды. Волны приносили на гребнях светлую фосфоресцирующую пену и старались лизнуть башмаки. И шел мелкий дождь, несущий видения о лесах, степях и хищных цветах.

Хоккей Толи Гусева

Разницу между днем и ночью улавливали только приборы. Для нас ничто не менялось. В любое время длинных, пятидесятичасовых суток человека, выбравшегося из тамбура «пузыря», встречали все та же фиолетовая мгла, черное переплетение мертвого леса да редкие снежинки — они всегда носились в воздухе, как комары.

Это была самая настоящая зимовка. Хуже полярной, потому что выйти без скафандра нельзя, потому что ближайшее человеческое жилище — наш «Зенит» — месяц назад ушло к соседней системе и вернется только через два месяца, через шестьдесят наших или двадцать девять местных дней.

Мы ждали, пока кончится зима. Оставалось еще недели две. Планета крутилась вокруг своей звезды по сильно вытянутому эллипсу; и зимой, когда она далеко уходила от звезды, смерзались облака и падали на поверхность сплошным ковром. И, разумеется, на ней все умирало. Или засыпало.

Когда нас высаживали, мы подсчитали, что еще недели две — и придет свет: облака должны растопиться, занять соответствующее место, и на планете наступит лето. Мы не отходили далеко от «пузыря». Пурга и замерзший лес окружали нас. Это не значит, что мы ничего не делали. Конечно, мы были заняты и узнали немало, но все-таки это была зимовка, и Толя Гусев решил сделать хоккей.

Есть такая детская игра, которая больше всего интересует детей в возрасте от двадцати пяти и выше. На большой доске прорезаны узкие пазы, в которых двигаются посаженные на штыри хоккеисты. Они гоняют шайбу, а игроки, то есть дети, играющие в хоккей, должны быстро и точно двигать взад и вперед прутьями, на концах которых вертятся хоккеисты.

Толя Гусев делал игру уже вторую неделю, и мы все принимали в этом самое активное участие. В основном мы давали советы и поставляли материалы. Вы не можете себе представить, как трудно достать нужные для детской игры вещи в «пузыре», рассчитанном на шестерых разведчиков и один вездеход. Как назло, не сбросили ничего лишнего. Доставка материалов превратилось в азартный спорт,

иногда опасный для дальнейшего существования группы. И Глеб Бауэр, наш командир, каждый вечер, сидя в углу за шахматами, не спускал глаз с добровольных помощников лохматого Гусева.

Дно и бортики мы соорудили из пустых канистр. Прутья-поводки — из стального троса (Глеб сильно возражал). Кое-какие детали — винтики, скобы поводков и так далее — мы извлекли из кинопроектора. Он нам был не очень нужен, потому что запас картин, привезенный на планету, мы просмотрели по три раза в первые же дни. Глеб устроил нам крупный скандал, когда пропали кое-какие не очень важные детали поляризованного микроскопа. Мы их вернули. Зато уговорили его пожертвовать ради коллектива хорошей пластиковой обложкой большого журнала наблюдений. Ведь в конце концов не на обложке же мы запечатлевали наши великие открытия! В глубине души Глебу тоже хотелось, чтобы хоккей был готов, и он согласился.

Толя Гусев, худущий и растрепанный, разрешал звать себя народным умельцем, и кто-то пустил слух, что он еще на Земле, в университете, за каких-нибудь три года вырезал на рисовом зернышке полный текст «Трех мушкетеров» с иллюстрациями Доре. И до сих пор студенты читают это зернышко, пользуясь небольшим электронным микроскопом.

И вот наступил день, когда хоккейное поле было готово. Оставалось сделать игроков. Игроков было сделать не из чего. Вот-вот наступит рассвет, и, хотя мы были заняты подготовкой к первой большой экспедиции, хоккейный азарт не ослабевал. Глеб сам предложил вырезать хоккеистов из шахматных фигурок, но мы, оценив его жертву, отказались, потому что фигурки были пластиковыми и притом слишком маленькими для хоккея.

На столе у Варпета лежал кусочек местного дерева. Он, безусловно, пытался вернуть его к жизни, вырвать из зимней спячки и потому подвергал всяким облучениям и химвоздействиям.

— Дай попробую, как его нож берет, — сказал Толя.

— Оно мягкое, — ответил Варпет. — Только стоит посоветоваться с Глебом.

Глеб повертел щепку в руках.

— Там, у резервного тамбура, есть большой сук, отвалился, когда устанавливали «пузырь». Отпили кусок и работай, — сказал он.

— Я как раз собирался из него портсигар вырезать, — сказал я. — На мою долю тоже отпилим.

Древесина была теплого розоватого цвета, и портсигар должен был получиться красивым, главное — совершенно неповторимым.

Мы с Гусевым надели скафандры и вышли в ночь.

Лес, густой до невозможности, подходил почти к самому «пузырю». На ветвистых узловатых сучьях не было листьев, от холода деревья стали хрупкими; и если ударить по суку посильнее, он отламывался с легким звоном. Но мы не ломали леса — мы не были хозяевами на этой планете, мы еще с ней не познакомились.

— Представляешь, — сказал Гусев, поднимая за один конец тяжелый толстый сук, — весной все это расцветет, распустятся листья, защечечут птицы...

— Или не защечечут, — сказал я. — Может, здесь птиц нет.

— Я думаю, что должны быть. Только они на зиму зарывают яйца в землю, а сами вымирают. И звери есть, они закапываются в норы.

— Тебе хочется, чтобы все было как у нас?

— Да, — сказал Гусев. — Заноси тот конец к люку.

Мы помогли Толе Гусеву вырезать хоккеистов. Мы делали заготовки — чурбачки. Один, побольше, для тела и один, поменьше, для вытянутой вперед руки с клюшкой. Дерево было податливым и вязким. Оно оттаяло в тепле, хотя Варпет так и не обнаружил в нем признаков жизни. Я сделал заодно себе портсигар. Он получился не очень элегантным, но крепким и необычным.

Наконец человечки были готовы. Мы раскрасили их. Одних одели в синюю форму, других — в красную. Хоккеисты были размером с указательный палец. Гусев высверлил в них отверстия для штырей. Работа эта закончилась поздно ночью — нашей ночью, земной, мы продолжали жить по земному календарю.

Мы поставили хоккеистов на места и положили деревянную шайбу на центр поля. Глеб свистнул, и началась игра. Хоккеисты бестолково, но послушно вертелись, размахивая клюшками, шайба как угорелая носилась по полю и не шла в ворота.

— Научитесь, — сказал Варпет.

Я играл против Гусева, и шайба остановилась перед моим нападающим. Я осторожно повернул его вокруг оси, чтобы шайба попала под клюшку, и резко вертанул прут. Хоккеист — фюить! —

ударил по шайбе, и она полетела в ворота, но не долетела, потому что гусевский вратарь вдруг сделал невозможное — вытянулся вперед и перехватил клюшкой шайбу, но и шайба увернулась от него и понеслась в сторону, к другому игроку, который стоял до этого в полной неподвижности, потому что я и не думал браться за его прут. Но и тот игрок задвигался, при этом странно вытянулся и, нагнувшись, потянулся к шайбе. В тот же момент все хоккеисты пришли в движение. Они будто взбесились, будто ожили. Они дергались, вертелись на своих штырях, вытягивались, цепляли друг друга клюшками; движения их были бестолковы, но быстры и энергичны.

Мы с Гусевым бросили прутья и инстинктивно отодвинулись от доски. Но ничего сказать не успели. Нас опередил Глеб, который в это время смотрел в иллюминатор.

— Пришла весна, — сказал он.

За иллюминатором оживал лес. На глазах таявшие облака изменяли его цвет, и он уже не был темным, он был разноцветным — каждый ствол переливался бешеными яркими красками. В просвете туч появилось солнце, и лучи его, падая на лес, вызывали в нем пароксизмы деятельности. Сучья трепетали, дергались, изгибались, переплетались, танцевали; и казалось, деревья вот-вот вырвутся с корнями и пойдут в пляс. Каждая частица, стосковавшаяся по «солнцу», — а ведь наши хоккеисты тоже были частицами деревьев — встречала весну.

На концах корявых ветвей набухали почки и тут же лопались, обнаруживая свернутые в трубку листья или бутоны цветов. Глаза не успевали фиксировать быстролетные перемены, мы лишь отмечали результаты их и перебрасывались растерянными короткими репликами:

— Смотри, цветок раскрылся.

— Словно пожар.

— Камеры включены?

— Ты видишь?

— С ума сойти!

— Правее взгляни.

— Где объектив?..

Из густой светлой листвы, из пляшущих цветов, из клубков лиан вылетали птенцы и многокрылые бабочки. Синий жук, вырвавшись из бушующего леса, словно пуля ударился в иллюминатор и боком, боком побежал к краю, кося на нас белым глазом.

На время мы забыли о хоккеистах. Мы столпились у иллюминатора. Пораженные, любовались красками и движениями леса, хотя и понимали, как трудно будет изучать эту дикую, стремительную жизнь, как трудно будет пройти эти леса.

А когда мы снова обернулись к хоккейному полю, то увидели, что шайба залетела в правые ворота, а деревянные человечки, сплетясь в кучу, отчаянно сражаются клюшками. Хотя это, наверное, нам показалось. Просто растительная энергия случайно приняла странную форму.

— Давайте свисток и удаляйте всех с поля, — сказал Глеб. — Хоккейный сезон кончился. Нам придется посовещаться...

Пустой дом

Мы схожи с мореплавателями семнадцатого века. Океаны безбрежны и полны тайн. Карты — сплошные белые пятна, кое-где пересеченные маршрутами капитанов, что побывали в этих широтах десять, сто лет назад. Богатая фантазия картографов заполнила плоскости белых пятен двухголовыми чудовищами, морскими змеями, огнедышащими горами и сиренами.

Завтра моряку, быть может, повезет: пролетит над бушпритом зеленый попугай, закачается на волнах скорлупа кокосового ореха, туманным облаком повиснет над горизонтом неизвестный остров.

— Не будет на острове двухголовых чудовищ и темнокожих красавиц. И тайн не будет. Остров окажется точно таким же, как сто островов до него, — сказал Гусев.

— Сила тяжести восемь «ж», метеоритные кратеры и выходы базальтов, — сказал Бауэр.

— Мне с вами скучно, — сказал я. — Мне давно с вами скучно. Метеоритных кратеров не будет. В такой плотной атмосфере сгорит без следа даже аризонский метеорит.

— Там все уже сгорело, — не сдавался Гусев. — Температура у поверхности плюс триста. Поверь моему опыту.

В кают-компанию спустился Янсон и принес расшифрованный отчет зонда. Температура у поверхности по экватору — минус сорок четыре Цельсия. Атмосфера практически нормального типа. Пальмы кивали головами с далекого берега.

— Жуткие ветры, — сказал капитан, когда мы поднялись на мостик. — Отвратительный климат. Но жить можно.

На экране клубились снежные вихри, в просветах туч изредка мелькали пятнистые прогалины. Бауэр разложил на штурманском столе фотографии, принесенные зондом. Он был похож на дедушку, раскладывающего любимый пасьянс «Невский проспект».

— А вот и город, — сказал Бауэр и протянул капитану нечеткий снимок. Снимок был заштрихован полосами вихрей, и при желании сквозь них можно было разглядеть прямые линии и круги.

Мы оставили корабль на орбите. Сели скромно, в катере. При посадке катер швыряло ветром и сносило к острым зубьям скал.

— Тропический рай, — сказал Бауэр, застегивая скафандр.

Если бы на корабле нашлись шубы, можно было бы обойтись и без скафандров. Но шуб мы с собой не везли.

— Потом, когда познакомимся поближе, — ответил я, — одолжим у них валенки.

— Кому что, дуся, — сказал Бауэр. — Мне выдадут горные лыжи. Здесь чудесно развит зимний спорт.

Температура снаружи упала до пятидесяти трех градусов. Пурга ярилась, раскачивая катер.

— Они не занимаются зимним спортом, — сказал серьезно Гусев, готовя к спуску вездеход. — Они смотрят телевизор.

— В такой обстановке нельзя изобрести телевизор, — сказал Бауэр. — Никто не полезет на крышу ставить антенну.

— Скоро выходите? — спросил по рации капитан.

— Мы готовы, — сказал Бауэр.

— В катере Гусев?

— Да.

Об этом было уговорено еще на корабле. Гусев лишь улыбнулся. Мы с Бауэром перешли в вездеход. Машина вздрогнула, когда по ветровому стеклу полоснуло снегом. Колеса до половины утонули в сыпучей каше.

Город возник из ничего в тот момент, когда мы поравнялись с первым домом. Приземистые купола вылезали из-под снега, как шляпки боровиков из-под вороха осенних листьев. Вездеход медленно плыл по уши в снегу, ворчал, вздыхал, медлил, когда пурга хлестала по глазам. Самый большой купол был полупрозрачным. Под ним скрывалась площадь, окруженная невысокими зданиями. Снежные струи не задерживались на скользких боках купола, стекали ручейками, но на полпути вновь взвивались смерчами, метались у преграды и били по ней кулачками.

Площадь была пуста.

— Почему молчите? — спросил капитан.

— Их нет дома, — сказал Бауэр.

Я закрепился тросом, вылез наружу, и меня сильно толкнуло ветром в спину. Я попытался укрыться за покатою стеной. Навстречу

мне зыркнул глазами белый мохнатый зверь чуть больше овчарки ростом. Присел на задние лапы и оскалился крокодилыми зубами.

— Погоди, — сказал я зверю. — Куда ты?

Зверь закинул на спину длинный хвост и исчез в пурге.

— С кем ты? — спросил Бауэр.

— С волком, — сказал я. — Он убежал.

Из снега вылезла стенка. На ней мозаичная картинка — желтые и фиолетовые улыбки без лиц, разноцветные спирали и овалы. За стенкой снег вымело до мостовой, сложенной из серых плиток.

— Летом здесь тепло, — сказал я.

— Да, летом тепло, — сказал Бауэр. — Летом планета возвращается к их солнцу.

Мы нашли вход на площадь. Двойные двери в конце короткого туннеля пропустили вездеход внутрь и бесшумно закрылись, отрезав суетню бури. Снег, влетевший вслед за нами, не растаял, а лег веером по плитам. Я потоптался, стряхивая снег с башмаков, и снял шлем. На площади было тихо и холодно. Окна домов были закрыты, мостовая припудрена тонким слоем пыли. Бауэр подогнал вездеход к большой застекленной двери, спрыгнул на мостовую.

— Хоть бы муха пролетела, — сказал я.

— Холодно, — сказал Бауэр. — Надень шлем, простудишься.

Я запрокинул голову. По куполу суетились, разыскивали щель снежные струи. Бауэр шел ко мне, и его башмаки гулко цокали по плитам. Казалось, что мы на сцене огромного театра, где расставлена мебель и нарисованы декорации для спектакля, но нет еще ни актеров, ни зрителей — лишь мы, безбилетники, заблудились среди фанерных задников, разрисованных под дуб дверей и окон, за которыми нет комнат.

Бауэр постучал каблуком по плите.

— Там, внизу, пусто, — определил он.

— Надо войти в дом, — сказал я.

Бауэр кивнул, но некоторое время мы не двигались с места. Разумеется, мы должны были что-то делать. Не стоять же век посреди пустой площади. И проще было бы сделать первый шаг, если бы город был разрушен, объеден ветрами, если бы город был мертв.

Но он не был мертв. Город притворялся. Будто замыслил странную игру, будто был построен специально для нас, будто бы это

был не город, а видение, голос сирены, приманка и там, под плитами, затаился Минотавр, ждущий своей жертвы.

Так же думал и Бауэр. За долгий полет начинают думать схоже. И вести себя схоже. Бауэр сказал:

— Сейчас из-за угла выйдет Житель города и скажет: «А вот и я».

— Пошли? — сказал я.

— Осторожнее, — послышался голос.

Я вздрогнул. Это капитан услышал наш разговор.

— Может быть, там скрывается всякое зверье.

Скрипнула дверь. Помещение за ней было обширным, гулким и сумрачным. Потертый ковер тянулся между двумя рядами круглых столов. Столы были одинаковы, лишь на одном лежала на боку ваза с отбитой ручкой.

Мы шли между рядов, становилось все темнее, и серые окна за спиной превратились в глаза, сверлящие взглядом. Бауэр включил шлемовой фонарь и щелкнул кнопкой на кобуре. Крышка отскочила, и рукоятка пистолета блеснула тускло и зловеще. Луч фонаря скользнул по длинному барьеру, который перегораживал дорогу. Бауэр наклонил голову, и луч света выхватил темное пятно на барьере. Кто-то опрокинул на барьер чернильницу. Или бутылку с краской. В темном пятне отпечаталась человеческая ладонь. Бауэр провел пальцем по пятну. Чернила давно высохли.

— Может, вернетесь? — спросил Гусев по рации.

— Здесь лестница вниз, — сказал Бауэр. — Спустимся. Поздно уж убегать.

Дверь в конце неширокой лестницы была прикрыта. Бауэр нажал ручку. И тут же вокруг нас вспыхнул свет. Неяркий, ровный, желтоватый. Со скрипом отъехала в сторону решетка. Мы оказались на складе. До самого потолка громоздились штабеля ящиков, контейнеров, шаровых сосудов, коробок и пачек. Склад ждал хозяев. Они не пришли, и он готов был щедро поделиться с нами своими богатствами...

— Ну хоть бы один труп, — говорил Гусев, расхаживая по кают-компаниям. Он высоко поднимал ноги, перешагивая через кипы фотографий, графиков, отчетов. — Хоть бы одна живая душа! Как они умудрились себя уничтожить без всякого следа? Вы мне можете сказать?

— Нет.

— Что это за беда, которая стерла с планеты всех живых людей? Ведь мы обыскали уже несколько городов, гоняли биозонд в море, рыскали по горам. Что это? Абсолютное оружие?

— Абсолютное оружие уничтожило бы и волков, и оленей, и птиц, — ответил капитан. — А звери живы. Почти все в спячке, но живы. Ждут лета.

— Или они ушли в подземные пещеры? Но зачем? Да и не пропустили бы мы пещер, в которых может скрываться полтора миллиарда разумных существ.

Бауэр сидел на полу, вытянув вперед длинные ноги, глядел на Гусева снизу. Он сказал:

— Классическая ситуация. Тайна «Марии Целесты».

— Что?

— Не помнишь?

— Не помню.

— Лет двести назад в океане обнаружили судно. «Мария Целеста». Белые паруса, наполненные ветром, и так далее. Все в полном порядке — ни течи, ни следов пожара. Но ни одного человека на борту. Идет себе по морю пустой невредимый корабль. Кастрюля на плите в камбузе, детская игрушка на палубе. Шлюпки целы. До сих пор тайна не раскрыта.

— А почему детская игрушка? — спросил капитан.

— На борту была чья-то жена. С ребенком. За детали не ручаюсь. Главное — все исчезли.

— Если это эпидемия, — сказал я, — то уж очень много придется делать допущений. И что умершие растворялись в воздухе, и что диких зверей не затрагивала болезнь.

— Кстати, — сказал Бауэр. — У них в домах жили домашние животные. Их тоже нет.

— И еще одна деталь, — сказал Гусев, разглядывая какую-то фотографию, — нет зимней одежды.

— И системы отопления, которая могла бы справиться с зимой.

Капитан потянулся, хрустнул пальцами.

— Значит, можем пока остановиться на рабочей гипотезе. Раньше таких холодов они не знали. А когда грянул мороз, он застал их врасплох. И тогда что-то случилось.

— Кстати, — сказал Гусев, — вчера я был в музее. В большом городе, километрах в ста пятидесяти от места первого приземления. Там, в исторической секции, масса изображений людей в зимней одежде. Есть и шубы, и всякие меховые вещи. ...Мы с Бауэром остановились в коридоре жилого дома. У нас в плане поисков стоял жилой дом: обмер, фотографирование, сбор образцов.

— Вытирай ноги, — сказал Бауэр, который уже прошел в первую комнату. — Здесь ковер. Наследишь.

Внешняя стена комнаты была округлой, повторяла форму купола, прикрывавшего здание. На стене висела большая картина — лес. Буйный, зеленый, цветущий, ничего общего не имеющий с крючковатыми палками, покрывающими долину за городом. Во весь пол лежал голубой ковер. В доме все было так, будто хозяин ушел из него вчера. Если с площади люди успели все убрать, то здесь времени на это не хватило. На столе свалены журналы, маленькие ночные туфли стоят около дивана, дверцы шкафа приоткрыты, и на вешалках висят платья, куртки, туники, накидки — все летнее, легкое.

Бауэр сдул пыль с журнала, раскрыл его.

— Удивительно все-таки, — сказал он, — что наш корабельный Мозг до сих пор не раскусил языка. Возможно, именно в этом журнале написано: «Надвигаются холода. Собирайте вещи и бегите».

— Нет, — сказал я, перейдя в следующую комнату. — Все случилось неожиданно. Она даже не успела убрать за собой постель.

— Почему она?

— Здесь жила женщина.

Я прошел на кухню. Холодильник был пуст. Я откинул створку ставен. Там все так же бушевала метель, и белые волки, собравшись у вездехода, старательно обнюхивали колеса.

— Ты был прав, — сказал Бауэр.

— В чем?

— Она была женщиной.

Я поднял полотенце. Хозяйка дома бросила его небрежно на стол, и оно свешивалось до пола.

— Крысолов, — сказал я.

— Что? — крикнул Бауэр.

— Крысолов загудел в дудочку, и она побежала на улицу.

— Но дверь за собой заперла. Иди сюда. Посмотри, какой она была.

Бауэр держал на коленях толстый альбом. В нем были рисунки, любительские, робкие, несколько фотографий, надписи разноцветными чернилами, глазастые цветы и шестиногие зверюшки в углах страниц.

— Она училась в Смольном институте, — сказал Бауэр, раскрывая альбом на первой странице, где был приклеен акварельный портрет девушки с удивленными бровями, мягким коротким носом и пухлыми, четко очерченными губами. Глаза были темно-синими, с черными ободками. — Она была дочерью небогатых, но благородных родителей.

— Тебя не приглашали в этот дом, — сказал я. — И никто не разрешал тебе брать этот альбом.

— Я не виноват, что хозяева не захотели меня дождаться.

Я взял альбом с собой. Ведь он никому уже не понадобится.

— Ты даже никогда не узнаешь, как ее звали, — сказал Бауэр, когда мы возвращались к катеру.

— Не важно, — ответил я. — Буду звать ее Кристиной. Я давно хотел познакомиться с девушкой по имени Кристина.

На самом деле мне было очень грустно, что я никогда ее не увижу. Я вспомнил, как давно, лет десять назад, я увидел в старом альбоме фотографию готической статуи, что стоит в Нюрнбергском, а может быть, в Кельнском соборе. Статуя изображала тонкую, гибкую, очень печальную женщину, красивей которой я не видел. Кажется, звали ее Ута и умерла она восемьсот лет назад. Мастер умудрился вылепить ее живые, нервные руки и тоску в глазах. Рядом была статуя ее мужа — сытого, крепкого графа. Я уверен, что он жестоко обращался с Утой. И несколько дней я мучился глупо и бездарно из-за того только, что никогда не смогу защитить ее от этого графа, увезти в Москву или в Луноград, уговорить пойти на курсы биоников или программистов, приехать за ней после рейса и везти ее в Калькутту, Рио-де-Жанейро или какое-нибудь другое чудесное место...

— Мы останемся здесь до весны, — сказал капитан. — Я связался с Землей. Завтра сюда вылетает экспедиция. Просили нас пока собирать информацию.

На две недели, что оставались до прилета экспедиции, я переселился в город. Мне ничего не грозило в городе, и капитан разрешил мне жить в доме Кристины. Бауэр посмеивался надо мной, но порой, если мы изматывались за день, то исследуя подземные гаражи и энергохозяйство, заводы в соседней долине, то пытаюсь пробраться в Синие башни, торчавшие свечками на окраинах города, он устраивался на втором диване, варил крепкий чай, большую пачку которого нам выдал Янсон, и за полночь мы с ним разговаривали о городе, таком знакомом уже и чужом, пока мы не разгадали его, не поняли его языка.

Портрет Кристины я поставил на столике у дивана. А рядом посадил игрушечного белого волчонка, которого взял в подземном гараже дома, из ее машины.

Мне часто снился один и тот же сон. Может быть, потому, что я хотел его увидеть. Будто я просыпаюсь. Утро. В прихожей слышны легкие шаги. Потом кто-то входит в комнату, открывает ставни, солнце врывается в окна. Я открываю глаза — Кристина стоит возле дивана и говорит: «Вставай, проспичь все на свете».

Но утро всегда было серым, ветреным и безжизненным.

Постепенно планета приближалась к солнцу. Стало теплее. Солнечные лучи порой уже прорывались сквозь сизые тучи, и тогда на глазах оседали сугробы, стихала на минуту пурга. И тут же вновь с яростью бросалась на город, как только тучам удавалось упрятать солнце. Глеб Бауэр притащил откуда-то ветку с разбухшими почками и уверял меня, что она расцветет до нашего отъезда.

— Завтра-послезавтра, — сказал он, разлегшись на ковре, — Мозг одолеет их язык.

— Откуда знаешь?

— Он сам сказал.

— Послезавтра кончается наша вахта.

— Ничего, придут другие. А нам пора приниматься за дело. Мы не археологи, а моряки. И еще меня смущают Синие башни. Хотел бы я узнать, что в них спрятано. Это единственные строения на планете, которые нам так и не удалось открыть.

— Отвечу твоими же словами: придут другие. Ведь мы не археологи, а моряки. Кстати, а вдруг люди скрывались в них?

— Спрашиваешь, а сам знаешь, что чепуха.

— Ладно, это я так. Чай пить будешь?

— Сейчас поставлю.

Но он не успел этого сделать. Включился динамик, и капитан сказал:

— С экватора идет теплая волна. Часа через два у вас начнется черт знает что. Такой бури мы еще не видали. Катер надежно укрыт?

— Сейчас проверю, — сказал Глеб, нагибаясь за башмаками. — Наверно, мне лучше подняться к кораблю.

— А я останусь, — решил я. — В доме мне ничего не угрожает. Камера у меня с собой — сниму бурю.

— Отлично, — согласился капитан. — До связи.

— Вот и весна идет, — сказал Бауэр. — Куда же я шлем положил?

Буря поднялась через час. Бауэр еле успел вырваться с планеты. Буря не утихла и к утру. Скорость ветра достигала восьмидесяти метров. Температура поднималась на глазах, и по снегу неслись, вгрызаясь в него, бурные ручьи. Водяная пыль смешивалась со снежной пылью. Под вечер второго дня город затопило, вода поднялась вровень с окнами, и потоки рушились вниз, к озерам и морю.

В ту ночь я допоздна засиделся за сводками и списками. Спал я тяжело, просыпался. Ночью почему-то меня вызвал Бауэр — он восторженно кричал о том, что Мозг расшифровал наконец их язык, что он теперь все знает, что тайны никакой нет, но мне очень хотелось спать, и я сравнительно вежливо попросил его сообщить мне все завтра и не стал его слушать. Отключил рацию, нарушив тем самым важное правило поведения на неисследованных планетах. Но я очень хотел спать. ...Было утро. Я лежал, прислушиваясь, как всегда, к шорохам дома. У двери раздались голоса. Потом кто-то засмеялся. Смеялась Кристина. Я не открывал глаз, потому что не знал, сон это или Кристина в самом деле вернулась домой. Я ждал, когда в прихожей раздадутся легкие шаги.

Хлопнула дверь. Кристина замешкалась в коридоре. Конечно же, там висит мой скафандр. Я хотел сказать, чтобы Кристина не боялась, но вспомнил, что она не поймет. Так я и лежал, не открывая глаз.

Кристина вошла в комнату и остановилась у двери. Сейчас она увидит белого волчонка и свой портрет на столике. Кристина не двигалась. Комната наполнилась жужжанием — она включила шторы.

Стало светлее. Даже сквозь сомкнутые веки солнце било в глаза. Тогда я понял, что это не сон.

Кристина стояла у двери. Я открыл глаза и постарался улыбнуться ей. Окна были открыты, и сквозь них виднелось синее небо. Ветка на столе распустилась, и цветы оказались такого же цвета, что и глаза у Кристины.

— Доброе утро, — сказал я. — Извините, что я напакостил в вашем доме.

— Доброе утро, — отозвалась Кристина. — Я не обижаюсь.

Только тут я заметил у нее на груди коробочку лингвиста.

Из-за ее спины неожиданно возник Глеб.

— Мы не спали всю ночь, — сказал он. — А ты отключил рацию, и за это тебе влетит от капитана по первое число.

— Пожалуйста, — сказал я, не отрывая взгляда от Кристины. ...В день отлета я спросил Кристину:

— Ты что сегодня делаешь?

— Работаю, — сказала Кристина. — Ты же знаешь. Первую неделю мы приводим город в порядок. Все работают.

Лингвист точно переводил смысл слов, но совершенно не умел передать интонации и оттенки эмоций.

— Если бы ты остался, — сказала Кристина, — я бы научилась говорить по-русски.

Лингвист опять перевел только формальную суть ее слов.

— Я не могу, — сказал я. — Но прилечу, как только станет возможно.

— Я не верю, — сказала Кристина.

— Можно, я возьму на память твой портрет и белого волчонка?

— Зачем?

— Я возьму.

— Как хочешь.

Мы стояли у летнего кафе. Несколько человек помогали машине натягивать над ним полосатый тент. Пахло свежей краской. Бауэр рискованно обогнал автобус и затормозил рядом с нами.

— Я знал, где тебя искать, — сказал он. — Доброе утро, Дели.

— Кристина, — поправила она.

— Мы едем в Синюю башню, — сказал Глеб. — Хочешь с нами?

— Зачем? — удивилась Кристина. — Я совсем недавно там была. Я не люблю их. Тошнит.

— Сегодня придут последние. Те, кто задержался осенью, консервируя энергостанцию.

— Ты рассказывал мне про «Марию Целесту», — сказала Кристина. — А может, там случилось то, что у нас?

— Вряд ли. Случайно такие вещи не случаются.

— У нас сначала тоже было случайно. Потом только появилась теория. И первые машины времени.

— Любое открытие вызывается необходимостью. На Земле это еще не необходимость.

— У нас необходимость.

— Еще бы, — сказал Бауэр. — Зима отнимала у вас половину жизни. На шесть месяцев планета вымирала. Можно терпеть мороз, можно изобрести валенки, но это лишь защита, а не нападение.

— Вот мы и напали на зиму, — сказала Кристина. — Простите, мне пора.

— Мы подвезем тебя, — сказал Бауэр.

— Мне близко, спасибо. Увидимся перед отлетом.

Кристина запахнула накидку и убежала.

Мы успели к Синей башне. Техник провел нас к временным камерам как раз тогда, когда из них выходили рабочие с энергостанции.

Было странно смотреть, как открываются двери в ничто, во время, в прошлую осень. И странно сознавать, что через эту башню за последние три дня прошло население всего города. Сейчас выйдут последние, и башня заснет до осени. Осенью, когда зарядят дожди, когда первый снег брызнет из сизых туч и ветры начнут срывать с деревьев бурые листья, вновь загорятся контрольные приборы, загудят генераторы, создавая временное поле. И, убрав за собой дома, заперев все двери, смазав станки, загнав в гаражи машины, выключив свет, захватив с собой домашних зверюшек, жители города соберутся у Синих башен, взглянут в последний раз на хмурое сизое небо и войдут во временные камеры. На мгновение замутится сознание, охватит дурнота, потом вновь вспыхнут лампы под потолком: можно выходить.

В жизни людей пройдет минута. В жизни планеты — шесть месяцев. Люди постареют на минуту, планета — на полгода. И нет зимы, нет месяцев, потраченных на борьбу со злой природой, не нужны теплые вещи и топливо...

Несколько дней уходит весной на уборку города, на окраску домов, обглоданных метелями, — и жизнь продолжается. До осени. А там вновь вся планета уйдет в машины времени, чтобы вычеркнуть зиму. И вновь на шесть месяцев на пустой планете воцарится холод и в покинутых людьми городах будут хозяйничать белые волки и пурга.

Выходивший последним пожилой мужчина в белом комбинезоне с синей «молнией» на рукаве передал технику квадратную карточку. Тот сверил ее с другой, такой же.

— Хорошо, — сказал он. — Идите.

Люди, вышедшие из башни, останавливались, поправляли волосы, жмурились, разминались, как после короткого дневного сна. Один из них присел на корточки, сорвал тонкую травинку, пробившуюся сквозь холодную еще землю.

— Никак не могу привыкнуть, — сказал он, поднимая голову. — Никак.

Кто-то коротко засмеялся.

Техники суетились у входа.

Короткие команды раздавались из динамика над дверью башни.

Минут через пять все было кончено: тяжелая стальная дверь опустилась сверху и отрезала от сегодняшнего дня прошлую осень. ... Кристина не пришла нас проводить.

Ничего, я прилечу сюда следующей весной, без спроса войду в ее пустой дом, улягусь на диване в первой комнате и буду ждать того утра, когда в прихожей раздадутся легкие шаги, Кристина войдет в комнату и откроет ставни, чтобы впустить в дом солнечные лучи.

Такан для детей земли

Такана поймали на границе Большого Плоскогорья, там, где серые непроходимые джунгли уступают место редким кущам сиреневых деревьев, источающих едкий запах камфары и эфира. У сиреневых деревьев ядовитые длинные иглы, и, если неосторожный путник остановится переночевать в куще, он никогда больше не проснется. Туда, на Плоскогорье, не добираются влажные серые туманы, и покрытые снегом вершины Облачного хребта видны в любую погоду.

Такана поймали канские охотники и принесли в деревушку у водопада, привязав за ноги к гибким слегам. Он еще не умел летать. Такана не добились, потому что зимней ночью в деревню приезжал начальник поста в Дарке и сказал, что за живого такана можно получить много денег.

Рана на плече такана быстро затянулась, но он не убежал в горы. Ему не было еще и года, он пасся за деревней с длинноногами и вечером возвращался в загон. Дочка старосты подкармливала его солью и смотрела, чтобы длинноноги его не обидели. Староста запряг прыгающего червя и отправился в Дарк. Там он сказал, что охотники поймали такана и ждут теперь больших денег. Начальник поста послал сообщение об этом в столицу, так я об этом узнал. Староста уехал обратно, проиграв на базаре все деньги, что взял с собой на покупку одежды, и перед отъездом поклялся духами гор, что с таканом ничего не случится.

Это был первый такан, которого поймали живым. Лет десять назад ботаник Гуляев, путешествуя по Большому Плоскогорью, увидел в пещерном храме секты Синего Солнца шкуру неизвестного зверя. Шкура была старой, потертой, густая золотистая шерсть кое-где вылезла. На шкуре восседал глава секты. Гуляева интересовала орхидея Окса, невзрачное на вид растение с белыми пятилепестковыми цветами, корни которого содержат паулин. Паулин позволяет не спать до месяца без вредных побочных эффектов. Секта Синего Солнца была известна своими многодневными радениями, и в Дарке Гуляеву посоветовали поговорить с ее главой. Глава секты

сделал вид, что ничего не знает об орхидее, но зато рассказал ботанику, что зверь, шкура которого понравилась гостю с Земли, водится высоко в горах и его нельзя поймать живым. Зверь называется таканом, и его охраняют злые духи гор. Потом глава секты сказал что-то послушнику, и тот принес прозрачную тонкую пластину и сказал, что это кусок крыла такана. Таканы летают с наступлением тепла, а осенью сбрасывают крылья. Гуляев забыл об орхидее и предложил высокую цену за шкуру и кусок крыла. Но глава секты не расстался с ними, хотя и разрешил сфотографировать.

Я видел фотографию шкуры и крыла еще на Земле. Гуляев принес ее в зоопарк. Фотография была объемной, послушник держал прозрачную пленку, в ней отражалось солнце, и моя дочь Алиса сказала: «Они, наверное, стекла для окон из этого делают».

Я собрал на Зие хорошую коллекцию, больше всего в ней было прыгающих червей, и в музее меня уверяли, что они отлично акклиматизируются на Земле, что они незаменимы как выючный транспорт. Но у меня было какое-то предубеждение против езды на червяках, и я опасался, что мои соотечественники его разделят. Я разузнал о такане все, что мог. То есть немного. Его и в самом деле не было ни в одной из коллекций планеты, и многие зоологи считали его легендой. Мне помогли разослать в горные области обещания щедрой награды за поимку такана. И через два месяца пришло известие, что молодой такан пойман. Это было исключительным везением.

До деревни меня проводил начальник поста в Дарке. Староста вышел встретить нас к изгороди. Его четыре руки были украшены каменными браслетами. За ним шли охотники с короткими копьями.

Такан за месяц подрос и догнал своих сверстников длинноногов. Он узнал старосту и подошел, когда староста его позвал. Приподняв голову, он глядел на нас большими золотистыми глазами. Он был очень мил, и мне даже стало жалко, что на Зие не знают той сказки. Оказывается, она все-таки существует в шестнадцати парсеках от Земли.

Я протянул руку, чтобы погладить такана, и староста сказал:
— Он добрый.

Старосте очень хотелось, чтобы такан мне понравился.

Мы остались ночевать в деревне. Ночью мне стало трудно дышать, и я проснулся. Я добрался до чемодана и достал кислородную

маску. Пока я возился с ней, сон прошел, и я вышел на улицу. Улица упиралась в загон для скота, и я увидел такана. Он тоже не спал. Он стоял, прислонившись к ограде, и глядел на синие рассветные горы. Его шерсть чуть светилась. Он услышал мои шаги и повернул голову. Я остановился, пораженный уверенностью, что такан сейчас заговорит. Но он молчал. Мне вдруг стало стыдно, что я лишил его гор, что я собираюсь посадить его в тесный корабль и увезти на Землю. Но я постарался отогнать от себя эту мысль. Ведь звери живут в зоопарках дольше, чем на свободе.

— Спи, — сказал я ему. — Нам предстоит долгий путь. Тебя ждут.

Такан вздохнул и переступил с ноги на ногу.

Мы заплатили старосте тысячу. Это было ровно столько, сколько он запросил. Еще четыре тысячи пришлось отдать даркскому начальству. Староста жалел, что запросил мало. Он сказал «тысяча», потому что не надеялся, что найдутся существа, способные заплатить такие деньги за такана.

Мы не могли в тот же день отвезти такана в Дарк. Вездеход был мал. Тогда все уехали, а я остался в деревне ждать большую машину. У меня была кинокамера, и я целый день снимал такана, мальчишек, которые не отставали от меня ни на шаг, и старика Сопу. У старика было на две руки больше, чем у других охотников этого племени, и он напоминал шестирукого Шиву. Старик сидел у дверей хижины и равнодушно щурился в объектив. Я был рад, что задержался в этих местах. Над деревней висели сизые горы, под сосной на площади стоял измазанный жиром деревянный идол. Одно крыло у него треснуло и было подвязано грязной веревкой.

Я быстро уставал, но кислородом почти не пользовался. Ночью меня мучил сон — такан ушел в горы, и я лезу за ним сквозь ядовитые колючки к снежному перевалу и никак не могу его догнать. Только болят глаза от сияния его шкуры. Потом такан взлетает к облакам, и его стрекозиные крылья кажутся издали голубоватой дымкой.

Охотники взяли меня с собой в лес искать змей. Лес был поосеннему пустым и тихим. Дождей уже не было несколько недель. Под ногами шуршала сухая трава. Я набрал букет мелких розовых цветов. Цветы пахли гнилью, и лепестки их были влажными на ощупь. Мне хотелось засушить цветы на память, но они к вечеру растаяли.

Через два дня приехала большая машина с клеткой. За полчаса до того, как она появилась на площади, слышно было, как тяжело дышал ее мотор, осиливая подъем. Мне хотелось остаться в деревне, и я лелеял надежду, что мотор сломается. Мне хотелось каждое утро видеть сизые горы. Но я пошел к такану, чтобы осмотреть его перед отъездом. Дочка старосты, которая не любила меня за то, что я хотел увезти такана, помахала нам, когда машина сворачивала за последний дом. Клетка покачивалась на поворотах, и такан быстро переступал с ноги на ногу, чтобы не потерять равновесия.

В самолете такан стоял, положив мне на колени теплую голову, и глаза у него были печальными. Он шевелил губами, будто шептал мне что-то, а я успокаивал его и чесал крутой лоб.

В столичном порту самолет встречало неожиданно много народа. Здесь были высокопоставленные чиновники, инопланетчики и просто любопытные. Первым подошел к самолету директор зоопарка. Ему не терпелось увидеть такана. Он предпочел бы оставить такана у себя, но даркские власти продали его Земле, и правительство не возражало. Правительству хотелось, чтобы такан был подарком Земле. Никто не сомневался, что теперь, когда исчезли сомнения в его реальности, можно будет достать еще нескольких для себя.

Я свел такана по трапу на пластиковое покрытие аэродрома, и встречающие подходили и гладили его по теплему шелковистому боку. Такан терпеливо ждал, когда можно будет уйти в прохладу. В долине ему было душно, жарко, и бока его тяжело раздувались.

Такана поместили в кондиционированной комнате космслужб. Мы хотели, чтобы он акклиматизировался и окреп перед новым путешествием.

Такан тосковал. Он отказывался от незнакомой травы. Я каждый день надоедал химикам, которые искали пригодную пищу для пленника. По вечерам у комнаты толпились посетители. В столице стало модным ездить к такану. Но я старался не пускать гостей. Такану надоели посетители. Я привязался к такану. Мне казалось, что ему тоже снятся сизые горы и далекие снежные тучи.

В столице было жарко. К утру таяли перистые облака и за окнами повисала мелкая серая пыль. Я приспособился работать в комнате такана. Там было прохладнее. Такан иногда поднимался с жухлой

подстилки, подходил ко мне сзади и, стараясь не мешать, смотрел, как я печатаю на машинке.

Корабль с Земли запаздывал. Я слал панические депеши, сообщал о критическом положении ценных животных. Меня хорошо знали связисты на космостанции и думали, что у меня денег куры не клюют. Я складывал в карман квитанции и ждал субботнего визита в наше представительство, где потный, раздраженный бухгалтер отсчитывал валюту за содержание животных и зоолога, меня. Бухгалтер до смерти боялся прыгающих червяков и старался не выходить на улицу, все ждал, что один из них прыгнет на него. Я уговаривал его посмотреть на такана, но он не соглашался и уверял меня, что начисто забыл детские сказки.

Иногда по вечерам мы с таканом разговаривали. Вернее, разговаривал я, а такан соглашался. Или не соглашался.

— Слушай, — говорил я. — Мы должны делать людей счастливыми. Такая у нас задача. У нас с тобой.

Такан склонял голову набок. Он не верил мне. Ресницы его, длинные и прямые, как шпаги, скрещивались, если он прищурился.

— Дети должны верить в сказки, — говорил я. — Они ждут тебя, потому что ты сказка. Ты олицетворяешь для них доброту и верность. Поедем со мной на Землю. Я прошу тебя.

— Хорошо, — сказал он однажды. У него прорезались крылья. Они чесались, и он исцарапал их остриями стены в комнате.

— Представляешь, — говорил я. — По всем каналам телевидения объявят, что ты прилетел. И все придут посмотреть на тебя.

Такан положил мне на колени тяжелую теплую голову.

— Тебе понравится наша трава. Она совсем такая же, как в горах.

Город душили жаркие туманы. Они мешали дышать. Ко мне пришел директор зоопарка. Он пил земной лимонад и долго рассказывал мне о трудностях работы, о болезнях хищных цветов и приплоде трехголовых змей. Я рассеянно слушал его и думал, что такана придется отдать в зоопарк. Временно.

Я послал еще две «молнии» на Землю. Из представительства позвонили, что пассажирский лайнер «Орион» изменил курс для того, чтобы забрать нас. Лайнер будет в столице минимум через две недели. Надо дождаться.

Пришло письмо от дочки старосты. Оно было написано грамотеем в Дарке, на базаре. Дочка старосты писала, что отец разделил сотню между охотниками, которые поймали такана, а девятьсот положил в банк в Дарке. Старик знал цену деньгам. Каждому охотнику пришлось по двадцатке. Они проиграли их на базаре. Еще дочка старосты писала, что охотники видели следы взрослых таканов, но они улетели.

Я ответил дочке старосты, что такан чувствует себя хорошо, а когда придет корабль с Земли, то ему будет лучше. Я просил ее не беспокоиться, потому что я всегда думаю о такане.

Мы перевели такана в зоопарк. Он совсем ослаб и с трудом доплелся до зеленой рощи посреди загона, где жили волосатые птицы. Птицам жара нипочем, они живут в горячих вулканических болотах. У входа в зоопарк директор повесил объявление, где говорилось, что единственный пойманный живьем такан перед отправкой на Землю доступен для обозрения.

В загоне росли деревья и было болотце с подогревом воды. В болотце возились в иле волосатые птицы, и иногда из воды выпрыгивала трехрукая рыба. Птицы дрались и верещали.

Посетители приходили в парк семьями, оставляли червяков у ворот. Они приносили с собой коврики и кастрюли. Посетители разглядывали золотистое пятно в тени деревьев, но больше интересовались волосатыми птицами, потому что на Земле и на Зие совсем разные сказки. И в их сказках главными героями были огненные змеи и волосатые птицы.

Директор зоопарка был доволен. Ему хотелось бы, чтобы такан остался в зоопарке навсегда. Он был патриотом зоопарка и неплохим зоологом.

Позавтракав на траве, посетители шли к поющим змеям, суетливым и немзыкальным. Змеи подражали людям, и посетители старались угадать, на что это похоже. И смеялись. Иногда мальчишки кидали в такана камешками, чтобы он поднялся и подошел к загородке. Они дразнили его длинноногом. Такан не вставал. Когда я приходил к нему, он вздыхал и старался приподнять крылья, почти невидимые в тени. Тогда у загородки собиралось очень много народа, ибо я был куда большей диковинкой, чем такан. Мальчишкам казалось,

что я тоже экзотическое животное, потому что у меня только две руки и два глаза, но камешками в меня они не кидали.

Телефон в моем номере зазвонил в три часа ночи. Директор зоопарка, путаясь от волнения, сказал, что такан совсем плох. Я крикнул в трубку, что сейчас буду. Я включил настольную лампу и никак не мог попасть в рукава рубашки.

Такану стало плохо еще вечером, до закрытия зоопарка, но директор не позвонил мне, надеясь вылечить его сам. Он не хотел, чтобы я подумал, будто кто-то из сотрудников зоопарка виноват в болезни зверя.

Я долго бежал по ночным улицам, спотыкаясь о трещины в мостовых, скользя в лужах, распугивая ящериц и слепунов. У ворот меня встретил служитель, средний глаз его был закрыт — служителю хотелось спать. Я не понял, что он говорит, и побежал в гору, мимо клеток с червяками и загонов, где, разбуженные моими шагами, возились черные тени.

Такан лежал в кабинете директора. Директор в белом халате сидел у стола, заставленного бутылками, ампулами, коробочками. Директор был смущен, но мне некогда было его утешать.

Глаза такана были затянуты белыми пленками, словно у птицы. Он редко, со всхлипом дышал, и порой по его шкуре пробегала дрожь. Тогда он мелко стучал по полу белыми копытцами.

Я подумал, что перед смертью такан видит сизые горы, но я не успею увезти его обратно.

Шерсть у меня под ладонью была такой же мягкой и теплой, как всегда, но я знал, что она остынет до рассвета. Я не мог пристрелить его, потому что он был моим другом.

Вдруг такан, будто захотев попрощаться со мной, открыл глаза. Но он смотрел мимо меня, на дверь. Там стояла дочка старосты.

— Я приехала, — сказала она. — Я поняла по письму, что такану плохо. Я привезла горную траву. Когда длинноноги болеют, они едят эту траву.

Девушка сняла с плеча мешок, от которого по комнате распространился тонкий аромат горных лугов и ветра.

Такан сказал ей что-то, и девушка достала из мешка охапку сизых, как горы, цветов...

Дочь старосты пришла проводить нас на космодром. За те два дня, что мы просидели с ней у больного такана, мы подружились, и она поверила мне, что такану стоит поехать на Землю.

Такан был еще слаб, но когда стюардесса «Ориона» увидела, как мы втроем выходим на поле, она взвизгнула от восторга, а я сказал такану:

— Вот видишь, я же тебе говорил.

— Я разбужу пассажиров, — предложила стюардесса. — Они обязательно должны удивиться. А он умеет летать?

— Будет летать, — сказал я. — Не надо будить пассажиров. Они еще успеют на него наглядеться.

Мы с таканом проследили, как идет погрузка нашего зверинца, а потом проследовали в каюту, где нас ждал капитан, который сказал, что это нарушение правил, но он не имеет ровным счетом ничего против.

Мы прилетели на Землю через три недели. За это время такан успел познакомиться с пассажирами, он гордился тем, что оказался в центре внимания. Крылья у него настолько отросли, что он мог летать по длинному коридору корабля и даже возил на спине одну десятилетнюю девочку.

У этой девочки оказалась нужная нам книга, и я прочел ее такану. Такан повторял за мной некоторые стихи и рассматривал картинки, удивляясь, до чего похож он на книжного героя.

Мы договорились, что появление такана на Земле будет обставлено как можно более театрально. Девочке мы сшили красные сапожки и красную рубашку с пояском. И полосатые штаны. Это оказалось нелегким делом. Три дня ушло на поиски материала, и если штаны и рубашку сшили потом стюардесса с матерью девочки, то сапоги пришлось тачать мне самому. Я исколол до ногтей пальцы и перевел несколько метров красного пластика.

Такан попросил, чтобы девочку одели, и остался доволен результатом.

Последнюю ночь перед приземлением он не спал и нервно постукивал копытом о переборку.

— Не беспокойся, — говорил я ему. — Спи. Завтра будет трудный день.

Когда «Орион» приземлился и телевизионные камеры подъехали поближе, такан подошел к люку и сказал девочке:

— Держись покрепче.

— Я знаю, — сказала девочка.

Капитан приказал открыть люк. Зажужжали камеры, и все, кто собрался на громадном поле, смотрели на черное отверстие люка.

Я никак не мог подумать, что весть о нашем прилете вызовет такое волнение на Земле. Десятки тысяч человек съехались к космодрому, и телеспутники, встретившие нас на внешней орбите и проводившие почетным эскортом до поля, кружили рядом, словно толстые жуки.

Такан легко прыгнул вперед, взлетел над полем и медленно поплыл к широко открытым глазам телевизионных камер. Крылья его, тонкие и прозрачные, были не видны. Казалось, что всадника прикрывает легкое марево. Девочка подняла приветственно руку, и миллионы детей закричали:

— Лети к нам, конек-горбунок!

Конек-горбунок позировал перед камерами. Он несся к ним, тормозил неподалеку, поводил длинными ушами и снова взмывал к облакам. Девочка крепко держалась за гриву и прищипывала конька-горбунка красными пластиковыми сапожками.

— Он не устанет? — спросила стюардесса.

— Нет, — ответил я. — Оказывается, он не лишен тщеславия.

Как начинаются наводнения

За окном плыли облака. Таких облаков я раньше не видел. Снизу, с изнанки, они были блестящими, гладкими и отражали весь город — крыши, зеленые и фиолетовые, с причудливыми резными коньками, кривые улочки, мощенные кварцевыми шестигранниками, людей в кирасах и цилиндрах, идущих по улочкам, старомодные автомобили и полицейских на перекрестках. В углу окна, у рамы, располагалось самое любимое из отражений — кусочек набережной, рыболовы с двойными удочками, влюбленные парочки, сидящие на парапете, женщины с малышами. И дома и люди на облаках были маленькими, и мне часто приходилось додумывать то, чего я никак не мог разглядеть.

Доктор приходил после завтрака и садился на круглую табуретку у моей постели. Он глубоко вздыхал и жаловался мне на свои многочисленные болезни. Наверно, он думал, что человеку, попавшему в мое положение, приятно узнать, что не он один страдает. Я сочувствовал доктору. Названия болезней часто были совсем непонятны и от этого могли показаться очень опасными. Даже удивительно, как это доктор еще живет и даже бегаёт по коридорам больницы, пристукивая высокими каблучками по лестницам. Всем своим видом доктор давал мне понять: разве у вас ожог? Вот у меня зуб болит, это да! Разве это доза — тысяча рентген? Вот у меня в коленке ломота... Разве это удивительно — тридцать два перелома? Вот у меня...

Сначала я лежал без сознания. И это он выходил меня после первой клинической смерти. И после второй клинической смерти. Потом я пришел в себя и пожалел об этом. Правда, у них изумительные обезболивающие средства, но я ведь знал, что они все равно не справятся с тысячью рентген, — все это чистой воды филантропия. Не больше.

— Сегодня на рассвете один старик поймал в реке большую рыбину, — говорю я, чтобы отвлечь доктора от его болезней.

— Большую?

— В руку.

— Это вы в облаках рассмотрели?

— В облаках. Почему они такие?

— Долго объяснять. Да я и не смогу. Вот выздоровеете, поговорите со специалистами. Облака не круглый год. Месяца за два до вашего прилета было солнце. Тогда все меняется.

— Что?

— Наша жизнь меняется. Прилетают корабли. Но это ненадолго.

— К вам редко кто прилетает.

— Пассажирских рейсов нет. Да и откуда им быть? Расписания не составишь...

— Почему? — хотел спросить я, но пришла сестра. Вместо этого я сказал: — Доброе утро, мой милый палач.

И сразу забыл о докторе. Сестра — значит, процедуры.

Днем я заснул. Мне снова снилась катастрофа. Мне снилось, что я поседел. Но, наверно, мне никогда так и не узнать, поседел ли я на самом деле. Голова моя наглухо замотана — только глаза наружу.

— С Землей связались, — сказал доктор, заглянув ко мне вечером.

Он казался очень веселым, хотя мы оба знали, что с Земли лететь сюда почти полгода.

— Ну-ну, — вежливо сказал я и стал смотреть в потолок.

— Да вы послушайте. Нам сообщили, что «Колибри» заправляется на базе «12–45». Завтра стартует к нам. Это далеко?

Я хотел бы успокоить доктора, но он все равно узнает правду. Я сказал:

— Будут дней через сорок.

— Замечательно, — ответил доктор, не переставая широко улыбаться. Но ему уже было невесело. Он тоже понимал, что сорока дней мне не протянуть.

Но он был доктором, и поэтому он должен был что-то сказать.

— У них на борту врач и препараты. Вас поставят на ноги в три часа.

— Тогда некого будет ставить на ноги...

По реке на облаках плыл вниз трубой длиннющий пароход, и белый дым из его трубы свисал с облака к самому окну.

— Надо быть молодцом, — сказал доктор.

Я не стал спорить.

Ночь была длинной. Я ждал рассвета, а его все не было. Сколько делятся их сутки? Если не ошибаюсь, двадцать два часа с минутами. И поделены они на периоды и доли. Об этом я читал в справочнике. Еще на базе.

Наконец стало светать. Я удивился, увидев на облаках, что улицы полны народу. Обычно прохожие появлялись часа через полтора после рассвета.

Открылась дверь, и вошел доктор.

— Вас еще не кормили? — спросил он.

— Нет, рано еще.

— Пора, пора, — сказал он.

— Сколько сейчас времени? — спросил я.

— Тринадцать долей третьего периода, — сказал доктор.

Я не стал просить разъяснений. Третьего так третьего.

— Мне придется вас покинуть, — сказал доктор. — Много работы.

Доктор вернулся через час и долго рассматривал ленты с записями моей температуры, давления, пульса и прочих штук, свидетельствующих о том, что я еще жив. Ленты ему явно не нравились, поэтому доктор начал насвистывать что-то веселое.

— Ну и как?

— Совсем неплохо. Совсем неплохо. Жалко, что вам сбили режим. Головы за это отрывать надо!

— За что?

— За полную безответственность. Ему, видите ли, не хотелось с ней прощаться. Ну ладно, потом объясню. Кстати, вы не будете возражать, если к вечеру мы сделаем вам переливание крови?

— А мое возражение будет принято во внимание?

Доктор вежливо улыбнулся и ушел.

На следующий день мне стало хуже. Доктор сидел на круглом табурете и о своих болезнях ни гу-гу. За окном метет. Вчера еще было тепло, и рыболовы покачивали над водой удищами, как жуки усиками. А сегодня метет.

— Через полчаса кончится, — сказал доктор. — Недосмотрели.

— Вы управляете климатом? — спросил я.

— Да ничем мы не управляем, — вздохнул доктор. — Это не жизнь, а сплошное безобразие. Скорей бы облака уходили.

— Вы вчера что-то говорили о безответственности.

— Ах, вы об этом инциденте? Это неизбежно. Один молодой человек...

Что с вами?

Мне было плохо. Я еще слышал доктора, но уже не мог удержаться на поверхности мира. Мне казалось, что я держусь за слова доктора, как за скользкие тонкие бревнышки, но вот слова выскальзывают и остаются на воде, а я ухожу вглубь, не смея открыть рта и вздохнуть...

Я очнулся. Они не знали, что я очнулся. Не заметили. И я слышал их разговор. Доктора и другого врача, специалиста по лучевой болезни.

— Два-три дня, не больше, — сказал специалист. — Очень плох.

Я знал, что говорят обо мне, но очень хотелось, чтобы слова эти не имели ко мне никакого отношения.

Вторично я очнулся ночью. Доктор сидел на своем табурете и раскладывал на коленях нечто вроде пасьянса из карт, похожих на почтовые марки. Мне показалось, что доктор осунулся и постарел. Я был благодарен доктору за то, что он не ушел ночью домой, за то, что сидит у моей постели, и даже за то, что он осунулся всего-навсего оттого, что в его отделении умирает человек с Земли, с совсем чужой и очень далекой планеты.

— Спице, — сказал доктор, заметив, что я открыл глаза.

— Не хочу, — сказал я. — Еще успею.

— Не дурите, — сказал доктор. — Безвыходных положений не бывает.

— Не бывает?

— Еще одно слово, и я даю вам снотворное.

— Не надо, доктор. Знаете, что удивительно: я читал, что перед смертью люди вспоминают детство, родной дом, лужайки, залитые солнцем... А мне все чудится, что я чиню какого-то ненужного мне кибера.

— Значит, будете жить, — сказал доктор.

Я задремал. Я знал, что доктор все так же сидит рядом и раскладывает пасьянс. И мне, как назло, приснилась лужайка, залитая солнцем, та самая лужайка, по которой я бегал в детстве. Лужайка была теплой и душистой. На ней было много цветов, пахло медом и

жужжали пчелы... Доктору я не стал говорить о своем сне. Зачем расстраивать?

Вошла сестра.

— Все в порядке, доктор, — сказала она. — Проголосовали.

— Ну, ну?

— Сто семнадцать «за», трое воздержались.

— Чудесненько, — сказал доктор. — Я так и думал.

Он вскочил, и карты, похожий на марки, рассыпались по полу.

— Что, доктор?

— Жизнь чудесна, молодой человек. Люди чудесны. Разве вы этого не чувствуете? Ох, как у меня болит зуб! Вы не можете себе представить... У вас когда-нибудь болели зубы? Вы еще вернетесь на свою поляну. Она вам снилась?

— Да.

— Вернетесь, но со мной. Вам придется пригласить меня в гости. Всю жизнь собирался побывать на Земле, но недосуг как-то. Если мы с вами продержимся еще два дня, считайте, что мы победили.

И он не лгал. Он не успокаивал меня. Он был уверен в том, что я выживу.

— Сестра, приготовьте стимуляторы. Теперь не страшно. — Доктор взглянул на часы. — Когда начинаем?

— Через пять минут. Даже раньше.

Сквозь толстые стекла окон донесся многоголосый рев сирен.

— Через пять минут. Вы уже знаете? — сказал незнакомый врач, заглядывая в палату.

— Закройте шторы, — сказал доктор сестре.

Сестра подошла к окну, и я в последний раз увидел серебряную подкладку облаков. Я хотел попросить, чтобы они не закрывали шторы, объяснить им, что облака нужны мне, но неумолимая тошнота подкатила к горлу, и я, не успев уцепиться за воркование докторского голоса, понесся по волнам, задыхаясь в пене прибоя. — ...Так, — сказал кто-то по-русски. — Ну и состояньице!

Я не знал, к какому из отрывочных видений относится этот голос. Он не давал уйти обратно в забытие и продолжал гудеть, глубокий и зычный. С голосом была связана растущая во мне боль.

— Добавь еще два кубика, — приказывал голос. — Трогать его пока не будем. Глеб, перегони-ка сюда третий комплект. Сейчас он

очнется.

Я решил послушаться и очнулся. Надо мной висела черная широкая борода, длинные пушистые усы и брови, такие же пышные, как и усы. Из массы волос выглядывали маленькие голубые глаза.

— Вот и очнулся, — сказал бородатый человек. — Больше уснуть мы тебе не дадим. А то привыкнешь...

— Вы...

— Доктор Бродский с «Колибри».

Бродский отвернулся от меня и выпрямился. Он казался высоким, выше всех в комнате.

— Коллега, — перешел он на космический. — Разрешите мне еще разок заглянуть в историю болезни.

Мой доктор достал катушки с лентами записей.

— Так, — бормотал Бродский. — День одиннадцатый... день четырнадцатый... А где продолжение?

— Это все.

— Нет, вы меня не поняли. Я хотел спросить, где вторая половина месяца? Ведь не четырнадцать же дней он болеет.

— Четырнадцать, — сказал доктор, и в голосе его прозвучали звенящие нотки смеха.

— Сорок три дня назад мы стартовали с базы, — между тем гудел Бродский. — Мы сэкономили в пути трое суток, потому что больше сэкономить не могли...

— Я вам все сейчас объясню, — сказал доктор. — Но, кажется, приехал ваш помощник...

Через шесть часов я лежал на самой обычной кровати, без лат, без шин, без растяжек. Новая кожа чуть зудела, и я был еще так слаб, что с трудом поднимал руку. Но мне хотелось курить; и я даже поспорил, хоть и довольно вяло, с Бродским, который запретил мне курить до следующего дня.

— Давайте-ка все-таки распутаемся с этой историей, — сказал Бродский, склонившись над моей историей болезни. — Сколько же мы летели и сколько же наш больной пролежал у вас?

Бродский достал из кармана большую трубку и принялся ее раскуривать.

— Тогда вы сами не курите, — сказал я. — А то отниму трубку. Ради одной затяжки я готов сейчас на преступление.

— Больной, — строго сказал Бродский. — Что дозволено Юпитеру, то не дозволено кому?

— Волю, больным, космонавтам в скафандрах, — ответил я. — У меня высшее образование.

Мой доктор слушал наш разговор, умиленно склонив голову к плечу. У него был взгляд дедушки, внук которого проглотил вилку, но в последний момент умудрился с помощью приезжего медика вернуть ее в столовую.

— Даже не знаю, с чего начать, — наконец сказал доктор. — Все дело в том, что наша планета весьма нелепое галактическое образование. Большую часть года она целиком закрыта серебристыми облаками, которые полностью отрезают нас от внешнего мира.

— Но ведь мы же прилетели сюда...

— Корабль может пробить слой облаков, но этим обычно никто не хочет заниматься. И вот почему: облака каким-то образом нарушают причинно-следственную связь на поверхности планеты. Вы помните, как несколько дней назад в городе рассвело несколько позже, чем обычно?

— Да помню, — сказал я. — Я решил сначала, что слишком рано проснулся.

— Нет, это запоздал рассвет. Один влюбленный молодой человек не хотел расставаться со своей возлюбленной. И что же он сделал? Он забрался на башню, на которой стоят главные городские часы и привязал гирю к большой стрелке часов. Часы замедлили ход. В любом другом месте Галактики от такого поступка ровным счетом ничего бы не случилось. Ну, может быть, кто-нибудь и опоздал бы на работу. И все. А на нашей планете в период «серебряных облаков» замедлился ход времени. Рассвет наступил позже, чем обычно.

Доктор вдоволь наслаждался нашим изумлением и продолжал:

— Беда еще и в том, что в одном городе часы могут идти вперед, а в другом отстают. И рассвет наступает в разных местах по-разному. Чего только мы не предпринимали! Запрещали пользоваться личными часами — ведь время зависит даже от них, ввели обязательную почасовую сверку всех часов планеты... Но потом от всех мер такого рода отказались. Просто-напросто каждый житель планеты имеет часы. И раз на планете живет сто двадцать миллионов человек, то среднее время, которое показывают сто двадцать миллионов часов,

правильно. Одни спешат, другие отстают, третьи идут как надо. Понятно?

— Значит, — спросил я, — если вы сейчас подведете свои часы вперед, то и время ускорит свой ход?

— Ну, на такую малую долю, что никто не заметит. А если ошибка становится крупной, достаточно чуть-чуть сдвинуть стрелки главных курантов — и все придет на свои места.

— А ваш влюбленный об этом знал? — спросил Бродский.

— К сожалению, да. Об этом знают все.

— И часто случаются казусы?

— Очень редко. Мы волей-неволей дисциплинированы. Но, с другой стороны, мы знаем, что в случае крайней необходимости можем управлять временем. Так было и с нашим больным. Совет планеты принял решение спасти гостя. Мы знали — жить ему два, от силы три дня. Вашему кораблю лететь до нас сорок дней. Помните, я попросил сестру закрыть шторы?

— Да.

— Для того чтобы вас не смущало мелькание дня и ночи.

— Так эта мера очень болезненна для планеты!

— Мы сознательно пошли на некоторые трудности. Например, студентам придется сдавать весеннюю сессию в две недели вместо месяца. Больше того, как сейчас выяснилось, «Колибри» пришел на пять часов раньше, чем мы предполагали. Значит, многие жители города сами подводили вперед ручные часы и будильники. ...Через три дня мы приехали на космодром. Доктор улетал с нами на Землю. Я еще был слаб и опирался на трость. Легкий снежок сыпался с серебряных облаков и мутил их гладкую поверхность. Впервые я увидел собственное отражение. Если задрать голову, то маленький человечек с палочкой тоже закинет голову и встретится с тобой взглядом.

Проводы затянулись, и я, устав, взялся рукой за круглую палку, привинченную к стене космовокзала. Так стоять было удобнее. Бродский говорил довольно длинную речь, в которой благодарил жителей планеты.

— Пора, — сказал стоявший рядом со мной капитан «Колибри». — Через пятнадцать минут старт.

Я обнимаюсь и раскланиваюсь с друзьями...

Вдалеке слышится гул.

— Что такое? — взволновался доктор. — Что случилось?

Провожающие, видно, разобравшись, в чем дело, бросились в укрытие космовокзала. Доктор по-птичьи покрутил головой и впился взглядом в меня.

— Сейчас же уберите руку! — крикнул он. — Что вы наделали!..

Я отдернул руку и, обернувшись, посмотрел на круглый предмет, за который я держался. Оказалось, самый обыкновенный ртутный термометр.

— Что случилось, доктор? Что я натворил?

— Неужели вы не понимаете? Посмотрите на термометр. Вы же согрели его и подняли температуру на несколько градусов. Во всем городе! И снег растаял... Не теряйте же ни секунды. Скорее в корабль! Начинается наводнение!

Я вас первым обнаружил!

Джерасси не спится по утрам. В шесть, пока прохладно, он включает динамик и спрашивает Марту:

— Ты готова?

Мы все слышим его пронзительный голос, от которого не спрячешься под одеяло, не закроешься подушкой. Голос неизбежен как судьба.

— Марта, — продолжает Джерасси. — Я верю, что сегодня мы найдем что-то крайне любопытное. Ты как думаешь, Марта?

Марте тоже хочется спать. Марта тоже ненавидит Джерасси. Она говорит ему об этом. Джерасси хохочет, и динамик усиливает его хохот. Капитан подключается к внутренней сети и говорит укоризненно:

— Джерасси, до подъема еще полчаса. Кстати, я только что сменился с вахты.

— Прости, капитан, — говорит Джерасси. — Сейчас мы быстренько соберемся, уйдем на объект, и ты спокойно выспишься. Утренние часы втрое продуктивней дневных. Надо спешить. Не так ли?

Капитан не отвечает. Я сбрасываю одеяло и сажусь. Ноги касаются пола. Ковер в этом месте чуть протерся, Сколько раз я наступал на него по утрам? Приходится вставать. Джерасси прав — утренние часы лучшие.

После завтрака мы выходим из «Спартака» через грузовой люк. По пандусу, исцарапанному грузовыми тележками. За ночь на пандус намело бурого песка, принесло сухих веток. Мы без скафандров. До полудня, пока не разгуляется жара, достаточно маски и легкого баллона за спиной.

Безнадежная бурая, чуть холмистая долина тянется до близкого горизонта. Пыль висит над ней. Она забирается повсюду: в складки одежды, в башмаки, даже под маску. Но пыль все-таки лучше грязи. Если налетит серая туча, выплеснется на долину коротким бурным ливнем, придется бросать работу и ползти по слизи до корабля, переждать, пока просохнет. После ливня бессильны даже вездеходы.

Один из них ждет нас у пандуса. Можно дойти до раскопок пешком, десять минут, но лучше эти минуты потратить на работу. Нам скоро улететь продовольствия и других запасов осталось только-только на обратный путь. Мы и так задержались. Мы и так уже шесть лет в поиске. И почти пять лет займет обратный путь.

Захир возится у второго вездехода. Геологи собираются на разведку. Мы прощаемся с Захиром и занимаем места в машине. Места в ней так же привычны, как места за столом, как места в зале отдыха, как места по аварийному расписанию. Я вешаю аппаратуру на крючок справа. Месяц назад мы попали в яму, и я разбил об этот крючок плечо. Тогда я обмотал его мягкой лентой. Вешаю на него сумку с аппаратурой не глядя. Моя рука знает место с точностью до миллиметра.

Джерасси протягивает длинные ноги через проход и закрывает глаза. Удивительно, что человек, который так любит спать, может просыпаться раньше всех и будить нас отвратительным голосом.

— Джерасси, — говорю я. — У тебя отвратительный голос.

— Знаю, — говорит Джерасси, не открывая глаз. — У меня с детства пронзительный голос. Но Веронике он нравился.

Вероника, его жена, умерла в прошлом году. Занималась культурой вируса, найденного нами на заблудившемся астероиде.

Вездеход съезжает в ложбину, огороженную пластиковыми щитами, чтобы раскоп не засыпало пылью. Я вылезаю на землю третьим. Вслед за Мартой и Долинским. Щиты мало помогают — пыли за ночь намело по колено. Джерасси уже тащит хобот пылесоса, забрасывает его в раскоп, и тот, будто живой, принимается ползать по земле, пожирая пыль.

Вести здесь археологические работы безумие. Пылевые бури способны за три дня засыпать небоскреб, следа не останется. А за следующие три дня они могут вырыть вокруг него стометровую яму. Бури приносят также сажу и частицы древесного угля с бесконечных лесных пожаров, что бушуют за болотами, — в результате мы не смогли пока датировать ни единого камня.

Мы так и не знаем, кто и когда построил это поселение, кто жил в нем. Мы не знаем, что случилось с обитателями этой планеты, куда они делись, отчего вымерли. Но все, что мы сможем, сделаем. И мы ждем, пока пылесос кончит возню в раскопе и мы спустимся туда,

вооружимся скребками и кисточками и будем пялить глаза в поисках кости, обломка горшка, шестеренки или, на худой конец, какой-нибудь органики.

— Они основательно строили, — говорит Джерасси. — Видно, бури и тогда им мешали жить.

В раскопе вчера обнаружилась скальная порода — фундамент здания или зданий, которые мы копали, врезался в скалу.

— Они очень давно ушли отсюда, — сказала Марта. — И если перевероршить пустыню, мы найдем и другие строения. Или их следы.

— Надо было бы получше проверить горы за болотом, — говорю я. — Здесь мы ничего так и не найдем. Поверьте мне.

— Но мачта, — сказал Джерасси.

— И пирамида, — сказала Марта.

Мачту мы увидели еще на первом облете. И ее унесло очередной бурей раньше, чем мы сюда добрались. И схоронило в недрах пустыни. Пирамидку мы откопали. Если бы не было пирамидки, мы не стали бы третью неделю подряд барахтаться в раскопе. Пирамидка стояла перед нами, гладкая, влившаяся в скалу и будто вытесанная из скалы. Ее мы возьмем с собой. Остальные находки — каменная крошка и рубцы на скале. Ни надписей, ни металла...

— В горах за болотом жить было нельзя. Воды даже в лучшие времена не было. И вообще это одно из немногих мест...

Джерасси опять прав. Бездонные болота, по которым плавают, сплетя корни, кущи деревьев, горы, придуманные словно нарочно такими, что к ним не подберешься. И океан — беспредельный океан. И в нем лишь бури и простейшие организмы. Жизнь куда-то ушла отсюда, может, погибла — и вот понемногу начинается вновь, с простейших.

Мы спускаемся в раскоп.

Рядом со мной Долинский.

— Пора домой, — говорит он, расчищая угол квадратного углубления в скале. — Тебе хочется?

— Конечно, — говорю я.

— А я не знаю. Кому мы там нужны? Кто нас ждет?

— Ты знал, на что идешь, — отвечаю я.

Что-то блестит в щели.

— И знал и знаю. Когда мы улетали, то были героями. А что может быть печальнее, чем образ забытого героя. Он ходит по улицам и намекает: вы меня случайно не помните? Совершенно случайно не помним.

— Мне легче, — говорю я. — Я никогда не был героем.

— Ты не представляешь, насколько изменился мир, в который мы вернемся спустя двести лет. Если мир еще существует...

— Смотри, по-моему, металл, — говорю я.

Мне надоели разговоры Долинского. Он сдал. Мы все сдали, мы все жили эти годы целью пути. Планетной системой, которую никто до нас не видел, звездными течениями, метеоритными потоками, тайной великого открытия. И все это материализовалось миллионами символов, сухих цифр и спряталось в недрах Мозга корабля, в складах, на лабораторных столах... Последний год мы метались по системе, высаживаясь на астероидах и мертвых планетах, тормозя, набирая скорость, понимая, что приближается время возвращения, что елка уже убрана игрушками, праздник в полном разгаре и скоро он закончится. Только праздник, как и случается обычно с ними, оказался куда скромнее, чем ожидалось. Мы достигли цели, мы выполнили то, что должны были выполнить, но, к сожалению, не более. Мозг корабля наполнялся информацией, но мечты наши, взлелеянные за долгие годы пути, не оправдались...

К последней планете мы подлетели, когда в резерве оставался месяц. Через месяц мы должны были стартовать к Земле. Иначе мы не вернемся на Землю. Нас было восемнадцать, когда мы стартовали с Земли. Нас оставалось двенадцать. И только на последней планете, мало приспособленной для человека (остальные были вовсе не приспособлены), мы нашли следы деятельности разумных существ. И мы в промежутках между пыльными бурями вгрызались в скалы, рылись в песке и пыли, мы хотели узнать все, что можно узнать об этой разумной жизни. Через два дня старт. И почти пять лет возвращения, пять лет обратного пути...

Тяжелый шарик, размером с лесной орех, лежал у меня на ладони. Он не окислился. Он был очевиден, как песок, скалы и туча, нависшая над нами.

— Джерасси! — крикнул я. — Шарик.

— Что? — Поднимающийся ветер относил слова в сторону. — Какой шарик?

Заряд пыли обрушился на нас сверху.

— Переждем? — спросила Марта, подхватив шарик. — Тяжелый...

— К вездеходу, — сказал по радиации капитан. — Большая буря.

— Может, мы ее переждем здесь? — спросил Долинский. — Мы только что нашли шарик. Металлический.

— Нет, к вездеходу. Большая буря.

— Погоди, — сказал Джерасси. — Если в самом деле большая буря, то лучше нам забрать пирамиду. Ее может так засыпать, что за завтрашний день не раскопаем. И придется улететь почти с пустыми руками.

— Не раскопаем — оставим здесь, — сказал капитан. — Она снята нами, обмерена... А то вас самих засыплет. Раскапывай тогда...

Долинский засмеялся.

— Зато мы будем держаться за находки. Нас не унесет.

Новый заряд пыли обрушился на нас. Пыль оседала медленно, крутилась вокруг нас, как стая назойливой мошкары.

Джерасси сказал:

— Взались за пирамидку?

Мы согласились.

— Долинский, подгони сюда вездеход. Там все готово.

Там и в самом деле было все готово. Вездеход был снабжен подъемником.

— Приказываю немедленно вернуться на корабль, — сказал капитан.

— А где геологи? — спросил Джерасси.

— Уже возвращаются.

— Но мы не можем оставить здесь эту пирамиду.

— Завтра вернетесь.

— Буря обычно продолжается два-три дня.

Говоря так, Джерасси накинул на пирамиду петлю троса. Я взялся за резак, чтобы отпилить лучом основание пирамидки. Резак зажужжал, камень покраснел, затрещал, борясь с лучом, сопротивляясь ему.

Туча, такой темной я еще не видал, нависла прямо над нами, и стало темно, пыль залетала облаками, ветер толкал, норовил утянуть вверх, закрутить в смерче. Я оттолкнул Марту, которая принялась было помогать мне, крикнул ей, чтобы пряталась в вездеходе. Краем глаза я старался следить за ней — послушалась ли. Ветер налетел сзади, чуть не повалил меня, резак дернулся в руке и прочертил по боку пирамидки алую царапину.

— Держись! — крикнул Джерасси. — Немного осталось!

Пирамидка не поддавалась. Успела ли Марта спрятаться в вездеход? Там, наверху, скорость ветра несусветная. Трос натянулся. По радиции что-то сердитое кричал капитан.

— Может, оставим, в самом деле?

Джерасси стоял рядом, прижавшись спиной к стенке раскопа. Глаза у него были отчаянные.

— Дай резак!

— Сам!

Пирамидка неожиданно вскрикнула, как вскрикивает срубленное дерево, отрываясь от пня, и маятником взвилась в воздух. Маятник метнулся к противоположной стенке раскопа, разметал пластиковые щиты и полетел к нам, чтобы размозжить нас в лепешку. Мы еле успели отпрыгнуть. Пирамидка врезалась в стену, взвилось облако пыли, и я потерял из виду Джерасси мной руководил примитивный инстинкт самосохранения. Я должен был любой ценой выскочить из ловушки, из ямы, в которой бесчинствовал, метался маятник, круша все, стараясь вырваться из объятий троса.

Ветер подхватил меня и понес, словно сухой лист, по песку, и я старался уцепиться за песок, и песок ускользал между пальцев, я даже успел подумать, что чем-то похож на корабль, несущийся на скалы, якоря которого лишь чиркают по дну и никак не могут вонзиться в грунт. Я боялся потерять сознание от толчков и ударов, мне казалось, что тогда стану еще беззащитнее, тогда меня будет нести до самых болот и никто никогда меня не отыщет.

Меня спасла скала, обломком вылезавшая из песка. Ветер приподнял, оторвал от земли, словно хотел забросить в облака, и тут эта скала встала на пути, подставила острый край, и я все-таки потерял сознание.

Наверно, я быстро пришел в себя. Было темно и тихо. Песок, схоронивший меня, сдавливал грудь, сжимал ноги, и стало страшно. Я был заживо погребен.

«Теперь спокойно, — сказал я себе. — Теперь спокойно».

— Спартак, — сказал я вслух. — Спартак.

Рация молчала. Рация была разбита.

— Что ж, мне повезло, — сказал я.

Могло разбить маску, и я бы задохнулся. Пошевелим пальцами. Это мне удалось сделать. Прошла минута, две, вечность, и я убедился, что могу двинуть правой рукой. Еще через вечность я нащупал ею край скалы.

И когда я понял, что все-таки выберусь на поверхность, когда ушла, пропала паника первых мгновений, вернулось все остальное.

Во-первых, боль. Меня основательно избило в бурю, в довершение ударило о скалу так, что не только больно дотронуться до бока, но и дышать больно. Наверно, сломало ребро. Или два ребра.

Во-вторых, воздух. Я взглянул на аэрометр. Воздуха оставалось на час. Значит, с начала бури прошло три часа. И почему я не взял в вездеходе запасной баллон? Их там штук пятьдесят, резервных. И каждый на шесть часов. Положено иметь при себе как минимум два. Но лишний баллончик мешает работать в раскопе, и мы оставляли их в вездеходе.

В-третьих, как далеко я от корабля?

В-четвертых, стихла ли буря?

В-пятых, добрались ли до корабля остальные? И, если добрались, догадались ли, в какую сторону унесло меня, где искать?

Рука схватилась за пустоту. Я вылезал, как крот из норы, и ветер (ответ на четвертый вопрос отрицателен) пытался затолкнуть меня обратно в нору. Я присел под скалу, переводя дыхание. Скала была единственным надежным местом в этом аду. Корабля не было видно. Даже если он стоял совсем близко. В пыли ничего не разглядишь даже за пять метров. Ветер был не так яростен, как в начале бури. Хотя, может быть, я себя обманывал. Я ждал, пока очередной порыв ветра разгонит пыль, прижмет к земле. Тогда осмотрюсь. Мне очень хотелось верить в то, что ветер прижмет пыль и тогда я увижу «Спартак».

В какую сторону смотреть? В какую сторону идти? Очевидно, так, чтобы скала оставалась за спиной. Ведь именно она остановила мой беспорядочный полет.

Я не дождался, пока ветер прижмет пыль. Я пошел навстречу буре. Воздуха оставалось на сорок четыре минуты (плюс-минус минута).

Потом его оставалось на тридцать минут. Потом я упал, меня откатило ветром назад, и я потерял на этом еще пять минут. Потом оставалось пятнадцать минут. И потом я перестал смотреть на указатель.

Неожиданная передышка случилась уже тогда, когда по моим расчетам воздуха не оставалось вовсе. Я брел сквозь медленно опускающуюся пыль и старался не обращать внимания на боль в боку, потому что это уже не играло ровным счетом никакой роли. Я старался дышать ровно, но дыхание срывалось, и мне все время чудилось, что воздух уже кончился.

Он кончился, когда в оседающей пыли далеко, на краю света, я увидел корабль. Я побежал к нему. И воздух кончился. Задыхаясь, я сорвал маску, хоть это не могло спасти меня, легкие обожгло горькой пылью и аммиаком...

Локатор увидел меня за несколько минут до этого.

Я пришел в себя в госпитале, маленьком белом госпитале на две койки, в котором каждый из нас побывал не раз за эти годы. Залечивая раны, простуды или отлеживаясь в карантине. Я пришел в себя в госпитале и сразу понял, что корабль готовится к старту.

— Молодец, — сказал мне доктор Грот. — Молодец. Ты отлично с этим справился.

— Мы стартуем? — спросил я.

— Да, — сказал доктор. — Тебе придется лечь в амортизатор. Твоим костям противопоказаны перегрузки. Три ребра сломал, и порвана плевра.

— Как остальные? — спросил я. — Как Марта? Джерасси? Долинский?

— Марта в порядке. Она успела забраться в вездеход. Тебя послушалась.

— Ты хочешь сказать...

— Джерасси погиб. Его нашли после бури. И представляешь, в тридцати шагах от раскопа. Его швырнуло о вездеход и разбило маску. Мы думали, что ты тоже погиб.

И больше я ни о чем не спрашивал. Доктор ушел готовить мне амортизатор. А я лежал и снова по секундам переживал свои действия там, в раскопе, и думал: вот в этот момент я еще мог спасти Джерасси... И в этот момент тоже... И тут я должен был сказать: к черту пирамидку, капитан сказал возвращаться, и мы возвращаемся...

На третий день после старта «Спартак» набрал крейсерскую скорость и пошел к Земле. Перегрузки уменьшились, и я, выпущенный из амортизатора, доковылял до кают-компания.

— Я поменялся с тобой очередью на сон, — сказал Долинский. — Доктор говорит, тебе лучше с месяц пободрствовать.

— Знаю, — сказал я.

— Ты не возражаешь?

— Чего возражать? Через год увидимся.

— Я вам кричал, — сказал Долинский, — чтобы вы бросали эту пирамидку и бежали к вездеходу.

— Мы не слышали. Впрочем, это не играло роли. Мы думали, что успеем.

— Я отдал шарик на анализ.

— Какой шарик?

— Ты его нашел. И передал мне, когда я пошел к вездеходу.

— А... Я совсем забыл. А где пирамидка?

— В грузовом отсеке. Она треснула. Ею занимаются Марта и Рано.

— Значит, моя вахта с капитаном?

— С капитаном, Мартой и Гротом. Нас теперь мало осталось.

— Лишняя вахта.

— Да, лишний год для каждого.

Вошел Грот. Доктор держал в руках листок.

— Чепуха получается, — сказал он. — Шарик совсем молодой. Добрый день, Долинский. Так я говорю, шарик слишком молод. Ему только двадцать лет.

— Нет, — сказал Долинский. — Мы же столько дней просидели в том раскопе! Он древний как мир. И шарик тоже.

Капитан стоял в дверях кают-компания и слушал наш разговор.

— Вы не могли ошибиться, Грот? — спросил он.

— Мне бы сейчас самое время обидеться, — сказал доктор. — Мы с Мозгом четыре раза повторили анализ. Я сам сначала не поверил.

— Может, его Джерасси обронил? — спросил капитан, обернувшись ко мне.

— Долинский видел — я его выскоблил из породы.

— Тогда еще один вариант остается.

— Он маловероятен.

— Почему?

— Не могло же за двадцать лет все так разрушиться.

— На этой планете могло. Вспомни, как тебя несло бурей. И ядовитые пары в атмосфере.

— Значит, вы считаете, что нас кто-то опередил?

— Да. Я так думаю.

Капитан оказался прав. На следующий день, распилив пирамидку, Марта нашла в ней капсулу. Когда она положила ее на стол в лаборатории и мы столпились за ее спиной, Грот сказал:

— Жаль, что мы опоздали. Всего на двадцать лет. Сколько поколений на Земле мечтало о Контакте. А мы опоздали.

— Несерьезно, Грот, — сказал капитан. — Контакт есть. Вот он, здесь, перед нами. Мы все равно встретились с ними.

— Многое зависит от того, что в этом цилиндре.

— Надеюсь, не вирусы? — сказал Долинский.

— Мы его вскроем в камере. Манипуляторами.

— А может, оставим до Земли?

— Терпеть пять лет? Нет уж, — сказала Рано.

И все мы знали, что любопытство сильнее нас, — мы не будем ждать до Земли. Мы раскроем капсулу сейчас.

— Все-таки Джерасси не зря погиб, — сказала тихо Марта. Так, чтобы только я услышал.

Я кивнул, взяв ее за руку. У Марты были холодные пальцы...

Щупальца манипулятора положили на стол половинки цилиндра и вытащили свернутый листок. Листок упруго развернулся. Через стекло всем нам было видно, что на нем написано.

«Галактический корабль «Сатурн». Позывные 36/14.

Вылет с Земли — 12 марта 2167 г.

Посадка на планете — 6 мая 2167 г...» Дальше шел текст, и никто из нас не прочел текста. Мы не смогли прочесть текста. Мы снова и снова перечитывали первые строчки: *«Вылет с Земли — 12 марта 2167 г.»* — двадцать лет назад. *«Посадка на планете — 6 мая 2167 г.»* — тоже двадцать лет назад.

— Вылет с Земли... Посадка... В тот же год.

И каждый из нас, как бы крепки ни были у него нервы, как бы рассудителен и разумен он ни был, пережил в этот момент свою неповторимую трагедию. Трагедию ненужности дела, которому посвящена жизнь, нелепости жертвы, которая никому не потребовалась.

Сто лет назад по земному исчислению наш корабль ушел в Глубокий космос. Сто лет назад мы покинули Землю, уверенные в том, что никогда не увидим никого из наших друзей и родных. Мы уходили в добровольную ссылку, длиннее которой еще не было на Земле. Мы знали, что Земля отлично обойдется и без нас, но мы знали, что жертвы наши нужны ей, потому что кто-то должен был воспользоваться знаниями и умением уйти в Глубокий космос, к мирам, которые можно было достигнуть, только пойдя на эти жертвы. Космический вихрь унес нас с курса, год за годом мы стремились к цели, мы теряли наши годы и отсчитывали десятки лет, прошедшие на Земле.

— Значит, они научились прыгать через пространство, — сказал наконец капитан.

И я заметил, что он сказал «они», а не «мы», хотя всегда, говоря о Земле, употреблял слово «мы».

— Это хорошо, — сказал капитан. — Это просто отлично. И они побывали здесь. До нас.

Остальное он не сказал. Остальное мы договорили каждый про себя. Они побывали здесь до нас. И отлично обошлись без нас. И через четыре с половиной наших года, через сто земных, мы опустимся на космодром (если не погибнем в пути), и удивленный диспетчер будет говорить своему напарнику: «Погляди, откуда взялся этот бронтозавр? Он даже не знает, как надо приземляться. Он нам все оранжереи вокруг Земли разрушит, он расколется зеркало обсерватории! Вели кому-нибудь подхватить этого овра и отвести подальше, на свалку к

Плутону...» Мы разошлись по каютам, и никто не вышел к ужину. Вечером ко мне заглянул доктор. Он выглядел очень усталым.

— Не знаю, — сказал он, — как теперь доберемся до дому. Пропал стимул.

— Доберемся, — ответил я. — В конце концов доберемся. Трудно будет.

— Внимание всех членов экипажа! — раздалось по динамике внутренней связи. — Внимание всех членов экипажа!

Говорил капитан. Голос его был хриплым и чуть неуверенным, словно он не знал, что сказать дальше.

— Что еще могло случиться? — Доктор был готов к новой беде.

— Внимание! Включаю рацию дальней связи! Идет сообщение по галактическому каналу.

Канал молчал уже много лет. И должен был молчать, потому что нас отделяло от населенных планет расстояние, на котором бессмысленно поддерживать связь.

Я посмотрел на доктора. Он закрыл глаза и откинул назад голову, будто признал, что все происходящее сейчас — сон, не более как сон, но просыпаться нельзя, иначе разрушишь надежду на приснившееся чудо.

Был шорох, гудение невидимых струн. И очень молодой, чертовски молодой и взволнованный голос закричал, прорываясь к нам сквозь миллионы километров:

— «Спартак», «Спартак», вы меня слышите? «Спартак», я вас первым обнаружил! «Спартак», начинайте торможение. Мы с вами на встречных курсах. «Спартак», я — патрульный корабль «Олимпия», я — патрульный корабль «Олимпия». Дежурю в вашем секторе. Мы вас разыскиваем двадцать лет! Меня зовут Артур Шено. Запомните, Артур Шено. Я вас первым обнаружил! Мне удивительно повезло. Я вас первым обнаружил!.. — Голос сорвался на высокой ноте, Артур Шено закашлялся, и я вдруг четко увидел, как он наклонился вперед, к микрофону в тесной рубке патрульного корабля, как он не смеет оторвать глаз от белой точки на экране локатора. — Извините, — продолжал Шено. — Вы меня слышите? Вы себе представить не можете, сколько у меня для вас подарков. Полный грузовой отсек. Свежие огурцы для Долинского. Долинский, вы меня слышите?

Джерасси, Вероника, римляне шлют вам торт с цукатами. Вы же любите торт с цукатами...

Потом наступила долгая тишина.

— Начинаем торможение! — нарушил ее капитан.

Освящение храма Ананда

Наша станция, столь обширная — трубы коридоров, шары лабораторий и топливных складов, сплетения тросов и гравитационных площадок, — наша станция кажется пассажиру подлетающего корабля лишь зеленой искоркой на экране локатора. А я ведь за три недели еще не во всех лабораториях побывал, не со всеми обитателями станции знаком.

— Вы не спите, профессор?

Я узнал голос Сильвии Хо.

— Нет. Я думаю. Я потушил свет, потому что так легче думается.

— Неужели можно специально думать? Я вот хожу и думаю, ем и думаю, разговариваю и думаю.

— Раньше я тоже не замечал, думаю я или нет. И лишь теперь, на седьмом десятке, догадался, что мышление достойно того, чтобы выделить его в самостоятельный процесс.

— Вы шутите, профессор. А я к вам на минутку. Капитан просил напомнить, что через полчаса включаем экран.

— Спасибо. Иду.

Я сел на койке и еле успел схватиться за скобу. С утра была невесомость. Перед опытами с экраном вращение прекращалось — станцию ориентировали с точностью до микрона. Я не люблю невесомость. Она дарит лишь несколько минут детского удивления перед возможностями своего тела. Потом быстро надоедает, утомляет, вызывает легкую тошноту и мешает спать.

— Вы не спите, профессор?

— Это ты, Тайк?

— Вы не забыли, что через полчаса включаем экран?

— Иду, иду.

Я нашарил под кроватью башмаки на магнитных подошвах. Они слишком легко скользят по полу и требуют значительного усилия, чтобы оторвать их. Старожилы похожи здесь на конькобежцев. Я подобен новичку, впервые вступившему на лед.

— Профессор, вы не спите?

— Спасибо. Я помню. Я знаю, что через полчаса включаем экран.

— Я проходил мимо и решил предупредить. Сегодня ваш день, профессор.

Я посидел с минуту, прислушиваясь к легким шумам и шорохам, пронизывающим станцию. Звуки эти, как бы слабы они ни казались, — удивительное свидетельство жизни, контраст с безнадежной пустотой пространства. Вот звякнула кастрюля в камбузе, застрекотал робот, прошуршал воздух в дакте кондиционера, комаром отозвался какой-то прибор в лаборатории, пискнул котенок... Котят, по-моему, восемь. Может, и больше. Они выпархивают из дверей, топыря шерсть, плавают перед глазами и норовят ухватиться когтями за что-нибудь надежное.

— Вы пришли, профессор? Сегодня ваш день.

Это русский физик. Физики свое дело сделали, им остается лишь ждать и волноваться вместе с нами.

— Это наш общий день, — отвечаю я. — И в первую очередь для Сильвии.

Сильвия сидит у дальней от экрана стены, на острых коленках — блокнот. Она улыбается мне благодарно и робко. Не бойся, мышонок, тебя никто не выгонит. Сегодня и вправду наш день. Мы с Сильвией единственные пока специалисты, на которых будет работать экран. Остальные его проектировали, рассчитывали, монтировали, настраивали и снова настраивали. Мы будем глядеть. Сильвия — антрополог. Я — историк.

— Жарко, профессор? — спросил Тайк. Тайк сидел на корточках перед раскрытой панелью пульта управления.

— Хоть форточку открывай, — сказал русский физик. — В космос.

— Простудишься, — сказал капитан. — Сегодня ваш день, профессор. Если физики нас не обманули.

Капитан уселся в кресло перед самым экраном, большим, во всю стену, черным и оттого бездонно глубоким.

Русский физик достал из кармана миниатюрные шахматы, но не удержал в руке, коробочка открылась, и фигурки веером, словно воробьи, спасающиеся от коршуна, разлетелись по лаборатории.

— Пятнадцать минут, — сказал Ричард Темпест.

Все вокруг были спокойны, может, даже излишне спокойны. Бесшумно, конькобежцами, в лабораторию въезжали техники,

колдовали у пульта, переговаривались тихо, коротко и большей частью непонятно. Понемногу лаборатория заполнялась зрителями. Стало тесно. Кто-то из молодежи снял ботинки и устроился на стене, под потолком, повиснув на скобе.

— Садитесь сюда, поближе, — сказал капитан. — А где Сильвия?

Парасвати уступил мне место. Сжав в ладонях подлокотники, я почувствовал себя уверенней.

— Я все-таки не верю, — сказала Сильвия, глядя на Тайка. Тайк склонился к микрофону, диктовал на мостик какие-то цифры.

Тайк выпрямился, оглядел нас, словно полководец перед сражением, посмотрел на экран и сказал:

— Свет.

— Да будет свет, — прошептал физик, так и не собравший шахмат.

Лампы в лаборатории померкли, и ярче стали разноцветные индикаторы на пульте.

— Начинайте, — сказали с мостика.

На черном эллипсе экрана возникло светлое облако, оно зародилось в глубине его, разгоралось и приближалось, распространяясь к его пределам, и по нему пробежали зеленые искры. Так продолжалось минуту, а затем экран внезапно стал голубым, и в нижней части его обнаружились рыжие и белые пятна, словно изображение, рожденное в нем, было не в фокусе.

— Получается, — сказал Парасвати. — Куда лучше, чем вчера.

— Куда уж лучше, — сказал разочарованно кто-то из зрителей.

— Ах! — воскликнула Сильвия.

Волшебник сорвал пелену с экрана, навел изображение на резкость, и нашим глазам представился обычный земной пейзаж, настолько реальный и рельефный, словно экран был окном в соседний мир, залитый жарким солнцем, пропитанный пылью и свежим ветром. Синяя широкая полоса превратилась в небо. На охряном песке обозначились дома, глубокие колеи на узкой дороге и редкие пальмы.

— Все в порядке, — сказал Тайк. — Мы на месте.

— Правильно? — спросил капитан.

— Одну минутку, — сказал я.

Был полдень. Тонкая пыль крутилась над землей, изрытой и истоптанной буйволами. Опутанное бамбуковыми лесами и

прикрытое тростниковыми циновками, возвышалось строящееся здание. Оно было логическим центром сцены, которую мы наблюдали. Многочисленные упряжки волов и буйволов тянулись к нему, груженные желтым кирпичом. Балансируя на гибких бамбуковых жердях, поднимались на леса вереницы почти обнаженных людей. Наверху трудились каменщики. В левой части экрана видна была веранда, столбы которой были обильно украшены тонкой резьбой. Перед ней дремали два воина с копьями в руках...

— Ну и что, профессор?

Все в лаборатории ждали моего ответа.

— Это Паган, — сказал я. — Конец одиннадцатого века.

— Ура! — произнес кто-то негромко.

— Удалось? — спросил динамик. Дежурный на мостике волновался.

— Ур-ра! — ответил ему физик. — Какие же мы молодцы!

— Качать профессора, — предложил лукавец Тайк.

— Я совершенно ни при чем. Вы могли бы показать это изображение еще десятку ученых, и они сказали бы то же самое.

— Но профессор сказал первым!

Им нужна была разрядка. Уж лучше пускай качают меня, чем Сильвию. Я лишь старался не удариться о какой-нибудь прибор, хотя в этом не было нужды — летал я медленно и солидно, как воздушный шарик. Мои мучители также отрывались от пола и взлетали вслед за мной, отчего в полумраке лаборатории, освещенной солнцем далекого мира, шевелилось одно многорукое, многоголовое чудовище. И не дай бог людям с той стороны экрана заглянуть к нам. Они бы умерли от страха.

— Смотрите! — сказала Сильвия, которой удалось спрятаться в углу и избежать всеобщего ликования. — Смотрите — человек!

Сморщенный, высохший старик нес, прижимая к груди, глиняный горшок. Он шел так близко и виден был так четко, что можно было пересчитать все морщинки на его лице. И даже удивительным казалось, что он нас не видит. Он остановился на мгновение, повернув голову в нашу сторону, вздохнул и продолжил путь. И взгляд его мгновенно прервал возбужденное веселье. Люди опускались вниз, будто осенние листья.

— Он хотел сказать нам: «Чего подсматриваете?» — да не знает, на каком языке говорить с нами.

— Жалко, кино не звуковое.

— А профессор смог бы понять, о чем они говорят?

— С трудом. Прошла почти тысяча лет.

— Какая разрешающая способность!

— Профессор, расскажите нам о них.

— Это не покажется скучным?

— Никогда.

— Расскажите, профессор.

— Даже не знаю, с чего начать, — сказал я. Я не люблю быть центром внимания. Тем более что я никак не мог отделаться от ощущения, что в действительности я узурпатор. Самозванец. Главное сегодня не история. Главное то, что людям наконец удалось заглянуть в свое прошлое.

Черными молниями пробежали по экрану помехи, земля заколебалась.

— Прибавь мощности, — сказал капитан Тайку.

— Уже уходит, — сказал Тайк. — Еще минуты три-четыре, не больше.

— Рассказывайте, профессор.

— Это было великое государство. Владения его тянулись от Гималаев и гор Южного Китая до Бенгальского залива. Оно существовало двести пятьдесят лет, и столицей его был город Паган. Здание в лесах — храм Ананда, первый из гигантских храмов Пагана, построенный при царе Чанзитте. Храм этот, как и множество других храмов и пагод общим числом около пяти тысяч, стоит в центре Бирмы, на берегу реки Иравади.

— И сейчас стоит?

— И сейчас.

Старик с горшком в руках вновь прошел по экрану. Ему было тяжело и жарко. Глядя на него, я понял, что в зале тоже очень жарко. И вдруг экран потускнел. Последнее, что мы увидели, — к старику подбежала девушка, взяла горшок. Черные молнии исчертили древний город, и нельзя уже было угадать лица девушки.

Вспыхнул искусственный, мертвый свет плоских плафонов. Капитан сказал, осторожно поднимаясь с кресла:

— Сеанс окончен.

— А может, ничего и не было? Нам показалось? — спросил Парасвати.

— Все снято, — сказал Тайк. — Хоть сейчас можно прокрутить фильм.

Люди не спешили расходиться. Это и в самом деле было похоже на зал кинотеатра, где только что показали картину невероятно талантливую, странную и неожиданную.

— Тайк, передай на мостик, чтобы начали вращение. До утра.

Капитан помог мне добраться до двери.

— Это великолепно, — сказал я ему.

— А вы, профессор, отказывались от поездки сюда.

— Вы знаете об этом?

— Да.

— Я консерватор. Трудно поверить в хроноскопию.

Я и в самом деле отказывался лететь на станцию. Я убеждал ректора выбрать кого-нибудь помоложе, не столь занятого, более легкого на подъем. «Хорошо, — говорил я ему. — Допустим, что эта хроноскопия имеет под собой какую-то основу. Допустим даже, что при определенных условиях можно отыскать точку в пространстве, собственное время которой идет с отставанием на тысячу лет от земного. Допустим даже, что из этой точки можно будет взглянуть на Землю. Но что мы увидим на таком расстоянии?» Ректор был терпелив, вежлив. Таким же он был двадцать лет назад, когда держал у меня экзамен по истории Бирмы. В нем всегда была вежливая снисходительность к собеседнику, будь он его учителем или одним из подчиненных ему профессоров. «Нет, — отвечал он, — вы не правы, профессор. С таким же успехом можно говорить, что паровоз не поедет, потому что в него не впряжена лошадь. Никто не стал бы тратить годы усилий на сооружение станции, если бы хроноскопия была мифом. Если физики считают, что экран на станции сможет заглянуть в Бирму, в одиннадцатый век, значит, так и будет... — Ректор пригладил на макушке несуществующие волосы и посмотрел на меня укоризненно: прожил столько лет на свете и сомневается во всемогущести науки. Затем сказал другим тоном, тоном, требующим доброй улыбки: — В любом случае мы желали бы видеть на станции лучшего историка Бирмы. Вы, профессор, лучший историк Бирмы, я

говоря это не только как ректор, но и как ваш ученик. И если вам дорог престиж университета...» Здесь голос его сошел на нет, и ректор предложил мне стакан холодного апельсинового сока. Допивая сок, я подумал: а почему бы и нет? Ведь я никогда еще дальше Луны не забирался.

Станция возникла сначала зеленой искрой на экране локатора, выросла постепенно в сплетение труб, шаров и тросов, встретила меня рукопожатиями незнакомых, большей частью молодых, легко одетых людей и жарой. На станции было как в Рангуне майским вечером, влажным от близких муссонных туч, душным оттого, что лучи солнца, заблудившиеся в листве тамариндов, подогревают синий воздух.

— У нас барахлят отопительные установки, — сказал Тайк, молодой человек, длинные ресницы которого бросали тени на выступающие скулы. — Вчера было всего восемь градусов тепла. Но мы терпим.

Капитан проводил меня до каюты.

— Хорошо, что вы прилетели, — сказал он. — Значит, не зря работаем.

— Почему?

— Вы занятой человек. И коль уж вы смогли бросить все дела и прибыть к нам, значит, хроноскопия стоит того, чтобы заняться ею всерьез.

Капитан шутил. Он верил в хроноскопию, он верил в то, что экран будет работать, и хотел, чтобы я тоже уверовал в это.

С тех пор прошло три недели, и в моем лице энтузиасты экрана (не энтузиастов здесь не было) приобрели страстного неопита. Три раза за эти три недели экран светлел, заполнялся разноцветными облаками, дарил нам мимолетные непонятные образы, но не более. И вот наконец мы увидели Паган.

В семь часов по бортовому времени мы собирались в лаборатории. Один сеанс в день. Двадцать семь минут с секундами. Затем изображение уходило из луча...

Мое первоначальное предположение, что веранда с резными колоннами принадлежит дворцу царя Чанзитты, блистательно подтвердилось на следующий же день, когда в середине сеанса вдали за клубилась пыль и из облака ее вылетели всадники, загарцевали у

ступенек. Стражники выпрямились, приподняли копья. К веранде приблизился слон с окованными медью бивнями. На спине его под золотым зонтом сидел нестарый человек с крупными чертами лица. Я узнал его. По статуе, которую столько раз видел в полутемном центральном зале храма Ананда. Художник был правдив, изобразив царя именно таким. Теперь уже не оставалось никакого сомнения, что матерью царя действительно, как уверяли хроники, была индианка.

— Вот, — сказал я тогда. — Я был прав. Хроникам надо верить именно в деталях, которые нельзя объяснить поздними политическими соображениями.

— Кто это? — спросил Тайк.

— Царь Чанзитта, — удивился я. — Это же видно.

— Профессор, вы великолепны, — сказал капитан. — Разумеется, это царь Чанзитта, знакомый всем нам с детства.

Царя неотступно сопровождал первосвященник, личность также хорошо известная по хроникам, Шин Арахан, сморщенный, благостный старец. Старец не последовал во дворец за царем, а принялся давать какие-то ценные указания архитектору Ананды, даже рисовал арки тростью в пыли.

В тот же день мы видели, как надсмотрщики избивали бамбуковыми палками провинившихся в чем-то рабочих. Зрелище было жутким, казалось, что крики людей сквозь века и миллиарды километров проникают в лабораторию. Через две минуты вся станция уже знала о происходящем, в зал набились физики, электронщики, монтажники, и их оценка происходящего была настолько резка, что мне стало стыдно за средневековую Бирму, и, может, поэтому я сказал, когда угас экран:

— Разумеется, если показать крестовые походы или опричников Ивана Грозного, никто бы из вас не возмутился.

— Не расстраивайтесь, профессор, — ответил мне за всех капитан. — Бывало куда хуже. За этим не стоит даже углубляться на тысячу лет в прошлое. Но нам пришлось увидеть именно Бирму. И мы не можем войти в экран и схватить надсмотрщика за руку.

На следующий день на песке, там, где проходила экзекуция, были видны бурые пятна крови. К концу сеанса поднялся ветер и занес их пылью.

Жизнь моих далеких предков была тяжела, грязна и жестока. Золотой век хроник и легенд не выдержал испытания. И тем удивительнее казался храм Ананда, совершенный, легкий, благородный, призванный на века прославить Паганское государство. Он гордо возносился над страданиями маленьких людей и становился памятником им, все-таки не зря проведенным на земле отведенные годы.

У старика, что нес воду в первый день, была дочь. Дочь эту знали все на станции, и беспокойные физики, приходившие повидаться с ней, держали пари, появится она сегодня или нет.

Дочь (а может быть, внучка) старика была невысока ростом, тонка и гибка, как речной тростник. Ее черные волосы были собраны в пучок на затылке и украшены мелкими белыми цветами. Кожа ее была цветом как тиковое дерево, глаза подобны горным озерам. Не пытайтесь упрекнуть меня в романтическом преувеличении — именно такой я ее помню, именно такие сравнения пришли на ум, когда я впервые разглядел ее. И если я, старый человек, говорю о девушке столь приподнятым слогом, то о молодежи и говорить нечего. Лишь Сильвия была недовольна. Она глядела на Тайка. А Тайк глядел на паганскую девушку.

Как-то я нечаянно подслушал разговор Сильвии Хо с Тайком.

— Все, что мы видим, подобно спектаклю, — сказала Сильвия. — Ты чувствуешь это, Тайк?

— Ты хочешь сказать, что это все придумано?

— Почти. Этого нет.

— Но они реальны. И мы не знаем, что случится с ними завтра.

— Нет, знаем. Профессор знает. Эти люди умерли почти тысячу лет назад. Остался только храм.

— Нет, они реальны. Отсюда, со станции, мы видим их живыми.

— Они умерли тысячу лет назад.

— Посмотри, как она улыбается.

— Она тебя никогда не увидит.

— Зато я ее вижу.

— Но она умерла тысячу лет назад! Нельзя влюбиться в несуществующего человека.

— Что за чепуха, Сильвия. С чего ты взяла, что я влюбился?

— Иначе бы ты не защищал ее.

— Я ее и не защищаю.

— Ты хотел бы, чтобы она была сегодня.

— Хотел бы.

— Сумасшедший...

Я сидел в кресле, не замеченный ими. Я улыбнулся, когда Сильвия убежала по коридору, прижимая к груди папку с рисунками и фотографиями обитателей паганской эры. Тайк вернулся к пульту и принялся копаться в схемах, насвистывая что-то печальное. Он был подобен человеку, полюбившему Нефертити — запечатленный в камне прекрасный момент далекого прошлого.

Еще через три дня произошло новое событие, взбудоражившее всю станцию, ибо станция близко к сердцу принимала события, происходившие в Пагане. Приехали кхмерские послы. Пожалуй, человеку, незнакомому с историей Бирмы, трудно понять мое волнение, когда я угадал кхмеров в утомленных долгим путем, длинноволосых, богато разодетых людях. Они слезали с опустившихся на колени слонов, скребя пятками по морщинистым серым бокам, и слуги раскрывали над ними золотые зонты — знаки знатности и власти. Да, это были кхмеры, с империей которых граничил Паган. И возможно, именно сейчас, завтра, послезавтра, будет разрешен долгий спор историков, платил ли Паган дань Ангкору или права была хроника Дхаммаян Язавин, утверждавшая, что цари кхмеров признавали власть Пагана.

Послы проследовали в глубь дворца. За ними несли коробки с подарками, чаши с бетелем, подносы с фруктами. Дворец был охвачен суетой, окружен толпой любопытных, и сквозь поднявшуюся пыль можно было разглядеть, как в спешке рабочие сдирали леса и циновки с храма Ананда — видно, его будут показывать высоким гостям.

Ночью мне пришлось принять снотворное. Сон не шел ко мне. Время остановилось. В любой момент послы могли уехать и избежать моего наблюдения. И останутся скрытыми для меня и для истории те мелкие детали, понятные лишь мне, по которым можно безошибочно определить истинные отношения между бирманцами и кхмерами — древними соперниками и великими строителями. ...И снова загорелся экран. Любопытные все еще толпились перед дворцом, и было их немало. Следовательно, сказал я себе, и чуть отлегло от сердца, следовательно, послы не уехали.

От колодца с полным кувшином шла наша знакомая девушка. Она поставила кувшин на ступеньку веранды и заговорила о чем-то со стражником. Нравы в Пагане были просты, стражник не отогнал девушку. Говорил с ней о чем-то оживленно. Потом к ним присоединился монах в синей тоге лесных братьев, заглянул через перила внутрь дворца, и второй стражник крикнул ему что-то веселое. Некто, толстый и намащенный, из дворцовой челяди, вышел на веранду, поднял кувшин и отпил из него.

Тайк забыл о пульте. Он смотрел на девушку. Я незаметно взглянул в другую сторону, где сидела Сильвия. Сильвия делала вид, что углублена в записи.

Один из кхмерских послов медленно и торжественно, словно актер в плохом театре, появился из-за края экрана и остановился у перил, рассеянно глядя на белый храм. За ним легко, чуть постукивая палкой, следовал Шин Арахан, первосвященник. Он спросил что-то у кхмера, и физик, сидевший со мной рядом, угадал его вопрос:

— Ну как, нравится вам наш храм?

Кхмер ответил. Физик вновь перевел:

— Ничего храм. У нас лучше.

Тайк глядел на девушку. Девушка глядела на кхмера. Тот был для нее экзотичным представителем чужого, недостижимого мира. Кхмер, видно, почувствовал ее взгляд и, повернувшись к Шину Арахану, улыбнулся и сказал что-то. Физик немедленно перевел:

— Девушки у вас здесь лучше, чем храмы.

Кто-то сзади хихикнул. Тайк насупился. Шин Арахан кивнул и тоже посмотрел на девушку. Та растерялась и отступила на несколько шагов. Стражники захохотали. Кхмер тоже засмеялся. Он уговаривал Арахана, тыча униженным перстнями пальцем в девушку, но первосвященник улыбался вежливо и, видно, не давал нужного ответа.

— «Отдай ее мне», — требует высокий гость, — сказал физик.

— Помолчи, — оборвала его Сильвия.

— И в самом деле, помолчи, — поддержал ее Парасвати. — Что мы без нее будем делать?

— Он же старый, — сказала Сильвия.

Тайк не слышал их. Он глядел на экран. Потом он сказал мне, что все время боролся с желанием выключить его, будто это могло бы что-нибудь изменить, прервать цепь событий. Но это он сказал потом.

Кхмер ушел, явно неудовлетворенный. Я сказал:

— Совершенно ясно, что Паган не был вассалом кхмеров. Иначе Шин Арахан не посмел бы отказать послу. Он был большим дипломатом. Если, конечно, кхмер и в самом деле требовал подарить ему девушку.

— Хорошо бы обошлось... — сказал Парасвати.

И он был прав в своих сомнениях. Шин Арахан с минуту стоял на веранде, раздумывая, чуть покачиваясь, спрятав глаза в сетке морщин. Казалось, он не видит никого вокруг. Но, когда девушка подкралась к террасе, чтобы взять кувшин, Шин Арахан вдруг очнулся, крикнул стражникам, повернулся и быстро ушел с веранды. Стражники подошли с двух сторон к замершей девушке, и один из них подтолкнул ее в спину древком копья. Девушка покорно пошла перед ними через площадь, и толпа зевак молча расступилась перед ней. Сеанс кончился.

На этот раз никто не покинул лабораторию. Когда зажегся свет, я обнаружил, что все смотрят на меня, словно я мог объяснить случившееся и, главное, убедить их, что с девушкой ничего не случится. И я сказал:

— В лучшем случае Шин Арахан приказал убрать ее с глаз кхмера. Может, он знает ее отца, может, пожалел ее.

— А в худшем?

— В худшем — не знаю. Худших вариантов всегда больше, чем лучших. Возможно, первосвященник решил все-таки сделать сюрприз кхмеру и вручить ему подарок перед отъездом. Возможно, девушка чем-то оскорбила кхмера и будет наказана...

— Но она же ничего не сказала...

— Мы так мало знаем о нравах тех времен.

Тайк пришел вечером ко мне в каюту.

— Я сойду с ума, профессор, — сказал он.

— Чем я могу помочь тебе? — спросил я его. — Постарайся понять, что это иллюзия, чудесным образом сохранившийся документальный фильм, — и мы первые зрители его.

— В это невозможно поверить. Мне хотелось выключить экран. Словно тогда она смогла бы убежать. В темноте.

Тайк ушел. Проверять приборы, удостовериться, что завтра сеансу не помешает случайная поломка. Но в тот день ничего

особенного не случилось.

Правда, мы видели старика. Он валялся в пыли у ступеней дворца, умолял стражников пропустить его внутрь, но на этот раз они были строги и неразговорчивы. Значит, девушке все еще грозила опасность. С храма снимали последние леса и наводили на него лоск. У подножия его вырыли небольшую глубокую яму, от дворца до главного входа постелили циновки, и солдаты с короткими кривыми мечами разгоняли любопытных, чтобы те не наступили на дорожку.

Основные события были перенесены на завтра.

Интересное создание человек. Еще два дня назад меня волновала лишь одна проблема — каковы взаимоотношения Пагана и Ангкора. Кто был чьим данником. Это был вопрос, важный для истории Бирмы, но мало интересовавший кого-нибудь, кроме меня. В день же последнего сеанса, в день, на который выпало освящение храма Ананда, торжественное событие, особо торжественное из-за присутствия иностранных гостей, я забыл о данниках, вассалах и царях. Как и все другие обитатели станции, я беспокоился о судьбе девушки, фотографии которой украшали каждую вторую каюту на станции, ради возвращения улыбки которой все мы были готовы на любое безрассудство. И были бессильны совершить безрассудство.

— Позиция, — говорит в микрофон Тайк. — Свет. Сеанс.

— Есть позиция, — отвечает мостик.

Гаснет свет в зале. На экране площадь. Площадь полна народу. Лишь дорожка из циновок, ведущая к храму, свободна. По сторонам ее стоят в два ряда солдаты. Ближе к храму толпа распадается на яркие пятна. В синих тогах стоят ари — лесные братья. В белых одеяниях — брамины. В оранжевых и желтых — истинные буддисты, последователи Шина Арахана. Пыль пробивается между плотно стоящими зрителями и окутывает сцену легкой дымкой.

Торжественная процессия спускается с веранды. Первым ступает на дорожку Шин Арахан, которого ведут под руки монахи. За ним под двенадцатью золотыми зонтами — царь Чанзитта. Затем министры, чиновники, послы Камбоджи, послы Аракана, послы Цейлона...

Техники дают максимальное увеличение, и потому кажется, что рама экрана сдвигается внутрь, храм растет и мы следуем за царем к храму, чудесному и зловещему сегодня. Никто, даже я, старый дурак, не знает, что может произойти. Мы ждем.

Мы ждем, пока царь преодолеет расстояние до храма. Я смотрю на часы. Осталось десять минут до конца сеанса. Пусть, думаю я трусливо, то, что будет, будет потом, когда мы уйдем отсюда. И тут же я понимаю, чего боюсь, в чем не смею признаться даже себе самому и чего никто не может знать.

Есть легенда. Ее повторяют многие хроники. И ей верят многие ученые. В день освящения храма у подножия его выкапывалась яма, в которой погребали самую прекрасную девушку в царстве.

И я вижу, как царь и вся процессия останавливаются у свежевырытой ямы. У могилы. И я говорю:

— Да.

— Что? — спросил Тайк. — Что будет?

— Я могу ошибаться.

— Что будет, профессор?

И я говорю им о легенде. И не успеваю досказать ее, как толпа расступается и монахи в желтых тогах подводят обнаженную до пояса, заплаканную, прекрасную, как никогда, нашу девушку. Я смотрю на часы. Осталось четыре минуты сеанса. Скорей бы он кончился. Мы ничего уже не изменим. Тайк мешает мне смотреть. Он стоит перед самым экраном, словно пытается навсегда запомнить эту минуту, будто собирается запомнить лица монахов, ведущих девушку, и отомстить им, будто хочет запомнить лицо палача, здорового темнолицего человека с ножом в руке, который выходит навстречу девушке и ждет, полуобернувшись к Шину Арахану, ждет сигнала.

— Тайк, отойди, — говорит кто-то за моей спиной.

Тайк не слышит. Шин Арахан наклоняет голову.

Мы так близки к людям перед храмом, что, кажется, слышим их дыхание и оборвавшийся стон девушки, которая как зачарованная смотрит на блестящий нож. Сейчас она вскрикнет...

— Ай! — раздался крик.

Мы оборачиваемся. Все. В дверях стоит Сильвия. Она опоздала. Она, наверное, и не хотела приходить, но не выдержала одиночества. Сильвия зажимает рот рукой и смотрит на экран. Мы тоже смотрим туда. Но поздно. Мы упустили момент.

Мы упустили момент, в который Тайк приблизился к экрану вплотную и вошел в него.

Тайка нет в зале.

Тайк в Пагане. Невероятным, необъяснимым образом он оказался в тысяче лет и миллиардах километров от нас, в толпе монахов, вельмож, солдат, синих ари и белых браминов.

Распахнутые в криках рты... Рука палача, замершая в воздухе... Монахи, падающие ниц... Тайк уже рядом с девушкой. Он отталкивает растерянного палача, подхватывает ее на руки, и девушка, видно в обмороке, обвисает на его руках.

На мгновение Тайк замирает.

Живы лишь глаза. Зрачки мечутся, разыскивая путь к спасению. Он понял уже, что не вернется к нам, что он один в далеком прошлом.

Таким я его и запомнил: высокий, широкоплечий смуглый юноша в серебряном, в обтяжку, комбинезоне и мягких красных башмаках до щиколоток. На груди золотая спираль — знак Службы Времени. Он стоит, широко расставив ноги, и девушка на его руках кажется невесомой.

Кадр неподвижен. Лишь пыль медленно плывет в горячем воздухе.

И тут же неподвижность взрывается стремительным движением.

Тайк бежит по циновкам к нам навстречу, но перед ним нет экрана. Перед ним пыльная площадь, а за ней обрыв к Иравади. Тайк исчезает под нижним срезом экрана, и опомнившиеся солдаты, монахи, чиновники бросаются вслед за ним... Экран тускнеет, идет черными полосами и гаснет.

Вот и все. Больше мы не видели Тайка. Может, они разбились, прыгнув с обрыва. Может быть, их догнали и убили. Или ее убили, а его отдали в рабство. Может быть, им удалось убежать и скрыться в чинских холмах. Может быть...

Мы больше не смогли толком поймать Паган. Что-то разладилось в системе связи, и понадобится несколько месяцев работы, прежде чем она восстановится.

Мы с Сильвией улетели с первым кораблем. Физики остались. Они спорят и будут спорить о причинах необычного явления, которое они пытаются объяснить с помощью формул. Я в этом не разбираюсь, я старый историк, приверженец консервативных методов исследования.

На столе у меня стоит фотография девушки с глазами, как горные озера.

Поломка на линии

Дом наш старый. Настолько старый, что его несколько раз брали на учет как исторический памятник и столько же раз с учета снимали — иногда по настоянию горсовета, которому хотелось этот дом снести, иногда ввиду отсутствия в нем исторической ценности. Со временем его обязательно снесут, но, очевидно, это случится не скоро.

Лет триста назад в доме жила одна семья. Родственники боярина, который ничем не прославился. Потом боярин умер, потомки его измелечали и обеднели, и дом пошел по рукам. К концу прошлого века его разделили на квартиры — по одной на каждом из трех этажей, а после революции дом уплотнился.

В нашей квартире на первом этаже восемь комнат и пять семей. Сейчас в ней остались в основном старики и я, молодежь рассосалась по Химкам и Зюзиным. Меня же моя комната вполне устраивает. В ней двадцать три метра, высота потолка три тридцать, со сводами, и есть альков, в котором раньше стояла моя кровать, а теперь я завалил его книгами. Указывать мне на беспорядок некому. Мать уехала к отчиму в Новосибирск, а на Гале я так и не женился.

В ту ночь я поздно лег. Я читал последний роман Александра Черняева. Недописанный роман, потому что Черняев умер от голода в Ленинграде в сорок втором году. Сейчас, когда вышло его собрание сочинений, роман поместили в последнем томе вместе с письмами и критическими статьями.

Это очень обидно — ты знаешь, что читать тебе осталось страниц десять, не больше. И действие только-только разворачивается. И оно так и не успеет развернуться, и ты никогда уже не узнаешь, что же хотел сделать старик Черняев со своими героями, и никто уже не допишет этот роман, потому что не сможет увидеть мир таким, каким его видел Черняев. Я отложил том и не стал перечитывать ни критических статей, ни комментариев к роману одного известного специалиста по творчеству Черняева. Специалист делал предположения, каким бы был роман, если бы писатель имел возможность его закончить. Я знал, что Черняев писал роман до самого последнего дня, и знал даже, что на полях одной из последних

страниц было приписано: «Сжег последний стул. Слабость». Больше Черняев не позволил себе ни одного лишнего слова. Он продолжал писать. И писал еще три дня. И умер. А рукопись нашли потом, недели через две, когда пришли с Ленинградского радио, чтобы узнать, что с ним.

Как видите, мысли у меня в тот вечер были довольно печальные, и герои книги никак не хотели уходить из комнаты. Они силились мне что-то сказать... И тут раздался звон.

Стены в нашем доме очень толстые. Наверно, конструктор конца семнадцатого века сделал запас прочности процентов в восемьсот. Даже перегородки между комнатами кирпича в три. Так что, когда соседи играют на пианино, я практически ничего не слышу. Поэтому я не сомневался, что звон раздался именно у меня в комнате. Станный такой звон, будто кто-то уронил серебряную вазу.

Я протянул руку и зажег свет. Герои книги исчезли. Тишина. Что бы такое могло у меня упасть? Я полежал немного, потом меня потянуло в сон, и я выключил свет. И почти немедленно рядом что-то громохнуло. Коротко и внушительно.

Мне стало не по себе. Я человек абсолютно несуетерный, но кто мог бы кидаться всякими предметами в моей комнате?

На этот раз я зажег свет и поднялся с кровати. Я обошел всю комнату и даже заглянул в альков. И ничего не нашел. А когда я повернулся спиной к алькову, оттуда снова послышался звон. Я подпрыгнул и повернулся на сто восемьдесят градусов. И опять же ровным счетом ничего не обнаружил.

Позвякивание уже не прекращалось. Через каждые десять секунд раздавалось — дзинь. Потом пауза. Я отсчитывал — раз-и, два-и... После десятой секунды снова — дзинь.

Я, честно говоря, чуть с ума не сошел от беспокойства. У тебя в комнате кто-то звенит, а ты не можешь догадаться, что же случилось. Я начал систематическое исследование комнаты. Я ждал, пока раздастся звон, и потом делал шаг в том направлении, откуда слышался звук. Я уже догадался, что он доносится со стороны гладкого куска стены между альковым и дверью. После четвертого шага я подошел к самой стене и приложил ухо к ней. «Раз-и...» — считал я. На десятой секунде прямо рядом с ухом раздался четкий звон.

Так, решил я, будем думать, чем объясняется этот феномен. Стена выходит другой своей стороной в коридор, в глубокую выемку, в которой раньше стояли два велосипеда, а когда велосипеды уехали в Химки-Ховрино, то бабушка Каплан поставила туда шкаф под красное дерево. В этом шкафу, по общему согласию, мы всей квартирой хранили барахло, которое надо бы выбросить, но пока жалко.

Ясно. Надо выйти в коридор и посмотреть, что происходит в шкафу. Я и не ожидал ничего там увидеть — стена ведь толстая, а звон раздается у самого уха. Но все-таки надел тапочки и выпянул наружу. Все спали. Коридор был темен, я зажег лампочку и при свете ее убедился, что в коридоре никого нет. Я подошел к шкафу, приоткрыл его. Мне пришлось придержать детскую ванночку, полную довоенных журналов, которая сразу решила вывалиться наружу. Другой рукой я подхватил пустую золоченую раму и навалился животом на остальные вещи. В такой позе я стоял, наверное, минуты полторы. Наконец мне показалось, что я слышу отдаленный звон. Может быть, только показалось — уж очень сильно я прислушивался. В любом случае — звуки доносились не из шкафа. Я закрыл шкаф и вернулся в комнату. И только вошел, как тут же услышал — дзинь...

Наверное, целый час я прикладывал ухо к разным точкам стены, пока не убедился совершенно точно, что звук рождается за серым пятном на обоях на уровне моей груди, в восьмидесяти сантиметрах от угла алькова. Теоретическая часть моего истолкования окончилась. Теперь пора было переходить к эксперименту.

Мне уже совершенно расхотелось спать. Я подвинул к стене стул и принялся думать, отрывать мне обои или воздержаться. И не знаю, к какому бы я пришел решению, если бы не сильный удар, почти грохот, сменивший равномерное позвякивание. И тут наступила тишина.

Нож я взял на кухне. Со стола бабушки Каплан. Нож был длинный, хорошо заточенный (моя работа) и с острым концом. То, что нужно. Еще я взял молоток. Простукать стену. Странно, что я не догадался сделать этого раньше, но меня можно понять — не каждый день в вашей стене заводятся привидения. Я стучал по стене не очень громко. Все-таки соседи спят. В стене простукивался четырехугольник, семьдесят на семьдесят, за которым явно находилась пустота. Теперь сомнений не оставалось. Я взялся за нож и вырезал кусок обоев в центре этого квадрата. Обои отделились с легким

треском, обнаружив под собой обрывки газеты и клочок голубой стены. Я вдруг вспомнил, что такой стена была во время войны, и даже вспомнил, какая у нас тогда стояла мебель, и вспомнил, что у нас было затемнение — черное бумажное полотно с мелкими дырочками — как звездное небо. И я его называл не затемнением, а просвещением, и мама всегда смеялась.

У самого уха снова что-то звякнуло. Я постучал острым концом молотка по синей краске и отвалил кусок штукатурки. Потом подумал, что надо бы подстелить газету на пол, но не стал этого делать — все равно уже насорил.

Из-за штукатурки выплянул розовый кирпич и желтоватая полоска раствора вокруг. Кирпич сидел крепко, и я провозился с ним минут десять, пока он не зашатался и не покинул привычное место.

За кирпичом была черная дыра. Я зажег спичку и осветил внутрь. Спичка осветила кирпич на противоположной стороне тайника и что-то блестящее внизу. Я осторожно запустил руку туда и с трудом дотянулся до дна ниши. Пальцы захватили металл. Кружочки металла. Я вытянул их на свет. Это были старинные серебряные монеты.

Они были теплыми.

Вот это да! Клад. В собственной комнате найти клад! Удивительно. А впрочем, разве мало кладов бывает в стенах старых домов? Правда, когда об этом читаешь в газете или в книге — одно, но когда это случается с тобой...

Я снова запустил руку внутрь и достал еще пригоршню. Что-то более крупное лежало там же, но, чтобы достать «это», надо было расширить отверстие. Я рассмотрел монеты получше, они были очень старыми и нерусскими. На них были изображены какие-то древние цари, и на физиономиях царей стояли глубокие клейма с неразборчивым рисунком. Что-то вроде всадника с копьем. Я весь перемазался и чудом не разбудил весь дом, пока вынимал еще ряд кирпичей. Теперь я мог засунуть в нишу голову.

Но делать этого я не стал. Я взял со стола лампу и поставил ее на пододвинутый стул. Второй стул поставил рядом. Теперь у меня были все возможности для изучения дыры на самом высоком научном уровне. Я отряхнул с себя известку, подложил под лампу стопку книг повыше, чтобы свет падал в нишу, и тогда заглянул внутрь.

И вот что я увидел.

Ниша с кладом представляла собой правильный кубик, вытесанный в стене. Задняя стенка ниши была гладкой и новенькой, будто кирпичи уложили в нее только вчера, и для крепости она была армирована железными полосами. Боковых стенок я сразу не разглядел, потому что глаза предали меня — вместо того чтобы систематически изучать открывшуюся передо мной картину, они уставились в дно ниши, заваленное монетами. Кроме того, на дне лежали чаша из какого-то драгметалла и, как ни странно, железная рука. Наверно, от доспехов.

Я достал руку. Рука была тяжелой, пальцы ее были чуть согнуты, чтобы лучше держать меч или копье, она доставала до середины запястья, как дамская перчатка, и еще на ней были ремешки, чтобы лучше крепить к руке. Я осторожно положил руку на стул и потянулся за чашей, и тут случилась совсем удивительная вещь.

Сверху на мою руку упала еще одна монета. Теплая серебряная монета. Как будто она отклеилась от потолка ниши. Монета скатилась по моей кисти, свалилась на кучку других монет и звякнула очень знакомо: дзинь...

Я даже замер. Обомлел. Ведь совсем забыл, что полез в стенку именно потому, что в ней что-то звякнуло. А как увидел монеты, решил, что это старый клад.

Я осветил лампой на потолок ниши. Потолок был черный, блестящий, без единого отверстия и прохладный на ощупь. Никакая монета приклеиться к нему не могла.

Я подождал, не случится ли что-нибудь еще, но, так как ничего не случилось, выгреб наружу сокровища, разложил их на стуле. И заснул, сидя на стуле, раздумывая, то ли пойти с утра в музей, то ли узнать сначала, не пустяки ли я нашел. Еще будут смеяться.

К утру, сам уже не знаю как, я перебрался на кровать и проснулся от звонка будильника. С минуту я пытался сообразить, что же такое удивительное произошло ночью, и только когда увидел в стене черную дыру, а на полу груды известки, обрывки обоев и обломанные кирпичи, понял, что все это был не сон... Я в самом деле обнаружил клад в своей стене, и притом клад очень странного свойства. Но в чем была его странность, я вспомнить не успел, потому что в дверь постучала бабушка Каплан и спросила, не брал ли я ее нож.

А потом началась обычная утренняя спешка, потому что в ванной был дедушка Каплан, и я вспомнил, что с утра совещание у главного технолога и мне обязательно надо быть там, и кончилось русское масло, и пришлось стрельнуть у Лины Григорьевны. Правда, когда я убежал, то успел задвинуть дыру книжной полкой и сунуть в карман пару монет, а в чемоданчик — железную руку.

На заседании я совсем было забыл о находке, но, как только совещание кончилось, подошел к Митину. Он собирает монеты. Я показал ему одну из моих монет и спросил его, какой это страны.

Митин отложил в сторону портфель, погладил лысину и сказал, что монета чепуха. И спросил, где я ее достал. Наверное, у бабушки и, может, отдам ему? Но надо знать Митина, Митин ведь коллекционер и, хотя всегда жалуется, что его кто-то там обманул, сам любого обманет. Уже по тому, как он эту монету держал в руках и крутил, видно было, что монета непростая.

— Это не важно, откуда я ее достал, — сказал я. — Мне она самому нужна.

— Кстати, ты просил меня достать однотомник Булгакова, — сказал Митин. — У меня, правда, второго нет, но хочешь, я тебе за нее свой экземпляр отдам? Почти новый...

— Ну и ну, — сказал я. — Его же у тебя ни за какие деньги не выманишь.

— Просто, понимаешь... — Потом он, видно, понял, что я его раскусил, и сказал: — Нет у меня этой монеты в коллекции. А нужна, хоть она и подделка.

— Почему же подделка? — спросил я.

— Ну, новодел. Видишь, какая новенькая. Как будто вчера из-под пресса.

— Ага, — сказал я. — Только вчера. Сам их делаю. А как она называется?

Митин с сожалением расстался с монетой и сказал:

— Ефимок. Русский ефимок.

— А почему на ней физиономия нерусская?

— Долго объяснять. Ну, в общем, когда у нас еще не было достаточного количества своих рублей, мы брали иностранные, европейские талеры, это еще до Петра Первого было, и ставили на них

русское клеймо. Назывались они ефимками. А теперь скажи, где достал?

— Потом, Юра, — ответил я ему. — Потом. Может, и тебе достанется. Значит, говоришь, до Петра Первого?

— Да.

Я подумал, что если буду в музей сдавать, то одну монету оставлю для Митина. В конце концов, Булгакова он мне своего хочет отдать.

В лаборатории я как бы невзначай достал железную руку. Шутки ради. И сказал ребятам, когда они сбежались:

— Давно нужна была. А то у меня слишком мягкий характер. Теперь будет у меня железная рука. Так что, сослуживцы и сослуживицы, держитесь.

Девчата засмеялись, а Тартаковский спросил:

— Ты и целого рыцаря принести можешь?

— Рыцаря? Хоть завтра.

Но на самом деле в тот день работа у меня валилась из рук. Наконец я не выдержал, подошел к Узянову и попросил его отпустить меня домой после обеда. Сказал, что потом отработаю, что очень нужно. И он, видно, понял, что в самом деле нужно, потому что сказал: иди, чего уж.

Я открыл входную дверь ключом, звонить не стал и быстро прошел к себе в комнату. Запер за собой дверь — зачем пугать бабушку Каплан, если она нечаянно зайдет ко мне? Потом отодвинул полку с книгами и заглянул в свой тайник. Тайник был на месте. Значит, не приснилось. А то, знаете, хоть и железная рука в портфеле, все равно иногда перестаешь сам себе верить — какое-то раздвоение личности наступает. В нише было темно. Свет из окна почти не падал в нее. Я включил лампу и сунул ее внутрь. И тут я удивился, как давно не удивлялся. В нише лежали разные вещи, которых утром не было. Там были (я их вынимал и потому помню по порядку): кинжал в ножнах, два свитка с красными висячими печатями, кандалы, шлем, чернильница (а может, солонка), украшения всякие и два сафьяновых сапога. Теперь это уже не было похоже на клад. Это было сплошное безобразие. Чья-то напялая шутка.

Постойте, а почему шутка? Кто так будет шутить? Бабушка Каплан? Но ведь ночью она спит, и к тому же у нее с возрастом

атрофировалось чувство юмора. Еще кто из соседей? А может, я сошел с ума? Тогда и Митин сошел с ума, а он человек трезвый.

Я взял в руки сапог. Он еще пах свежей кожей и податливо гнулся в руках. Я примерил шлем. Шлем с трудом налез мне на голову. Он был тяжелый и настоящий, не жестяная подделка для «Мосфильма». Так я и сидел в шлеме, с сапогом в руках. И ждал у моря погоды. Я перебирал в памяти все события ночи. Звон и удары в стене, теплые монеты, железная рука. Потом вспомнил, как монета свалилась с потолка ниши мне на руку. Я размышлял и ничего не мог придумать.

Потом в полной растерянности я сунул внутрь руку и ощупал потолок ниши. Он был скользким, как зеркало, отражающее сплошную ночь.

Я вынул еще несколько кирпичей, чтобы удобнее было работать, и через час ниша полностью лишилась передней стенки. Я мог разглядеть нишу во всех подробностях. Железные полосы на задней стенке оказались не железными, а из того же черного зеркального сплава, что и потолок, а одна из боковых стенок была поделена белыми полосками на квадраты. По низу ее шли какие-то линии, и между ними были тонкие щели. Этими щелями я и решил вплотную заняться. Я сунул голову в нишу, чтобы удобнее было работать, и в тот же момент меня ударили по голове, да так сильно, что я чуть не получил сотрясение мозга. Я рванул голову наружу. Больно стукнув меня по кончику носа, на пол ниши упал старинный пистолет с чуть загнутой ручкой. Я посмотрел вверх. Потолок был все так же гладок и черен. Чертовщина. Нужно было тебе жить двадцать шесть лет при советской власти, чтобы на собственном опыте убедиться, что потусторонние силы все-таки есть?

«Ну а если их все-таки нет? — вдруг подумал я, крутя в руке пистолет. — Если вся эта чертовщина имеет какое-то объяснение? Тогда какое?»

На что это все похоже? — думал я, глядя в черную пасть ниши. — Что это напоминает из знакомых мне вещей?» Понимаете, я решил искать ответ этой задачи по аналогии.

Я думал минут двадцать. И вдруг мне пришла в голову аналогия. Эта штука напоминает мне почтовый ящик. Да, самый обыкновенный почтовый ящик. В него через щель кидают письма и бандероли. Так. Пойдем дальше. Если это был бы особенный почтовый ящик, то,

значит, в нем должно быть отверстие для получателя. Тут и таилась загвоздка. Получателя не было. Ведь, пока я не сломал стенку, ящик не имел выхода. Все, что в него попадало, оставалось в нем лежать.

Посмотрим на эту проблему с другой стороны. Кто и что в этот почтовый ящик опускает? Кто — пока неизвестно. Но что — я уже знаю. Всякие русские вещи допетровской эпохи. Откуда их берут? Из музея? Воруют? Малоправдоподобно.

И третье. До вчерашней ночи в почтовый ящик никто ничего не клал. Сегодня положил. Если бы это случилось раньше — за последние двадцать лет, — то я бы услышал какой-нибудь звон. Или мама слышала бы. У нее хороший слух. Значит, ящик начал действовать только вчера. А может быть...

И тут мне пришла в голову совершенно сумасшедшая идея, которую можно объяснить только тем, что я попал в совершенно сумасшедшую ситуацию.

Значит, у меня есть почтовый ящик, из которого нет выхода, в него кладут вещи очень давно прошедших лет. И до сегодняшнего дня не клали.

А что, если сегодня отверстия этого нет, а тогда оно было? Понимаете меня? Тогда, когда клали эти вещи. Триста лет назад. Когда этот дом был новеньким. И что, если это отверстие есть, тогда когда эти вещи положено вынимать? В будущем. Через сто лет. Или через двести лет. Когда будут жить те люди, которые смогут ездить на несколько сот лет в прошлое.

Если эта сумасшедшая идея имеет смысл, то становится понятно, почему вещи стали появляться только вчера. Не потому, что ящик заработал вчера, а потому, что вчера он сломался. Ну да, сломался. На линии «прошлое — будущее» полетел какой-то транзистор. И получилась дыра. А может, пробило изоляцию — мало ли что может случиться. И вот ко мне в комнату, в мое время, начали падать вещи, раздобытые археологами будущего в далеком прошлом.

Идея мне понравилась. Но какова моя роль во всей этой истории? Вызвать электрика, чтобы посмотреть нишу? А потом меня отправят в сумасшедший дом? Воспользоваться плодами поломки и собирать жатву с чужой работы? Выменять у Митина всю его библиотеку? Тоже какая-то чепуха получается.

Я поставил горящую лампу в нишу и протер носовым платком боковую стенку. Потом ощупал ее пальцами и вставил в узкую щель внизу кончик ножа бабушки Каплан, который я снова унес из кухни. Я действовал осторожно, потому что боялся сломать машину насовсем. И бывает же такое везение — вдруг эта стена поддалась и открылась. За ней оказался пульт, и все стало совершенно ясно. Я был прав.

Центр пульта занимала временная шкала. Вдоль нее шли светящиеся точки. Одна из них, возле года 1667-го, горела ярче других, и именно возле нее стояла стрелка. Кончалась шкала 2056 годом.

Внизу шло густое переплетение проводов и проводников и ряд кнопок неизвестного мне пока назначения. Вдруг точка у года 1667-го загорелась ярче, и в тот же момент я почувствовал над головой гудение. На этот раз я понял, что все это может значить, и отдернул голову. Небольшая книга в кожаном переплете с застежками глухо стукнулась о пол ниши. Я успел заметить, что в тот момент, когда она упала, в потолке появилось отверстие точно в размер книги. Все ясно. Я угадал. Красным светом вспыхнула на мгновение точка 1967 года. Конечная станция не загорелась. Ну что ж, очевидно, пока не заметили поломки и продолжают работать впустую. Как же дать им понять? Может, они так и не видят помаргивания в 67-м? А пока я взял отвертку и стал проверять контакты. Это заняло у меня еще часа два. Я действовал почти наугад. В схеме я так толком и не разобрался, хоть с детства числюсь в радиолюбителях. Я копался и размышлял о том, что интересно бы побывать в будущем и узнать, как там живут люди, и удастся ли мне сделать что-нибудь толковое в жизни, и отчего я умру. И еще я думал, что неплохо бы побывать и в прошлом. И зайти, например, к писателю Александру Черняеву и узнать, как же он собирался закончить свой роман.

И тут я обнаружил поломку. Вы имеете полное право мне не верить. Куда уж мне. Но я замотал разрыв фольгой — паяльника у меня не было — и решил посмотреть, что будет дальше. Я был страшно горд, что нашел все-таки этот чертов контакт. И тут загорелась снова лампочка 1667 года, и снова раздалось над головой слабое гудение. Но я ничего не увидел, и ничего не упало сверху, только загорелась вторая лампочка, уже не в моем году, а прямо в

2056-м. Все правильно. Они получили свою посылку. Я могу спать спокойно.

Я откинулся на стуле и понял, что жутко устал и что уже темно. И что я сам не очень верю в то, что произошло. И не знаю, как отправить по назначению скопившееся у меня барахло.

В дверь постучали.

— Кто там? — спросил я.

— К тебе, — сказала бабушка Каплан. — Ты что, звонка не слышишь? Я должна за тебя открывать? Ты снова мой нож взял?

Я подошел к двери и сказал:

— Нож я отдам позже. Не сердитесь.

Она добрая старуха. Только любит поворчать. Это возрастное.

За дверью стоял человек лет сорока в синем комбинезоне, с чемоданчиком в руках.

— Вы ко мне? — спросил я.

— Да. Я к вам. Разрешите войти?

— Входите, — сказал я и тут вспомнил, что войти ко мне нельзя. — Одну минуту, — сказал я, захлопнул дверь перед его носом и срочно задвинул на место полку с книгами. — Извините, — сказал я, впуская его, — у меня ремонт и немного беспорядок.

— Ничего, — ответил он, закрывая за собой дверь.

И тут он увидел кирпичи на полу. Посмотрел на них, потом на меня. И сказал:

— Я представитель исторического музея. Мы получили сведения, что вами найден клад большой ценности, и мы хотели бы ознакомиться с ним.

Что-то в речи этого человека, в манере держать чемодан и в чем-то еще, неуловимом для других, но понятном мне, проникшему в тайны времени, подсказало единственное правильное решение: не из музея он.

— Я все уже починил, — сказал я.

— Что вы починили?

— Ваш почтовый ящик.

Я отодвинул полку и подвел его к нише. Я показал ему контакт и сказал:

— Вот только паяльника у меня не было, пришлось фольгой замотать.

Тут загорелась лампочка в 1667 году, и он понял, что я все знаю.

Почтальон-механик из 2056 года запаял контакт, переправил в будущее вещи, и потом мы с ним заделали дыру в стене так, что даже мне не догадаться, где она была. И он очень благодарил меня и немного удивлялся моей сообразительности, но когда я его спросил, что будет через сто лет, он отвечать отказался и сказал, что я сам должен понимать — сведения такого рода он разглашать не может.

Потом он спросил, чего бы я хотел. Я сказал, что спасибо, ничего.

— Так, значит, никаких просьб? — спросил он, берясь за ручку чемоданчика.

И тут я понял, что у меня есть одна просьба.

— Скажите, ваши люди бывают в разных годах?

— Да.

— И двадцать лет назад?

— И тогда. Только, разумеется, со всеми предосторожностями.

— А во время войны и блокады кто-нибудь был в Ленинграде?

— Конечно.

— Вот что, выполните такую просьбу. Мне надо передать туда посылку.

— Но это невозможно.

— Вы сказали, что выполните мою просьбу.

— Что за посылка?

— Одну минутку, — сказал я и бросился в кухню. Там я взял две банки сгущенного молока, и полкило каплановского масла из холодильника, и еще пакет сахара — килограмма в два весом. Я сунул все это в большой пластиковый мешок Лины Григорьевны и вернулся в комнату. Мой гость из будущего подметал пол.

— Вот, — сказал я. — Это вы должны будете зимой сорок второго года, в январе месяце передать писателю Черняеву, Александру Черняеву. Ваши его знают. И адрес его сможете найти. Он умер от голода в конце января. А ему надо продержаться еще недели две. Через две недели к нему придут с радио. И не смейте отказываться. Черняев писал роман до последнего дня...

— Да поймите же, — сказал гость, — это невозможно. Если Черняев останется жив, это может изменить ход истории.

— Не изменит! — сказал я убежденно. — Если бы вы так боялись прошлого, то не брали бы вещей из семнадцатого века.

Гость улыбнулся.

— Я не решаю таких вопросов, — сказал он. — Давайте, я возьму вашу посылку. Только сорвите наклейки с банок. Таких не было в Ленинграде. Я поговорю в нашем времени. Еще раз очень вам благодарен. Спасибо. Может быть, увидимся.

И он ушел, как будто его не было. У меня даже появился соблазн снова сорвать обои и заглянуть в нишу. Но я знал, что этого никогда не сделаю. И он тоже понимал это, а то бы не рассказывал мне так много.

На следующий день я обнаружил у себя в кармане две забытые монеты. Я подарил одну Митину, а другую оставил себе на память, Митин принес мне, как и обещал, однотомник Булгакова, а потом сказал:

— Знаешь, я нашел дома том «Литературного наследника». Там есть воспоминания о Черняеве. Тебе интересно?

Я сказал, что, конечно, интересно. Я уже понимал, что они меня не послушались и не передали старику моей посылки.

Да и, конечно, чепуху же я порол. Ведь большим тиражом отпечатана биография писателя, и там черным по белому сказано, что он умер именно в сорок втором году. Я даже посмеялся над собой. Тоже мне теоретик!

Вечером я прочитал статью о Черняеве. Она рассказала о том, как он жил в Ленинграде в блокаду, как работал и даже ездил в самую стужу, под обстрелом, на фронт выступать перед бойцами. И вдруг в конце статьи я читаю следующее, хотите верьте, хотите нет:

«Зимой, кажется, в январе, я зашел к Черняеву. Александр Григорьевич был очень слаб и с трудом ходил. Мы с ним говорили о положении на фронте, об общих знакомых (некоторых из них уже не было в живых), он рассказывал мне о планах на будущее, о том, что пишет новый роман и, если бы не слабость, закончил бы его к весне. Я не спрашивал, почему мой друг отказался эвакуироваться, несмотря на почтенный возраст и слабое здоровье. Александр Григорьевич только пожал бы плечами и перевел бы разговор на другую тему. Было холодно. Мы подкладывали в «буржуйку» обломки стула. Вдруг Черняев сказал:

— Со мной случилась странная история. На днях получил посылку.

— Какую? — спрашиваю. — Ведь блокада.

— Неизвестно от кого. Там было сгущенное молоко, сахар.

— Это вам очень нужно, — говорю.

А он отвечает:

— А детям не нужно? Я-то старик, а ты бы посмотрел на малышей в соседней квартире. Им еще жить и жить.

— И вы им отдали посылку?

— А как бы вы на моем месте поступили, молодой человек? — спросил Черняев, и мне стало стыдно, что я мог задать такой вопрос.

Это, как ни печально сегодня сознавать, была моя последняя встреча с писателем».

Я раз пять перечитал эти строки. Я сам должен был догадаться, что, если старик получит такую посылку, он не будет сосать сгущенное молоко в уголке. Не такой старик...

Но что странно: этот том литературного наследства вышел в шестьдесят первом году — семь лет назад.

Когда вымерли динозавры?

В этом доме был современный лифт с голубыми самозакрывающимися дверями. Между створками была щель, настолько широкая, что можно было увидеть ярко освещенную белую стену кабины и современный плафон под потолком. Но влезть в щель было нельзя. Не только Полянову, но и мне, хоть я в два раза тоньше.

— Какой этаж? — спросил Полянов.

— Десятый, Николай Николаевич, — сказал я.

— А другой лифт есть?

— Нет другого. Может, я поднимусь, а вы постепенно ко мне присоединитесь?

— Как так постепенно? — спросил Ник-Ник. — Тебе одному нельзя. Он с тобой и разговаривать не будет.

Ник-Ник тяжело вздохнул и почему-то расстегнул пиджак.

Я бы отлично управился без него, но когда из лаборатории принесли гляцевые, тринадцать на восемнадцать, отпечатки, то принесли их не мне, а прямо к нему в кабинет, он меня тут же вызвал, и я впервые увидел их живописно разбросанными по столу Ник-Ника.

— Ты заказывал пленку печатать? — спросил он, изображая строгость.

— Заказывал.

— А что там, знаешь?

— Нет. Мне Грисман пленки прислал, я думал, может, что срочное, вот и отдал в лабораторию. Ведь по нашему отделу.

— Значит, не видел, говоришь?

— Не видел.

Я старался краем глаза разглядеть, чего там Грисман наснимал такого, что лаборант притащил прямо к Ник-Нику в кабинет. Может, запечатлел местных девчат на память, и сейчас произойдет неприятный для меня разговор?

— Где письмо? — спросил Ник-Ник.

— Какое письмо?

— С пленками письмо от Грисмана было?

— Не было никакого письма, Николай Николаевич, — ответил я.

— Что же это такое? Присылает фотокорреспондент пленки — и к ним ни письма, ничего? Может, он и не хотел, чтобы их проявляли? Может, он хотел, чтобы их прямо в таком виде в музей отдали? Он где?

— Вы же знаете, на Саянах, в Парыкских болотах, там скелеты ящеров нашли. Сами же ему командировку подписывали.

— Что он должен быть в Парыке, это я знаю, а вот где он в самом деле, не знаю.

Полянов сгрел фотографии в кучу.

Я воспользовался передышкой, чтобы убийственно посмотреть на лаборанта Леву. Чего-чего, а такого предательства я от него не ожидал.

У Левы были обалдевшие глаза, и он, по-моему, даже не понял, что я смотрю на него убийственно. Из-под широких ладоней редактора выплывали уголки фотографий, и по уголкам ни о чем догадаться было нельзя.

— Пленки где? — спросил Полянов у Левы.

— В лаборатории остались.

— Быстро принеси, одна нога здесь, другая там. Как ты мог их оставить?

Дело серьезное, понял я.

Полянов постучал ладонью по отпечаткам, потом поправил массивные очки.

— Так, — сказал он ехидно, — когда вымерли динозавры?

— Что?

— Когда, спрашиваю, динозавры вымерли? Давно? Отвечай, ты же отдел науки.

— В меловом периоде, — сказал я.

— Вот-вот, и я так думаю, — сказал Ник-Ник. — А вот твой Грисман так не думает. Что же теперь делать?

— Знаете что, объясните мне, пожалуйста, — сказал я. — Ведь поймите мое положение...

— А я разве не рассказал? Я-то думал, что вы это на пару с Грисманом придумали, меня, старика, разыграть хотели.

Полянов провел ладонью по столу, и фотографии, прижатые к его поверхности, подъехали ко мне.

— Ты садись, — сказал мне редактор, — в ногах правды нет.

Я правильно сделал, что послушался Ник-Ника и сел раньше, чем взглянул на фотографии. Потому что фотографии были хорошие, качественные, некоторые на контражуре, с достаточной глубиной. Хоть тут же, без ретуши, ставь в номер. Но в номер их поставить было нельзя. Ни один уважающий себя редактор не сделал бы этого. На фотографиях были изображены динозавры. Динозавры в болоте, динозавры на фоне далеких гор, динозавры, лежащие на берегу. Самые обычные динозавры из учебника палеонтологии или из популярного труда «Прошлое Земли».

Я перебирал отпечатки, раскидывал их веером, как колоду карт, даже переворачивал на другую сторону в тщетной надежде увидеть объяснительные подписи на обороте.

— Трюк? — донесся до меня издали голос Полянова. В голосе звучало искреннее сочувствие. Видно, мое изумление было достаточно очевидным.

— Что трюк? — спросил я. — Это? Это не трюк. Ведь, чтобы снять динозавра, надо иметь динозавра. Хотя бы искусственного, чучело, муляж. А откуда у него в лесу, в болоте чучело динозавра?

— Вот и я думаю, — сказал Полянов.

В дверь ворвался Лева, неся, как ядовитую змею за хвост, развевающуюся пленку.

— Она, — сказал он, — цела и невредима, а то вы сказали, и я заволновался.

За Левой в кабинет вошли Куликов и Галя, наша секретарша. Они встали за моей спиной, и ясно было, что не уйдут, пока тайна не разрешится.

— Ты на меня не того, — шепнул мне Лева, — я не мог, такое дело.

— Ладно, потом поговорим, — сказал я, не в силах оторвать глаз от блестящих глянцевого шей динозавров.

— Ты что ж думаешь, — продолжал между тем Полянов, не глядя на нас. — Ты думаешь, я сейчас вот так и скажу: в номер. Нет, я этого не скажу.

Полянов аккуратно смотал пленку и, оторвав листок перекидного календаря, завернул ее в бумагу. Потом положил во внутренний карман пиджака.

— Николай Николаич, — сказал я. — Голову даю на отсечение, это настоящие снимки. Посмотрите на задний план, и дымка и все тут...

— Что советуешь? — спросил Полянов. И сам ответил: — Нужен специалист.

В кабинет между тем вошли еще человек пять из редакции. Сенсации быстро распространяются в журналистском мире.

— Мошкину позвонить надо, — сказал Сергеев из отдела литературы.

— Только не Мошкину, — ответил я. — Мошкин у Еремина в экспедиции ведал кадрами и хозяйством, а потом брошюру написал. А сам ничего не знает. Лучше самому Еремину. Хотя его сейчас нет в городе. У меня есть домашний телефон Ганковского. Если он здоров, это самый подходящий человек.

— Звони, — сказал Ник-Ник, пододвигая ко мне телефон.

Фотографии Грисмана летали по комнате из рук в руки, и кабинет был наполнен шепотом и шуршанием.

Доцент Ганковский согласился принять нас. Он любезно сообщил свой адрес и предупредил, что лифт может быть испорчен. И вот мы стоим в подъезде дома, где живут ученые из университета, и Полянов расстегнул пиджак, чтобы легче было дышать, когда будет подниматься на десятый этаж.

Мы поднимались быстро.

К десятому этажу сердце мое уже так затолкало легкие, что нечем было дышать. А Полянов шагал и шагал, будто забыл, что в нем сто три килограмма и у него гипертония.

Доцент сам открыл дверь. Видно, ему не было чуждо любопытство.

— Ну что ж... — сказал он, посадив нас в настоящие академические черные кожаные кресла.

Доцент был сух, опален ветрами пустынь и гор. Стены кабинета были заставлены стеллажами, а в промежутках между ними висели таблицы, изображающие белемниты в натуральную величину. На столе под коренным зубом мамонта лежали стопкой исписанные быстрым почерком листы.

— Мы бы вас не беспокоили, товарищ Ганковский, — сказал Ник-Ник. — Мы понимаем вашу загруженность, мы и сами загружены.

Ответьте нам, когда вымерли динозавры?

— В конце мелового периода, другими словами, очень давно, — сказал доцент, и я подумал, что ему раз сто в жизни приходилось отвечать на этот вопрос.

— А сейчас динозавры есть? — спросил Ник-Ник.

Доцент посмотрел на Полянова укоризненно. Он ведь не знал, что у меня в конверте.

— К сожалению, это исключено, — сказал доцент. — Хотя наука от этого много потеряла.

— Еще не все потеряно, — сказал Полянов. — А вот еще один вопрос: почему вы, товарищ Ганковский, так уверены, что динозавры вымерли?

Доцент был человеком терпеливым. Хоть он и усомнился, что Ник-Ник можно доверить журнал, он виду почти не подал.

— Разрешите, я тогда не ограничусь простым ответом «да» или «нет». Во избежание дальнейших вопросов я в двух словах поведаю вам, кто такие динозавры и почему я так уверен, что они вымерли. Вы курите? А вы, молодой человек? Тогда курите, не стесняйтесь. Да, значит, динозавры. Английский ученый Ричард Оуэн в прошлом веке восстановил облик одного из этих ископаемых чудовищ и дал ему название динозавр, что значит — чудовищный ящер. Динозавры были очень многообразны. Среди них встречались и хищники, вооруженные громадными зубами, были и живые танки, закованные в тяжелый панцирь. Были среди динозавров и крупнейшие обитатели земной суши. Бронтозавры, диплодоки превышали в длину двадцать метров. Весь меловой период был эрой господства динозавров. До сих пор мы не можем с уверенностью сказать, сколько видов динозавров существовало тогда на земле. Почти каждый год ученые открывают новых и новых ящеров — плавающих, летающих, прыгающих... Я, надеюсь, рассказываю достаточно популярно?

В любом другом случае, я уверен, Полянов бы смертельно обиделся, услышав такой вопрос, но сейчас он в отличие от доцента видел юмор во всей этой ситуации. Ведь он мог просто показать фотографии, и дело с концом. Но он с наслаждением оттягивал этот торжественный момент.

— Продолжайте, мы с интересом внимаем, — сказал он.

— Итак, меловой период — эра господства динозавров. Меловой период делится на две части: нижний мел и верхний мел. Так вот, верхний мел — важный момент в истории Земли. Именно тогда, шестьдесят миллионов лет назад, динозавры неожиданно вымирают.

— Как так неожиданно? — заинтересовался вдруг Ник-Ник.

— Я не преувеличиваю. С точки зрения истории Земли промежутки времени, в который полностью исчезли динозавры, очень невелики. Так что мы можем считать их гибель неожиданной. Все многообразие видов и форм этих хозяев нашей планеты исчезло, уступив место млекопитающим — мелким, слабым существам, которые в те времена и не могли мечтать о конкуренции с динозаврами.

— И в чем причина? — спросил Полянов.

— Ага, — торжествующе произнес доцент, — думаете, что вы единственный, кому это показалось странным? Нет. Это загадка, над которой уже десятки лет бьются ученые всего мира. Почему вымерли динозавры? Есть теория — я, правда, не сторонник ее, — что динозавры погибли в результате космической катастрофы, происшедшей в конце мелового периода. Например, Солнце проходит сквозь облако космической пыли. Уровень радиации на Земле резко повышается, и не приспособленные к таким резким изменениям условий существования динозавры погибают.

— А млекопитающие?

— Они теплокровны и поэтому более независимы от окружающей природы.

— А змеи, лягушки? Насекомые?

Мне казалось, что Ник-Ник задает чересчур уж много вопросов, но прерывать разговор не стал.

— Космическая теория многого не объясняет. Есть другая теория. Она связана с изменением климата на Земле к концу мелового периода, с тем, что уменьшилось количество влаги, стали пересыхать болота и реки, поредели леса. Но ведь не все динозавры жили в болотах. Были среди них и летающие, и такие, что могли отлично существовать в сухой местности. Миллионы лет до этого динозавры отлично приспосабливались к изменениям климата — иначе бы им не завоевать всю Землю. А тут вдруг им надоедает приспосабливаться, и они поднимают вверх свои лапки и говорят: «Хватит, мы уж лучше

вымер, чем терпеть и изменяться». Кстати, недавно установлено, что на этом климатическом рубеже появляются новые формы динозавров, отлично приспособленные для сухого климата. Поэтому и для такой теории, на мой взгляд, нет оснований.

— Так и не разгадано?

— Погодите, я еще не окончил. — Доцент вошел в роль лектора и забыл, что перед ним журналисты, а не его студенты. — Вы, наверно, слышали, что время от времени находят кладбища динозавров, чаще всего в тех местах, где раньше были озера, куда реки сносили трупы умерших или погибших ящеров. Находят также, что, казалось бы, более удивительно, громадные кладбища яиц, сотен тысяч. Что вы на это скажете?

— М-да, — сказал Полянов.

— Сотен тысяч, — повторил Ганковский и постучал указательным пальцем по коренному зубу мамонта. — И все яйца отложены приблизительно в одно время. Это говорит о том, что в какой-то исторический момент из яиц динозавров перестали выводиться динозаврята. Почему?

— Может, радиация, как вы говорили? — вмешался я.

— Допускаю, — сказал Ганковский, — хотя не верю. Наши же французские коллеги полагают, что причина тому семь резких, хотя и кратковременных, похолоданий. Похолодания не смогли повлиять на взрослых особей, но уничтожили более нежных зародышей. Если это так, то представляете себе трагическую картину? Еще живы последние старики динозавры, они еще плещутся в пересыхающих болотах, но на смену им уже не придут представители их рода. И теплокровные зверьки, такие мелкие, что динозавры и не подозревают об их существовании, переймут у них эстафету жизни на Земле.

— Картина, — сказал вполне искренне Полянов.

— Кстати, вы не слышали, что у нас на Саянах найдено громадное кладбище динозавров? В этом году там будет работать разведочная группа.

— В Парьке? — спросил Полянов.

— Там, там.

— Наш корреспондент прислал оттуда фотографии, — сказал Ник-Ник. — Мы потому к вам и пришли.

— Ах да, — сказал доцент. — Я совсем и забыл. Ну и что он сфотографировал?

— Василий Семеныч, покажи товарищу Ганковскому, — сказал Полянов торжественно.

Я протянул доценту конверт.

Доцент вытащил пачку блестящих отпечатков из конверта, надел пенсне и принялся разглядывать верхний снимок. Не говоря ни слова, отложил его, поглядел следующий. Мы с Ник-Ником замерли, не смея дышать.

— Диплодокус, — сказал наконец тихо, задумчиво и как-то робко доцент, и пальцы его нежно коснулись поверхности снимка. — Длина до двадцати пяти — двадцати семи метров. Верхний мел.

Отложив последнюю фотографию, Ганковский взглянул на нас сквозь пенсне и спросил:

— Необходимо мое просвещенное мнение?

— Да-да, — сказал Полянов, — вы понимаете...

— Очень хорошо, я бы сказал, крайне хорошо и убедительно выполнено. Это метод блуждающей маски?

— Это настоящие фотографии, — сказал я. — Сняты на Саянах нашим фотокорреспондентом Грисманом.

— Так наша группа еще не приехала туда.

— Он там один. И снял.

— Как так снял? — Доцент начал что-то понимать. — Подделка? — спросил он.

— Не думаю, — вздохнул Полянов.

— У Грисмана начисто отсутствует чувство юмора, — сказал я. — От него даже жена ушла.

Мой аргумент произвел на доцента впечатление.

— Жена, говорите... — сказал он. — А фотографии очень убедительны. Я на своем веку видел миллионы отпечатков, и весь мой опыт говорит, что это не подделка, не мистификация.

Доцент отложил фотографии и встал.

— У меня и пленка с собой, — сказал Полянов и тоже грузно поднялся из кресла.

— Какие приняты меры? — спросил Ганковский.

— Мы приехали к вам, — сказал Полянов.

— И все?

— Как только вы выскажетесь, мы примем меры, — сказал Ник-Ник.

— Можете воспользоваться моим телефоном, — сказал доцент. ...И Полянов воспользовался. Он не слезал с телефона в течение часа. Он связался с Парыком, он добился того, чтобы Грисмана, мирно отдыхающего в гостинице, вытащили из постели и привели к телефону, он истратил кучу денег на этот телефонный звонок. И своего добился.

Доцент нервно ходил по кабинету и время от времени снова принимался рассматривать фотографии.

— Невероятно, — бормотал он, доставая с полок толстые фолианты с изображениями чудовищных скелетов и сверяя относительные размеры шей и ног чудовищ.

— Есть Грисман, — сказал тут Полянов. — Это ты, Миша? — кричал он в трубку. — Полянов говорит. Ты мне скажи — снимки твои не липа? Нет, говоришь? Сам видел? Сам? Повтори! Так. Ты знаешь, что ты диплодокуса нашел? Живого. Далеко они отсюда? То-то я и говорю: диплодокуса, ди-пло-дока. Раньше не слыхал? Учиться надо! Так ты повтори: видел своими глазами?

Полянов подмигнул нам и сказал:

— Видел. Не врет.

Он повернулся к трубке и продолжал:

— Что? Нет, это не тебе, я тут товарищам из университета говорил. Так вот, далеко они от города живут? Ага. Километров сто, говоришь? А дорога туда есть? Сколько без дороги? Пятьдесят? Теперь слушай. Сейчас этим делом займутся ученые. Так что тебе там на месте помогут. С транспортом, с загонщиками... Понял?

— Пусть ничего не предпринимает. Завтра туда вылетим и я, и мои коллеги, — вмешался Ганковский. На него смотреть было страшно.

— Все ясно. Так ничего особенно не предпринимай. Без авантюры. Увидишь — наблюдай. Сам, говоришь? Ни в коем случае. А так как знаешь. Чтоб камеры из рук не выпускать. Каждый кадр на вес золота. Все. Жди дальнейших указаний.

Полянов передал трубку взволнованному доценту, а сам, переводя дух, уселся рядом со мной и прошептал:

— Ты видел, как я ему не то чтобы запретил организовать охоту, а только для порядка. Если наш человек первого диплодокуса поймает... Если Грисман сам обеспечит — готова сенсация в лучшем смысле этого слова. А с доцентом туда ты сам полетишь.

— Они отправят Грисмана к болотам сегодня же. У них вертолет есть, — сказал доцент, повесив трубку. — Невероятно. Ведь всего сто километров от районного центра, и охотники там бывали. Геологи. И хоть бы кто сообщил.

— Так как же: все динозавры вымерли, а эти диплодокусы остались? — спросил не без коварства Полянов.

— Не знаю, не беру на себя смелости ответить, — сказал доцент, снова снимая телефонную трубку. Он принялся звонить на кафедру.

— Может, они закапываются на зиму? Ведь морозы там.

— Чепуха, — ответил доцент.

На следующий день мы не улетели на Саяны. Была нелетная погода. Как нарочно. До этого две недели была летная. А когда срочно лететь, так нелетная. Мы полдня провели на аэродроме, надеясь на метеорологов, но те ничего сделать с погодой не смогли.

Время от времени репродуктор в зале ожидания неожиданно прокашливался и звал пассажиров лететь в Тюмень, Красноярск или Читу. В Парык он никого не звал. Журналисты и кандидаты наук быстро привыкли друг к другу и к залу ожидания, отгородили креслами самый уютный угол и время от времени уходили небольшими группами в буфет.

Нет ничего удивительного в том, что восемьдесят процентов разговоров в нашем углу касались динозавров и подобных им таинственных причуд природы.

— Я недавно читал, товарищи, — сказал кто-то, — что в Африку отправилась экспедиция за чудовищем, которое обитает неподалеку от озера Виктория. Местные жители его боятся.

— Не исключено, — поддержал рассказчика один из кандидатов наук. — В конце концов мы не все знаем о нашей старушке Земле. Существует масса неисследованных областей, куда и не ступала нога человека. Почему бы не подтвердить хотя бы части сведений о морских змеях, озерных змеях и так далее.

— Но, говорят, лабынкырское чудо оказалось мифом?

— Ну, на Лабынкыре чудовищу прокормиться нечем. И на Лох-Нессе тоже. Хотя океаны могут скрывать в себе...

— Но ведь Парык-то не океан, — прозвучал чей-то трезвый голос.

Я оставил спорящих и отошел к телефону, чтобы позвонить Ник-Нику. Новостей от Грисмана не было.

Вернулся в редакцию я под вечер, когда стало ясно, что улететь раньше завтрашнего утра не придется. Полянов стоял с телефонной трубкой в руке и молчал. Зато все вокруг говорили не переставая. У Полянова одно ухо было малиновым от неоднократно прижимаемой к нему телефонной трубки, он осунулся, но вид у него был победоносный. Я понял, что случилось нечто важное.

— Сейчас говорил с Грисманом, — сказал он.

— Он вернулся?

— Почти. Они поймали ящера.

— Живьем?

— Живьем. Сейчас заказываю спецплатформу.

— А кормить его чем?

— Ученые сообразят. Так что отлет отменяется. Потом полетишь. Сам понимаешь.

И Полянов набрал номер телефона Ганковского, чтобы сообщить ему о первом подвиге Грисмана.

Все мы очень беспокоились, как диплодок перенесет столь длительное путешествие, как его доставят к железной дороге, как... как... как... Наш карикатурист уже подготовил к номеру карикатуру — поезд из одних платформ, а с последней свешивается на рельсы хвост чудовищного динозавра.

А утром, когда я, невыспавшийся и загнанный непрерывными звонками, совещаниями и поездками, вошел в редакцию, меня поразила тишина и пустота в коридоре.

Я посмотрел на часы. Девять. Вроде все должны быть на местах, вернее, должны метаться по коридорам и обсуждать нашу сенсацию. Но никто не метался. Я заглянул в кабинет к Ник-Нику. Кабинет был пуст. Брошенная второпях телефонная трубка тихо раскачивалась у самого пола. Я положил ее на рычаг. Телефон немедленно зазвенел.

— Какие новости от Грисмана? — спросил незнакомый голос.

— Не знаю, — сказал я. — Позвоните через полчаса.

Тяжелое предчувствие тревожило меня. Я вышел в коридор и прислушался. Со стороны зала, где обычно проводятся собрания, вечера и шахматные турниры, раздался взрыв голосов. Снова все смолкло.

Я побежал туда.

Там были все члены редакции и половина сотрудников университета. Я заглянул через головы стоявших в дверях.

На сцене стоял Полянов. Рядом с ним Грисман, обросший свежей, недельной давности бородкой. Между ними стул. На стуле находилось нечто вроде громадной, метра в полтора, стеклянной банки, видимо, взятой в какой-то химической лаборатории. В банке сидел, свернувшись кольцом, динозавр. Самый настоящий динозавр, сантиметров тридцать в длину. — ...И, несмотря на некоторое разочарование, которое испытали вы, товарищи, — заканчивал свою речь Полянов, — наука сегодня может сказать, что она сделала шаг вперед. Динозавры не окончательно вымерли. В болоте Парык сохранился и приспособился один из видов ископаемых чудовищ. Правда, он, сами, товарищи, можете убедиться при внимательном рассмотрении представленного объекта, сильно измельчал за последующие геологические эпохи.

Полянов не казался разочарованным. Если появление Грисмана с банкой и опечалило его, он уже успел взять себя в руки и извлекал максимум из того, что произошло. Лучше маленький динозавр, чем никакого динозавра.

Доцент Ганковский тянул шею, не мог дождаться счастливой минуты, когда сможет вцепиться в живое ископаемое.

Только мне почему-то стало грустно. Я поверил Грисману, я ждал появления платформы, с которой свисает хвост чудовища.

— А я-то сначала подумал, что такая ящерица уже науке известна, — сказал тут Грисман. Он переминался с ноги на ногу и почесывал молодую бородку. Фотокорреспонденту явно было не по себе под вспышками коллег-фотографов, под взглядами ученых и журналистов. Он говорил виновато, как человек, случайно дернувший тормозной кран и остановивший поезд. Грисман судорожно вздохнул и закончил: — На всякий случай пленку послал. А тут мне Николай Николаич звонит и говорит: проследи и, если что, поймай. Ну и поймал, тем более мне помогли транспортом и посудой.

Выбор

Было душно, хотелось устроить сквозняк, но все время кто-нибудь закрывал дверь. Я устал настолько, что минут пять, прежде чем поднять трубку, старался придумать правдоподобный предлог, который помешает мне увидеть Катрин. А потом, когда набирал номер, я вообразил, что Катрин сейчас скажет, что не сможет со мной встретиться, потому что у нее собрание. Катрин сама сняла трубку и сказала, что я мог бы позвонить и пораньше. Возле стола с телефоном остановился Крогиус, положил на стол сумку с консервами и сахарным песком — он собирался на дачу. Он стоял и ждал, пока я не закончу разговор, жалобно глядя на меня. Катрин говорила тихо.

— Что? — спросил я. — Говори громче.

— Через сорок минут, — сказала Катрин. — Где всегда.

— Все, — кивнул я Крогиусу, положив трубку. — Звони.

— Спасибо, — обрадовался Крогиус. — А то жена с работы уйдет.

У входа в лабораторию меня поджидала девочка из библиотеки. Она сказала, что у меня за два года не уплачены взносы в Красный Крест и еще что мне закрыт абонемент, потому что я не возвратил восемь книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере две из них взял у меня Сурен. А Сурен уехал в Армению.

— Вы будете выступать в устном журнале? — спросила меня девочка из библиотеки.

— Нет, — ответил я и улыбнулся ей улыбкой Ланового. Или Жан-Поля Бельмондо.

Девочка сказала, что я великий актер, только жалко, что не учусь, и я сказал, что мне не надо учиться, потому что я и так все умею.

— С вами хорошо, — вздохнула девочка. — Вы добрый человек.

— Это неправда, — сказал я. — Я притворяюсь.

Девочка не поверила и ушла почти счастливая, хотя я ей не врал. Я притворялся. Было душно. Я пошел до Пушкинской пешком, чтобы убить время. У Зала Чайковского продавали гвоздики в киоске, но гвоздики были вялыми, к тому же я подумал, что, если мы пойдем куда-нибудь с Катрин, я буду похож на кавалера. Мной овладело

глупое чувство, будто все это уже было. И даже этот осоловелый день. И Катрин так же ждет меня на полукруглой длинной скамье, а у ног Пушкина должны стоять горшки с жухлыми цветами и вылинявший букетик васильков.

Так оно и было. Даже васильки. Но Катрин опаздывала, и я сел на пустой край скамьи. Сюда не доставала тень кустов, и потому никто не садился. В тени жались туристы с покупками, а дальше вперемежку сидели старички и те вроде меня, которые ожидали. Один старичок громко говорил соседу:

— Это преступление — быть в Москве в такую погоду. Преступление.

Он сердился, будто в этом преступлении кто-то был виноват. Катрин пришла не одна. За ней, вернее рядом, шел большой, широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался обманщиком. На мужчине была белая фуражечка, а если бы было прохладнее, он надел бы замшевый пиджак. Я смотрел на мужчину, потому что на Катрин смотреть не надо было. Я и так ее знал. Катрин похожа на щенка дога — руки и ноги ей велики, их слишком много, но в том-то и прелесть.

Катрин отыскала меня, подошла и села. Мужчина тоже сел рядом. Катрин сделала вид, что меня не знает, и я тоже не смотрел в ее сторону. Мужчина сказал:

— Здесь жарко. Самый солнцепек. Можно схватить солнечный удар.

Катрин смотрела прямо перед собой, и он любовался ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее руки, но он не осмеливался, и его пальцы невзначай повисли над ее кистью. У мужчины был мокрый лоб и щеки блестели.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя мимо меня, прошептала одними губами:

— Превратись в паука. Испугай его до смерти. Только чтобы я не видела.

— Вы что-то сказали? — спросил мужчина и дотронулся до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Я наклонился вперед, чтобы встретиться с ним глазами, и превратился в большого паука. У меня было тело почти в полметра

длинной и метровые лапы. Я придумал себе жвалы, похожие на кривые пилы и измазанные смердящим ядом.

Мужчина не сразу понял, что случилось. Он зажмурился, но не убрал руку с локтя Катрин. Тогда я превратил Катрин в паучиху и заставил его ощутить под пальцами холод и слизь хитинового панциря. Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди и другой рукой взмахнул перед глазами.

— Черт возьми, — пробормотал он. Ему показалось, что он заболел, и, видно, как многие такие большие мужчины, он был мнителен. Он заставил себя еще раз взглянуть в мою сторону, и тогда я протянул к нему передние лапы с когтями. И он убежал. Ему было стыдно убежать, но он ничего не мог поделать со страхом. Туристы схватились за сумки с покупками. Старички смотрели ему вслед.

Катрин засмеялась.

— Спасибо, — кивнула она. — У тебя это здорово получается.

— Он бы не убежал, — объяснил я, — если бы я не превратил тебя в паучиху.

— Как тебе не стыдно, — укорила меня Катрин.

— Куда мы пойдем? — спросил я.

— Куда хочешь, — сказала Катрин.

— Где он к тебе привязался? — поинтересовался я.

— От кинотеатра шел. Я ему сказала, что меня ждет муж, но потом решила его наказать, потому что он очень самоуверенный. Может быть, пойдем в парк? Будем пить пиво.

— Там много народу, — возразил я.

— Сегодня пятница. Ты же сам говорил, что по пятницам все разумные люди уезжают за город.

— Как скажешь.

— Тогда пошли ловить машину.

На стоянке была большая очередь. Солнце опустилось к крышам, и казалось, что оно слишком приблизилось к Земле.

— Сделай что-нибудь, — попросила Катрин.

Я отошел от очереди и пошел ловить частника. Я никогда не делаю этого, только для Катрин. На углу я увидел пустую машину и превратился в Юрия Никулина.

— Куда тебе? — спросил шофер, когда я сунул голову Никулина в окошко.

— В Сокольники.

— Садись, Юра, — пригласил шофер.

Я позвал Катрин, и она спросила меня, когда мы шли к машине:

— Ты кого ему показал?

— Юрия Никулина, — ответил я.

— Правильно, — одобрила Катрин. — Он будет горд, что возил тебя.

— Ты же знаешь...

— Что-то давно тебя в кино, Юра, не видел, — сказал шофер, наслаждаясь доступностью общения со мной.

— Занят в цирке, — объяснил я.

Мне приходилось все время думать о нем, хотя я предпочел бы смотреть на Катрин. Катрин веселилась. Она прикусила нижнюю губу, и кончики острых клыков врезались в розовую кожу. Шофер был говорлив, я дал ему рубль, и он сказал, что сохранит его на память.

Под большими деревьями у входа было прохладно и все места на лавочках заняты. Впереди, за круглым бассейном, поднимался купол, оставленный американцами, когда они устраивали здесь выставку. Теперь тоже была выставка «Интер что-то-71». Я подумал, что если Гуров прочтет наш с Крогиусом доклад к понедельнику, то во вторник приедет в лабораторию. Крогиус сам не понимал, что мы натворили. Я понимал.

— Пойдем левее, — предложила Катрин.

В лесу, изрезанном тропинками, у какого-то давно не крашенного забора Катрин постелила две газеты, и мы сели на траву. Катрин захотела пива, и я достал бутылку из портфеля. Я купил ее по дороге с работы, потому что подумал, что Катрин захочет пива. Открыть бутылку было нечем, и я пошел к забору, чтобы открыть ее о верх штакетника. Перед забором была большая канава, и я подумал, что могу ее перелететь — не перепрыгнуть, а перелететь. Но на тропинке показались две женщины с детскими колясками, и я перепрыгнул через канаву.

— Ты хотела бы летать? — спросил я Катрин.

Катрин посмотрела на меня в упор, и я заметил, как ее зрачки уменьшились, когда в них попал солнечный свет.

— Ничего ты не понимаешь, — фыркнула она. — Ты не умеешь читать мысли.

— Не умею, — согласился я.

Мы пили пиво из горлышка и передавали друг другу бутылку, как трубку мира.

— Очень жарко, — пожаловалась Катрин. — И все потому, что ты не разрешаешь мне закалывать волосы.

— Я?

— Ты сказал, что тебе больше нравится, когда у меня распущенные волосы.

— Мне ты нравишься в любом виде, — заверил я.

— Но с распущенными волосами больше.

— С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Катрин сидела, упершись ладонью в траву, рука у нее была тонкая и сильная.

— Катрин, — предложил я, — выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

— Я тебе не верю, — сказала Катрин.

— Ты меня не любишь.

— Глупый, — сказала Катрин.

Я наклонился к земле и поцеловал по очереди все ее длинные загорелые пальцы. Катрин положила мне на затылок другую ладонь.

— Почему ты не хочешь выйти за меня замуж? — спросил я. — Хочешь, я буду всегда для тебя красивым? Как кинозвезда.

— Устанешь, — сказала Катрин.

— Давай попробуем.

— Я никогда не выйду за тебя замуж, — вздохнула Катрин. — Ты пришелец из космоса, чужой человек. Опасный.

— Я вырос в детском доме, — объяснил я. — Ты знаешь об этом. И я обещаю, что никогда не буду никого гипнотизировать. Тебя тем более.

— А ты мне что-нибудь внушал?

Она убрала ладонь с моего затылка, и я почувствовал, как ее пальцы замерли в воздухе.

— Только если ты просила. Когда у тебя болел зуб. Помнишь? И когда ты так хотела увидеть жирафа на Комсомольской площади.

— Ты мне внушал, чтобы я тебя любила?

— Не говори плуостей и верни на место ладошку. Мне так удобнее.

— Ты врешь?

— Я хочу, чтобы ты в самом деле меня любила.

Ладонь вернулась на место, и Катрин повторила:

— Я тебе не верю.

Мы допили пиво и поставили бутылку на виду, чтобы тот, кому она нужна, нашел ее и сдал. Мы говорили о совсем ненужных вещах, даже о Татьянином отчине, о людях, которые проходили мимо и смотрели на нас. Мы вышли из парка, когда стало совсем темно, и долго стояли в очереди на такси, и когда я проводил ее до подъезда, Катрин не захотела поцеловать меня на прощание, и мы не договорились о завтрашней встрече.

Я пошел домой пешком, и мне было грустно, и я придумал вечный двигатель, а потом доказал, что он все-таки не будет работать. Доказательство оказалось очень трудным, и я почти забыл о Катрин, когда дошел до своей улицы. И тут я понял, что, когда я приду домой, зазвонит телефон и Крогиус скажет, что у нас ничего не выйдет. Мне не захотелось обходить длинный газон, и я решил перелететь через него. Летать было непросто, потому что я все время терял равновесие, и поэтому я не решился взлететь к себе на четвертый этаж, хотя окно было раскрыто. Я взошел по лестнице.

Когда я открывал дверь, то понял, что кто-то сидит в темной комнате и ждет меня. Я захлопнул за собой дверь, не спеша закрыл на цепочку. Потом зажег свет в прихожей. Человек, который сидел в темной комнате, знал о том, что я чувствую его, но не шевелился. Я спросил:

— Почему вы сидите без света?

— Я вздремнул, — ответил человек. — Вас долго не было.

Я вошел в комнату, нажал на кнопку выключателя и сказал:

— Может быть, я поставлю кофе?

— Нет, только для себя. Я не буду.

От человека исходило ощущение респектабельности. Поэтому я тоже напустил на себя респектабельный вид и внушил гостю, что на мне синий галстук в полоску. Гость улыбнулся и сказал:

— Не старайтесь, ставьте лучше кофе.

Он прошел за мной на кухню, достал из кармана спички и зажег газ, пока я насыпал в турку кофе.

— Вы не чувствуете себя одиноким? — спросил он.

— Нет.

— Даже сегодня?

— Сегодня чувствую.

— А почему вы до сих пор не женились?

— Меня не любят девушки.

— Может быть, вы привыкли к одиночеству?

— Может быть.

— Но у вас есть друзья?

— У меня много друзей.

— А им до вас и дела нет?

— Неправда. А как вы вошли в квартиру?

Человек пожал плечами и объяснил:

— Я прилетел. Окно было открыто.

Он стоял, склонив голову набок, и рассматривал меня, будто ждал, что я выражу изумление. Но я не изумился, потому что сам чуть не сделал то же самое — только побоялся потерять равновесие и удариться о перила балкона. Человек сокрушенно покачал головой и сказал:

— Никаких сомнений, — и поправил пенсне.

Я мог поклясться, что никакого пенсне на нем три минуты назад не было. Я налил кофе в чашку, взял пачку вафель и пригласил гостя в комнату. Я устал от жары и ни к чему не ведущих разговоров.

— Снимите ботинки, — предложил гость, проявляя заботливость. — Пусть ноги отдыхают.

— Вы очень любезны, — ответил я. — Я сначала выпью кофе, а то спать хочется.

Человек прошелся по комнате, остановился у стеллажа и провел пальцем по корешкам книг, словно палкой по забору.

— Итак, — произнес он профессиональным голосом. — Вы себе не раз задавали вопрос: почему вы не такой, как все. И ответа на него не нашли. И в то же время что-то удерживало вас от того, чтобы обратиться к врачу.

— Я такой же, как все, — ответил я и подумал, что зря не послушался его. Снял бы ботинки.

— Еще в детском доме вы учились лучше своих сверстников. Значительно лучше. Даже удивляли учителей.

— Второй приз на математической олимпиаде, — подтвердил я. — Но учителей я не удивлял. И медали не получил.

— Вы ее не получили нарочно, — объяснил гость. — Вы смущались своих способностей. Вы даже убедили Крогиуса, что он — полноправный ваш соавтор. И это неправда. Но в вас заключена могучая сила убеждения. Вы можете внушить любому обыкновенному человеку черт знает что.

— А вам? — спросил я.

— Мне не можете, — ответил мой гость и превратился в небольшой памятник первопечатнику Ивану Федорову.

— Любопытно, — пробормотал я. — Сейчас вы скажете, что вы мой родственник и нас объединяют невидимые генетические связи.

— Правильно, — сказал гость. — Если бы это было не так, вы бы не догадались, что я жду вас, вы бы проявили хотя бы удивление, увидев незнакомого человека в запертой квартире. Вы бы удивились моему признанию, что я взлетел на четвертый этаж. Кстати, вы уже умеете летать?

— Не знаю, — сознался я. — Сегодня первый раз попробовал. А что я еще умею делать?

— Вам достаточно взглянуть на страницу, чтобы запомнить ее текст; вы складываете, умножаете, извлекаете корни с такой легкостью и быстротой, что могли бы с успехом выступать на эстраде, вы можете не спать несколько суток, да и не есть тоже.

— Хотя люблю делать и то и другое. И меня не тянет на эстраду.

— Привычка, — холодно сказал гость. — Влияние среды. В детском доме следили за тем, чтобы все дети спали по ночам. Вы умеете видеть связь между фактами и явлениями, очевидно между собой не связанными. Вы — гений по местным меркам. Хотя далеко не всеми вашими способностями вы умеете распоряжаться и не обо всех подозреваете.

— Например? — спросил я.

Гость тут же растворился в воздухе и возник за моей спиной, в дверном проеме. Потом не спеша вернулся к стеллажу, достал оттуда англо-русский словарь и бросил его. Словарь застыл в воздухе.

— И мне все это предстоит? — без особого энтузиазма спросил я.

— Это еще не все.

— С меня достаточно.

— Если вы будете учиться. Если вы вернетесь в естественную для вас обстановку. Если вы окажетесь среди себе подобных.

— Так, — сказал я. — Значит, я мутант, генетический урод. И не одинок при этом.

— Не так, — возразил гость. — Вы просто чужой здесь.

— Я здесь родился.

— Нет.

— Я родился в поселке. Мои родители погибли при лесном пожаре. Меня нашли пожарники и привезли в город.

— Нет.

— Тогда скажите.

— Нам следовало найти вас раньше. Но это нелегко. Мы думали, что никого не осталось в живых. Это был разведывательный корабль. Космический корабль. Ваши родители были там. Корабль взорвался. Сгорел. Вас успели выбросить из корабля. И был лесной пожар. В пожаре сгорел поселок леспромхоза. Пожарники, нашедшие вас живым и невредимым, только очень голодным, не знали, что до конца пожара вас окружало силовое поле.

Я слушал его, но меня мучило совсем другое.

— Скажите, — спросил я, — а на самом деле я какой?

— Внешне? Вам это нужно знать?

— Да.

Гость превратился в некую обтекаемую субстанцию, полупрозрачную, текучую, меняющую форму и цвет, но не лишенную определенной грации.

— Это тоже внушение?

— Нет.

— Но ведь я не стараюсь быть человеком. Я — человек.

— Без этого вы не выжили бы на Земле. Мы думали, что вы погибли. А вы приспособились. Если бы не мой визит, вы бы до конца жизни ни о чем не догадались.

— Я должен буду улететь с вами? — спросил я.

— Разумеется, — сказал гость. — Вы же мне верите?

— Верю, — кивнул я. — Только позвоню Крогиусу.

— Не надо, — возразил гость. — То, что вы с ним сделали, пока не нужно Земле. Вас не поймут. Над вами стали бы смеяться академики. Я вообще удивлен, что вы смогли внушить Крогиусу веру в эту затею.

— Но ведь она бред?

— Нет. Лет через сто на Земле до нее додумаются. Наше дело — не вмешиваться. Правда, иногда нам кажется, что эта цивилизация зашла в тупик.

Я поднял телефонную трубку.

— Я просил вас не звонить Крогиусу.

— Хорошо, — ответил я. И набрал номер Катрин.

Гость положил ладонь на рычаг.

— Это кончилось, — настаивал он. — И одиночество. И необходимость жить среди существ, столь уступающих вам. Во всем. Если бы я не нашел вас, вы бы погибли. Я уверен в этом. А теперь мы должны спешить. Корабль ждет. Не так легко добраться сюда, на край Галактики. И не так часто здесь бывают наши корабли. Заприте квартиру. Вас не сразу хватятся.

Когда мы уходили, уже на лестнице я услышал, как звонит телефон. Я сделал шаг обратно.

— Это Крогиус, — сказал гость. — Он разговаривал с Гуровым. И Гуров не оставил камня на камне от вашей работы. Теперь Крогиус забудет обо всем. Скоро забудет.

— Знаю, — ответил я. — Это был Крогиус.

Мы быстро долетели до корабля. Он висел над кустами, небольшой, полупрозрачный и совершенно на вид не приспособленный к дальним странствиям. Он висел над кустами в Сокольниках, и я даже оглянулся, надеясь увидеть пустую пивную бутылку.

— Последний взгляд? — спросил гость.

— Да, — кивнул я.

— Попробуйте побороть охватившую вас печаль, — посоветовал гость. — Она рождается не от расставания, а от неизвестности, от невозможности заглянуть в будущее. Завтра вы лишь улыбнетесь, вспомнив о маленьких радостях и маленьких неприятностях, окружавших вас здесь. Неприятностей было больше.

— Больше, — согласился я.

— Стартуем, — предупредил гость. — Вы не почувствуете перегрузок. Приглядитесь ко мне внимательнее. Ваша земная оболочка не хочет покинуть вас.

Гость переливался перламутровыми волнами, играя и повелевая приборами управления.

Я увидел сквозь полупрозрачный пол корабля, как уходит вниз все быстрее и быстрее темная зелень парка, сбегаются и мельчают дорожки уличных огней и россыпи окон. И Москва превратилась в светлое пятно на черном теле Земли.

— Вы никогда не пожалеете, — сказал мне гость. — Я включу музыку, и вы поймете, каких вершин может достичь разум, обращенный к прекрасному.

Музыка возникла извне, влилась в корабль, мягко подхватила нас и устремилась к звездам, и была она совершенна, как совершенно звездное небо. Это было то совершенство, к которому меня влекло пустыми ночами и в моменты усталости и раздражения.

И я услышал, как вновь зазвонил телефон в покинутой, неприбранной квартире, телефон, ручка которого была замотана синей изоляционной лентой, потому что кто-то из подвыпивших друзей скинул его со стола, чтобы освободить место для шахматной доски.

— Я пошел, — сказал я гостю.

— Нет, — возразил тот. — Возвращаться поздно. Да и бессмысленны возвращения в прошлое. В далекое прошлое.

— До свидания, — уперся я.

Я покинул корабль, потому что за этот вечер я научился многому, о чем и не подозревал раньше.

Земля приближалась, и Москва из небольшого светлого пятна превратилась вновь в бесконечную россыпь огней. И я с трудом разыскал свой пятиэтажный блочный дом, такой одинаковый в ряду собратьев.

Голос гостя догнал меня:

— Вы обрекаете себя на жизнь, полную недомолвок, мучений и унижений. Вы будете всю жизнь стремиться к нам, ко мне. Но будет поздно. Одумайтесь. Вам нельзя возвращаться.

Дверь на балкон была распахнута. Телефон уже умолк. Я нащупал его, не зажигая света. Я позвонил Катрин и спросил ее:

— Ты звонила мне, Катюшка?

— Ты с ума сошел, — ответила Катрин. — Уже первый час. Ты всех соседей перебудишь.

— Так ты звонила?

— Это, наверное, твой сумасшедший Крогиус звонил. Он тебя по всему городу разыскивает. У него какие-то неприятности.

— Жалко, — сказал я.

— Крогиуса?

— Нет, жалко, что не ты звонила.

— А зачем я должна была тебе звонить?

— Чтобы сказать, что согласна выйти за меня замуж.

— Ты с ума сошел. Я же сказала, что никогда не выйду замуж за пришельца из космоса и притом морального уродца, который может внушить мне, что он Жан-Поль Бельмондо.

— Никогда?

— Ложись спать, — настаивала Катрин. — А то я тебя возненавижу.

— Ты завтра когда кончаешь работу?

— Тебя не касается. У меня свидание.

— У тебя свидание со мной, — сказал я строго.

— Ладно, с тобой, — согласилась Катрин. — Только лишнего не думай.

— Я сейчас думать почти не в состоянии.

— Я тебя целую, — сказала Катрин. — Позвони Крогиусу. Успокой его. Он с ума сойдет.

Я позвонил Крогиусу и успокоил его.

Потом снял ботинки и, уже засыпая, вспомнил, что у меня кончился кофе и завтра надо обязательно зайти на Кировскую, в магазин, и выстоять там сумасшедшую очередь.

Часть 2

ПРИШЕЛЬЦЫ В ГУСЛЯРЕ

Вступление

Иногда приходится слышать: почему пришельцы из космоса, избравшие Землю целью своего путешествия, опускаются не в Тихом океане, не на горах Памира, не в пустыне Такламакан, наконец, не в Осаке и Конотопе, а в городе Великий Гусяр? Почему некоторые странные происшествия, научного истолкования которым до сих пор не удалось найти, имеют место в Великом Гусяре?

Этот вопрос задавали себе многочисленные ученые и любители астрономии, о нем говорили участники симпозиума в Аддис-Абебе, об этом прошла дискуссия в «Литературной газете».

Недавно с новой гипотезой выступил академик Спичкин. Наблюдая за траекториями метеорологических спутников Земли, он пришел к выводу, что город Великий Гусяр стоит на земной выпуклости, совершенно незаметной для окружающих, но очевидной при взгляде на Землю с соседних звезд. Эту выпуклость никак нельзя путать с горами, холмами и другими геологическими образованиями, потому что ничего подобного в окрестностях Гусяра нет. Появление действующего вулкана у озера Копенгаген относится к 1982 году и к ранним появлениям пришельцев отношения не имеет.

Город Великий Гусяр расположен на равнине. Он окружен колхозными полями и густыми лесами. Реки, текущие в тех краях, отличаются чистой водой и медленным течением. Весной случаются наводнения, спадающие и оставляющие на берегах ил и коряги. Зимой бывают снежные заносы, отрезающие город от соседних населенных пунктов. Летом стоит умеренная жара и часты грозы. Осень здесь ласковая, многоцветная, к концу октября начинаются холодные дожди.

В 1876 году старожилы наблюдали северное сияние, а за тринадцать лет до того — тройное солнце. Самая низкая температура января достигала сорока восьми градусов ниже нуля (18 января 1923 года).

Раньше в лесах водились медведи, косули, кабаны, еноты, бобры, лисицы, россомахи и волки. Они встречаются в лесах и сегодня. В 1952 году была сделана попытка акклиматизировать под Великим Гусяром зубробизона. Зубробизоны расплодились в воробьевском

заказнике, естественным образом скрестились с лосями и приобрели в дополнение к грозному облику могучие рога и спокойный, миролюбивый нрав. Реки и озера богаты дичью. Не так давно в реку Гусь завезены гамбузия и белый амур. Неизвестно как, за последние годы там же расплодился рак бразильский, ближайший родственник омара. Рыбаки по достоинству оценили его вкусовые качества. В местной печати сообщалось о появлении в окрестностях города мухи цеце, однако случаев сонной болезни не отмечено.

Население Великого Гусяра достигает восемнадцати тысяч человек. В нем проживают люди шестнадцати национальностей. В деревне Морошки обитают четыре семьи кожухов. Кожухи — малый лесной народ угро-финской группы, говорящий на своеобразном, до сих пор не до конца разгаданном наукой языке. Письменность кожухов на основе латинской была разработана в 1926 году гусярским учителем Ивановым, который составил букварь. В наши дни лишь три кожуха — Иван Семенов, Иван Мудрик и Александра Филипповна Малова — владеют кожухским языком.

История города Великий Гусяр насчитывает семьсот пятьдесят лет. Впервые упоминание о нем встречается в Андриановской летописи, где говорится, что потемкинский князь Гавриил Незлобивый «пришех и истребих» непокорных обитателей городка Гусяр. Это случилось в 1222 году.

Город быстро рос, будучи удобно расположен на перекрестке торговых путей, ведущих на Урал и в Сибирь, а также в южные и западные области Руси. Его пощадило монгольское иго, так как испуганные густотой и дикостью северных лесов татарские баскаки ограничивались присылкой списка требуемой дани, однако жители города эту дань платили редко и нерегулярно. Возникшее в XIV веке соперничество за Гусяр между Москвой и Новгородом закончилось окончательной победой Москвы лишь к середине XV века. В ходе соперничества город был трижды сожжен и дважды разграблен. Один раз новгородская дружина воеводы Лепехи сравняла город с землей. В последующие годы Гусяр подвергался чуме, наводнению, мору и гладу. Ежегодно бушевали пожары. После каждой эпидемии и пожара город вновь отстраивался и украшался белокаменными соборами, живописно раскинувшимися по берегу реки Гусь.

Из числа землепроходцев, пустившихся навстречу солнцу, более трети оказались уроженцами Великого Гусяря, который в шестнадцатом веке превратился в процветающий город, стал соперником Вологде, Устюгу и Нижнему Новгороду. Достаточно вспомнить Тимофея Бархатова, открывшего Аляску, Симона Трусова, с пятьюдесятью казаками вышедшего к реке Камчатке, Федьку Меркартова, первым добравшегося до Новой Земли, открывателей Курил, Калифорнии и Антарктиды. Все они возвращались на старости лет в родной город и строили двухэтажные каменные дома на Торговой улице, в Синем переулке и на Говяжьем спуске. Именно в те годы Гусярь стал зваться Великим.

Кстати, по сей день среди ученых не выработалось единого мнения: почему Гусярь зовется Гусярем? Если профессор Третьяковский в своей монографии «Освоение Севера» полагает, что источником слова служит «гусярь» или даже «гусли» (гипотеза Райзмана), ибо производство этих музыкальных инструментов было широко развито в этих краях, то Илонен и другие зарубежные историки склоняются к мысли, что название городу дала река Гусь, на берегу которой он расположен. Однако существует версия Тихонравовой, полагающей, что в этих лесных краях нашли убежище бежавшие от габсбургского ига сподвижники чешского реформатора Яна Гуса. Наконец, нельзя не упомянуть о точке зрения Иванова, выводящего слово Гусярь от кожухского «хус-ля», означающего «задняя нога большого медведя, живущего на горе». Среди кожухов и поныне бытует легенда о богатыре Деме, убившем в этих местах медведя и съевшем его заднюю ногу.

В конце XIX века в связи с тем, что железная дорога прошла стороной, Великий Гусярь перестал играть важную роль в торговле и превратился в заштатный уездный город и пристань на реке Гусь.

В последние годы в Гусяре развивается местная промышленность. Работает пивоваренный завод, освоено производство пуговиц и канцелярских кнопок на фабрике «Заря». Также имеется лесопилка, молочный комбинат и бондарные мастерские. В городе работает речной техникум, несколько средних школ, три библиотеки, два кинотеатра, клуб речников и музей. В число памятников архитектуры, охраняемых государством, входят Спасо-Трофимовский монастырь, церковь Параскевы Пятницы (XVI)

век и Дмитровский собор. Гостинный двор и несколько церквей были снесены в 1930 году при разбивке сквера имени Землепроходцев.

Великий Гусяр — город областного подчинения и является центром Великогусярского района, где выращивается лен, рожь, гречиха, имеется скотоводство и лесной промысел. В распоряжении туристов, облюбовавших город в летние месяцы, находится гостиница «Великий Гусяр» с рестораном «Гусь», дом колхозника и баржа-общежитие. В городе за последние годы снимался ряд исторических фильмов, в частности «Стенька Разин», «Землепроходец Бархатов», «Садко» и «Гусярская баллада».

Главная улица, Пушкинская, тянется вдоль реки. На ней расположен универмаг, книжный и зоомагазин. Одним концом улица упирается в мост через реку Грязнуху, делящую город на традиционные город и слободу, другой конец улицы заканчивается у городского парка, где находятся эстрада, тир и карусель, а также летняя читальня.

Сообщение с Вологдой автобусом (шесть часов) или самолетом (один час). С Архангельском самолетом (полтора часа) или пароходом (через Устюг и Котлас) — четверо суток.

Космические пришельцы начали появляться в городе начиная с 1967 года. Более ранние следы их не обнаружены.

Связи личного характера

Сидели во дворе, играли в домино. Дело было летом, после дождя, в хорошую погоду. Облака, вытрясая воду, плыли над головой пышные и умиротворенные, лужи сохли быстро, от них поднимался невидимый пар, скоро идти ужинать, игра малость приелась, и пришло время побеседовать о разных вещах.

— Устал я сегодня чего-то, — сказал Василь Васильич, приюхиваясь к сложным ароматам, слетавшимся вниз, к игрокам, из двенадцати кухонь дома.

— Жарко было, — согласился Валентин Кац, размешал костяшки и спросил товарищей: — Еще одну «рыбу» забьем?

И в этот момент во двор вошел Корнелий Удалов. Был он потен, светлые волосики завились, штаны грязные, пиджак через плечо, в руках, вся в белых потеках, банка из-под белил. В ней болтается малярная кисть.

— Корнелий-то, — сказал Погосян, — Корнелий стал маляром, да?

— Дурачье, — сказал Удалов, покосился на свои окна, не наблюдает ли за ним жена его Ксения, и, поставив банку посреди двора, уселся на скамью. — История со мной случилась. Фантастическая.

— Всегда с тобой что-нибудь случается, — сказал Валентин. — Может, все-таки забьем еще одну «рыбу»?

— Что за история, а? — спросил Погосян.

Удалов, которому очень хотелось поговорить, сразу ответил:

— Дорогу на Грязнуху знаете? К санаторию?

— Ну.

— Там вот все и произошло. Не было сегодня дороги.

— Куда же она, болезная, делась?

— Даже не знаю, что на это ответить, — сказал Удалов. — Рано человечеству об этом знать.

— Ты, Корнелий, не крути, — обиделся Василь Васильич. — Ты всегда в истории попадаешь. И придаешь им космическое значение.

— Вот именно, что космическое. Не менее чем космическое.

— Ясно, — сказал из открытого окна своей комнатки Грубин, который весь этот разговор отлично слышал — занимался работой скучной, но творческой: вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». — Ясно, американцы с Луны камень везли, оброну на полпути и по Корнелиевой дороге угодили.

— Циник ты, Грубин, — сказал с тоской Корнелий Удалов.

И видно всем было, что и в самом деле очень ему хочется рассказать, но пока не решается. На выступающих частях его пухлого лица показались капельки пота.

— Циник ты, Грубин, и самое удивительное, что почти угадал, хотя не можешь себе представить всей глубины такого события. Я же слово дал, почти подписку, что не разглашу.

— Ну и не разглашай, — отозвался Грубин.

— Ну и не разглашу, — повторил Удалов.

— Нужны нам твои истории, — сказал Грубин, который, несмотря на эти резкие слова, был лучшим другом Удалова.

— Так что с дорогой приключилось? — спросил Валя Кац. — А то меня сейчас жена ужинать позовет.

— Не поверите, — сказал Удалов.

— Не поверим, — согласился из окна Грубин.

Но Удалов уже решился на рассказ, не слышал грубинских слов, глаза у него помутнели и приобрели отсутствующее выражение, с каким былинные сказители в отдаленные времена вынимали гусли из торбы, обращали лицо к самому князю и начинали разворачивать длинное, увлекательное повествование, правдоподобное для слушателей и совсем невероятное для потомков.

— Я сегодня до Грязнухи пешком пошел, — сказал Удалов. — До маслозавода автобусом, а там пешком. Нам через месяц нужно будет в санатории крышу перекрывать. Вот и пошел посмотреть.

— А как же твой, Корнелий, персональный грузовик? — спросил Грубин.

— Машина в Потьму за генератором ушла. А я в санаторий отправился. А куда мне спешить, я спрашиваю? Куда мне спешить, если дорога лесом, местами над самым берегом, птицы поют, вокруг никакого движения и даже отдыхающих не видно.

— А это правда, что санаторий прикрыли? — спросил Василь Васильич.

— Временно, — сказал Удалов. — Временно грязевой источник иссяк. Будем, наверно, нарзан возить. Это как решим. Вот я их и встретил.

— Отдыхающих?

— Каких отдыхающих? Людей на «Москвиче». Целая семья. Туристы, наверно. На крыше все привязано: и палатка, и матрац, и детская коляска. Потому я к ним и не подсел — пять человек в машине.

— Зачем тебе к ним подсаживаться?

— Как зачем? Чтобы до санатория подбросили.

— Так они же тебе навстречу ехали.

— Нет, Валентин, ты все путаешь. Сначала они меня обогнали. И я к ним не подсел. Куда спешить? А потом они обратно поехали. Навстречу. Он сам, который за рулем сидит, бледный весь, детишки плачут, высунулся из машины и машет рукой — давай, в смысле, обратно. Вот, думаю, чудак. Не знал я еще, что меня ждет за поворотом.

— За поворотом Корнелия ждал холодный труп, — произнес Грубин.

— Не перебивай, — возмутился Погосян. — Человек рассказывает, понимаешь, а ты перебиваешь.

— За поворотом меня знак ждал. «Идут дорожные работы», знаете такой знак? Треугольный, а в нем человек с лопатой. Я даже удивился: какие такие дорожные работы без ведома ремстройконторы? Город наш небольшой, и не может быть неизвестных работ. И еще меня удивило, что знак странный. Плохо выполнен с точки зрения художественного образа. У рабочего три ноги.

— А кто у вас знаки делает?

— Знаки из Вологды присылают. Знаки — дело милицейское. Да не в этом дело. Плохой ли знак, хороший, но что характерно — три ноги.

— Хулиганство, — сказала старуха Ложкина, которая своего мужа покормила и теперь высунулась в просвет между аквариумом и канареечной клеткой, чтобы послушать интересную историю.

— И я так подумал, — согласился Удалов. — И меня еще люди в «Москвиче» обеспокоили. Чего они испугались?

— Хулиганство, ясное дело, хулиганство, — повторила старуха Ложкина.

— Знак, значит, стоит, закопан в землю, а из-за поворота слышны звон металла и всевозможные звуки строительных работ. Делаю еще десять шагов, признаюсь, что делаю их со всей осторожностью. Вижу: поперек дороги барьер. И на нем надпись черными буквами: «Проезд воспрещен». А прямо за барьером разворачивается бульдозер странного вида, а на бульдозере сидит, вы мне не поверите, инопланетный пришелец из космоса, и у него четыре руки и три глаза.

— Во дает, — сказал Погосян, который ничему не поверил.

— Валентин, обед стынет! — крикнула жена Каца из окошка.

— Погоди, — ответил Кац. — Дослушаю и приду.

— Вы только подумайте, что делается, — сказала жена Каца через весь двор старухе Ложкиной. — Валентин не бежит, когда его зовут кушать!

— На голове у него был прозрачный шлем, как у космонавтов, — продолжал Удалов, прикрыв глаза, чтобы яснее представить эту картину. — Из шлема торчат проводочки, а костюм на нем оранжевого цвета. Он меня увидел, вида не подал, заглушил мотор, соскочил на землю, и вижу я, что ног у него минимум три, и что характерно — все в различной обуви. Я поздоровался, потому что был в состоянии шока, и он мне тоже говорит: «Здравствуйте».

— Во дает! — сказал Погосян. — «Здравствуйте», значит, на межпланетном языке, а Корнелий, ясное дело, ему обучен, да?

— С детства, — согласился с шуткой Грубин, который оставил свое дело и ни слова из сказанного не пропускал.

— Он мне сказал по-русски, — возразил Удалов. — Ну и я ему ответил: «Кто дал указание работы проводить?»

— Конечно, — сказал Грубин. — Видим мы человека на трех ногах, гостя из далеких звездных миров, а вместо «добро пожаловать» сразу ему ляпаем: «Кто дал указание?»

— Я перепугался, — проговорил Удалов. — В другом случае я бы ему все как надо сказал. А тут с перепугу взял быка за рога.

— А у него и рога были? — удивилась старуха Ложкина.

— Это он фигурально, — пояснил Василь Васильич.

— Я пошел, — сказал Погосян. — Я пошел, а то он меня вместо ужина, понимаешь, баснями кормит.

Но Погосян никуда не ушел. Ему хотелось, чтобы его стали останавливать, говорить, что все это шутка, но никто не останавливал и не говорил. Все знали, что, хотя у Удалова сильно развито воображение, хотя он человек нервный, он крайне правдив.

— Я его спрашиваю, — продолжал между тем Удалов, — а он машет своими ручонками и говорит: «Скандал, безобразие получается».

— Крупные они, пришельцы? — спросил Василь Васильич.

— Нет, не крупные, с третьеклассника.

— Я так и думал, — сказал Василь Васильич. — Откуда им быть крупными?

— Я хотел под шлагбаум подлезть, а он сначала не пускал, на надпись показывал, лопотал, что вход воспрещен. Ну, я ему и указал, что являюсь начальником ремстройконторы города Великий Гусляр, на окраине которого он ведет неизвестные работы.

— И не испугался?

— Испугался я потом, — признался Удалов. — А сначала меня взяло возмущение. Ездит тут на бульдозере, не пускает, людей пугает, и что характерно, бульдозер также не нашей марки. Тогда пришелец этот оробел и говорит мне: «Извините, не будете ли так любезны проследовать за мной, поговорить с нашим руководством?»

Жена Каца высунулась из окошка по талию и чуть не свалилась вниз.

— И ты пошел?

— А чего же? Пошел. Подлез под бульдозер, завернул за поворот, а там за холмиком открылось мне удивительное зрелище. И тогда я внутренне все осознал. Метров за тридцать дорога там была полностью разрушена, будто по ней громадным молотком стукнули или лавину обрушили сверху. Но я-то сразу понял, в чем фокус, — пониже на склоне лежала, накренившись, их летающая тарелочка.

— А какие опознавательные знаки были? — спросил подозрительно Погосян.

— Без опознавательных знаков. Им это не нужно. Лежала эта тарелочка, вокруг нее масса пришельцев. Одни тарелочку чинят, другие на дороге возятся. Техника, приспособления, дорожные машины — удивительно даже, сколько добра в этой тарелочке поместилось.

Грубин вылез из окна — ноги сначала, сам потом — и подошел поближе.

— Я их спрашиваю: «Вынужденная посадка?» Из толпы ко мне один подходит, тоже на трех ногах, и отвечает: «Безобразная посадка. Хулиганская посадка. Я, скажу честно, сделал штурману строгое предупреждение». Я спрашиваю: «Зачем же так строго?» И тогда он отвечал...

В этот момент Удалов прервал свои речи, ибо почувствовал, как Шехерезада, что слушатели полностью захвачены повествованием.

Удалов повернулся к своему окну и строго спросил:

— Ксения, скоро ужинать?

Ксения ничего не ответила.

— Успеешь еще, поужинаешь, — остановил его Кац. — Ты сначала свою байку доскажи.

— Кому байка, а кому действительность, — сказал Удалов, и никто не засмеялся.

— Давай дальше, — поторопил Василь Васильич. — Прохладно становится.

— Я спрашиваю, значит, — продолжал Удалов, закуривши, — «Почему так строго?» А мне главный пришелец отвечает: «А что делать? Представьте, — говорит, — себя на нашем месте. Прилетаем мы на чужую планету. Имеем, — говорит, — строгий приказ в контакты не входить, а лишь проводить визуальные наблюдения. Туземные, — говорит, — цивилизации должны развиваться по своим законам».

— Это кто такие туземные цивилизации? — спросил Погосян.

— Мы, — ответил за Удалова Грубин.

— Мы не туземная, — сказал Погосян. — Это оскорбительное слово. Мы что, получается, голыми бегаем? Голые, да?

— Не оскорбляйся, — сказал Грубин.

А Удалов между тем продолжал:

— «Избираем, — говорит мне главный пришелец, — тихое место на окраине мелкого городка...»

— Это кто такой мелкий городок? — опять перебил Погосян. — Великий Гусляр — мелкий городок, да?

— «Избираем мелкий, тихий городок, хотим сесть неподалеку, чтобы собрать образцы растительной флоры и сделать всякие снимки.

И вот по вине этого головотяпа штурмана совершается катастрофа!»

— И правильно, — сказала старуха Ложкина. — Правильно, что строго предупредил штурмана. Если пустили в космос, так работай, а не ушами хлопай.

— Может, он увидел сверху, какая прекрасная наша Земля в окрестностях Великого Гусяра, — сказала жена Каца, — и рука у него дрогнула?

— А что, ихние предупреждения, они с изоляцией или как? — спросил Василь Васильич.

— Не знаю, не спрашивал, — ответил Удалов. — Если кому неинтересно, уходите. Не мешайте. Развели дискуссию.

Находясь в центре внимания, Удалов заметно обнаглел, и в тоне его появились металлические нотки. Слушатели замолкли.

— Вокруг нас роботы суетятся, машины, космонавты, спешат, чтобы их позор не стал достоянием земной общественности. Начальник шлемом качает, вздыхает по-своему и говорит далее: «А каково нам будет, если Галактика узнает, что наш корабль разрушил дорогу на Земле, в окрестностях Великого Гусяра? А представляете себе, как будут хохотать над нами нахальные акарили с планеты Цук? Как будут мяукать в припадке издевательства низменные душой тумсы? Как будут качать всеми своими головами мудрые йыкики? Ведь нас же предупредят на всю Галактику...»

— Нет, не иначе как у них предупреждение со строгой изоляцией, — сказал Василь Васильич.

— И как это ты, Корнелий, запомнил все эти имена? — спросил Грубин.

— Они знали, с кем на Земле встречаться, — ответил с достоинством Корнелий. — «Представляете мое состояние», — говорит этот пришелец, и я, конечно, выражаю ему сочувствие. И тут подходит к нам еще один, в полосатом комбинезончике, черненький, с глазками врозь. И что-то по-своему лопочет. Я пока осматриваюсь, полагаю, что им с дорогой и ремонтом тарелочки придется до ночи провозиться. Даже с ихней хваленой техникой. «Не знаю, — переходит тем временем на русский язык главный пришелец. — Но надеюсь, что сама судьба послала нам разумного и доброго туземца».

— Так и сказал — туземец? — спросил Погосян.

— Так и сказал.

— Тут бы я ему ответил, — произнес Погосян. — Поставил бы его на место. Ведь ты же не голый был!

— Не голый, в пиджаке, — сказал Удалов. — Только я об этом не думал. Они со мной как с братом по разуму разговаривали. Зачем же междупланетные отношения обострять без надобности?

— Правильно, — сказал Василь Васильич, — а то они бы тебя предупредили, только мы тебя и видели.

— Ой! — сказала жена Каца. — Какая опасность.

— Ничего, — успокоил ее Удалов. — Я им сразу ответил: если есть просьба или поручение, люди Земли и Великого Гусляра в моем лице готовы прийти им на помощь.

— Молодец! — одобрил Василь Васильич. — По-нашему ответил.

— И тогда он мне говорит, что есть просьба. Дорогу они починят, следов не останется, тарелочку свою уберут на околоземную орбиту. Но вот белил у них нету.

— Чего?

— Белил. Масляных. Они по обочине дороги вывернули столбики, в труху превратили. А столбики должны быть окрашены в белый цвет во избежание аварии движущегося транспорта. Он меня и просит: принеси, дорогой брат по разуму, нам банку белил. Мы тебя по-царски отблагодарим. Я ему отвечаю: не надо мне наград, всегда готов. А он мне отвечает, что Галактика моей скромной услуги никогда не забудет. Ну и побежал я обратно в город...

Слушатели с минуту сидели в молчании, осознавали, то ли Удалов свой рассказ завершил, то ли будет продолжение. Солнце клонилось к реке, тени стали длиннее, прохладный ветерок потянул из-за леса. У Кацев пригорел ужин, но жена Валентина этого не замечала.

— И все? — спросил наконец Грубин.

— Почти что, — ответил Удалов. Его праздник кончался. Кончался вместе с рассказом. — Я целый час эту банку искал. И кисть тоже. Хозяйственный закрыт, на складе сторож обедать ушел и так далее. Потом прибежал все-таки к ним, нельзя же людей подводить. Прибежал, а знака дорожного нету. И ничего нету. Ни тарелочки, ни машин, ни роботов. Пустота.

— А дорога?

— Дорога полностью починена.

— И ты домой пришел?

— Нет, — сказал Удалов. — Сначала я свое обещание выполнил.

Я столбики покрасил.

— А они некрашенные были?

— Некрашенные. Четыре столбика. Новенькие, но некрашенные. И около одного записка лежала. Показать?

— Конечно.

— Смотрите.

Удалов достал из кармана сложенную вчетверо записку. Развернул, разгладил на столе. И прочел вслух. Остальные склонились к столу и читали, повторяли за ним слово в слово. Вот что написано было в записке. Печатными буквами, черными чернилами:

Заранее благодарны за помощь. Столбики к вашим услугам. Ваша помощь не будет забыта. Просьба о происшедшем не распространяться.

— И без подписи, — сказал Погосян.

— И правильно, что без подписи, — сказал Василь Васильич. — Только ты, Удалов, доверия не оправдал, и будет тебе при первом же случае серьезное предупреждение с последствиями.

— Это почему же? — вскинулся Удалов.

— Просили не разглашать. А ты разгласил. Знаешь, что за это бывает?

— Ничего подобного! — сказал Удалов с обидой. — Они тоже хороши. Я бы молчал, а они улетели — и никаких следов. Может, мне хотелось им вопросы задать? Может, мне хотелось с ними о будущем посоветоваться? Может, они из благодарности могли не записочку оставить, а хоть какой бульдозер ихней марки для нашей конторы? Разве не правильно я говорю?

И все согласились, что правильно.

— Я даже адреса их не спросил, с какой планеты они прилетели, даже не узнал, что они будут делать, если агрессоры развяжут на Земле ядерную войну. Разве так себя ведут настоящие пришельцы?

И все согласились, что настоящие пришельцы себя так не ведут.

Потом опять все немного помолчали, переваривая серьезное событие. И Погосян спросил:

— А доказательства у тебя, Удалов, есть?

— Какие еще доказательства?

— А доказательства, что ты сегодня с пришельцами виделся?

— Ну, знаете! — возмутился Удалов. — Ну, знаете! А банка эта, которая на виду у вас посреди двора стоит? Из-под белил. Сегодня же брал на складе. За наличный расчет. Зачем мне белила? Зачем мне, спрашиваю, белила? Вы же в курсе, что состою на руководящей работе.

— Правильно говорит, — сказал Василь Васильич. — Зачем ему про белила было врать?

— И завтра же, в воскресенье, — сказал Удалов нервно, — пойдем все вместе на ту дорогу. И вы эти столбики увидите, свежепокрашенные. И такие эти столбики гладкие и ровные, что нашим плотникам никогда не сделать. Словно импортная мебель. И краска на четырех еще свежая.

— Кор-не-лий! — крикнула из окна Ксения Удалова, которая была не в курсе и потому к Удалову уважения не ощущала. — Мне что, третий раз суп греть?

— Иду, Ксюша, иду, — ответил Удалов. — До завтра, — сказал он друзьям и соседям.

— Чего уж там, — сказал ему вслед Василь Васильич, — почему не верить человеку? Конечно, мы ему поверим.

И все поверили. И не поехали на следующий день на ту дорогу, хоть Удалов и уговаривал. Что толку на столбики смотреть?

С тех пор в Великом Гусяре ждали нового прилета братьев по разуму. Потому что уже какие-никакие связи налажены. Связи личного характера.

Как его узнать?

Над городом Великий Гусяр гремели громкоговорители, исполняя жизнерадостные песни. Солнце прорывалось сквозь облака. Пионеры в белых рубашонках пробегали туда и сюда. Горожане потоками текли под транспарантами и лозунгами, натянутыми поперек улиц. Автобусы из-под приезжих гостей выстроились в ряд на площади, где раньше стояли торговые ряды, а теперь сквер и покрытый брезентом памятник землепроходцам. Сегодня, в день семисотпятидесятилетия города, памятник будет торжественно открыт.

Жильцы дома шестнадцать сидели во дворе вокруг стола, расштанного игрой в домино, поджидали, пока жены кончат прихорашиваться, беседовали о прошлом и настоящем.

Корнелий Удалов, в белой рубашке и синем галстуке, причесанный на косо́й пробор, чтобы прикрыть лысину, оспаривал мнение Погосяна, что есть города лучше Гусяра.

— Например, Ереван, — говорил Погосян. — Две тысячи лет! Три тысячи лет! Пять тысяч лет на одном месте!

— Не в цифрах дело, — возражал Удалов. — Иван Грозный чуть было сюда столицу из Москвы не перевел.

— Неплупый человек был, — упорствовал Погосян. — Передумал.

— Опричники помешали.

— Я и говорю — разве опричники глупые были?

— Трудно с тобой разговаривать, — сознался Удалов. — Плохой ты патриот нашего родного города.

Старик Ложкин, в черном костюме, грудь в медалях и значках, согласился с Удаловым. Он обвел рукой вокруг и сказал:

— Недаром наши предки называли Гусяр Великим.

— Сами жили, сами и называли. Ереван никто великим не называл. Зачем называть? Каждая собака знает, — нашелся Погосян.

Разговор перешел на частности. Саша Грубин, который по случаю праздника причесался и побрился, слушал их, слушал и наконец вроде бы без отношения к разговору сказал:

— А славно бы заснуть и проснуться через двести лет. И поглядеть на наш Гуслиар в отдаленном будущем.

Соседи прервали спор, подумали и согласились с Грубиным.

— С другой стороны, — добавил Удалов, — на двести лет назад тоже неплохо.

— Бери уж все семьсот, — сказал на это Василь Васильич. — Прибыл в древность, вокруг люди с копьями и стрелами, платят налоги древнему городу Киеву.

— Или татаро-монгольским захватчикам, — поправил Ложкин.

— Пускай захватчикам. Медведи вокруг бродят, олени, кабаны, бой-туры. Самогон из меда гонят.

— Так бы тебе и дали попробовать медового самогона, — возразил Грубин. — Они бы тебя сразу узнали.

— Как? — удивился Василь Васильич.

Все засмеялись, а Ложкин ответил:

— По одежде бы узнали. И по акценту. Они же на другом языке говорили, на древнеславянском.

— И вместо меда получил бы мечом по шее, — подытожил Грубин.

— Ладно, ладно! — не сдался Василь Васильич. — Неужели полагаете, что я к ним без подготовки отправлюсь? Сначала я в Академию наук. Дайте, скажу, мне консультантов по древнеславянскому языку. Подчитаем, подработаем. Выдадут мне также из музея форму одежды. Тогда не отличат.

Василь Васильичу не поверили. Заговорили о путешествиях во времени. Кое-кто читал об этом в фантастической литературе. Кое-кто не читал, но слышал.

Вдруг Удалова посетила интересная идея.

— Пройдет каких-нибудь сто лет, — сказал он, — и станет такое путешествие обычной возможностью. Ведь для науки нет никаких преград. Туристы будут ездить, ученые, возникнет массовое передвижение, жизнь пойдет настолько интересная, что нам даже не снилось. Нужно, допустим, школьникам узнать, как жили в Древнем Египте. Учитель нажимает на кнопку — и вот мы уже в гостях у царицы Клеопатры. Изучайте, дети, наше тяжелое прошлое.

— Вполне вероятно, — ответил Ложкин. — Только надо будет строго соблюдать правила движения. Я читал, что происходит, если

нарушишь. Однажды в мезозойскую эру бабочку задавили, а в результате в Америке не того президента выбрали.

Помолчали. Подумали. Потом Грубин сказал:

— Это не вызывает сомнений. Если бы таких правил не соблюдали, то мы этих гостей из будущего уже не раз бы встречали. Как ни маскируйся, натура выдаст. Воспитание подведет, незнание какой-то мелочи, которая всем остальным известна. Откуда ему, к примеру, знать, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

— Шестое, — ответили хором Погосян, Удалов и Василь Васильич.

— Вот видите, — обрадовался Грубин. — Вас не поймает. А он бы не знал, потому что уже через сто лет соответствующие документы будут потеряны.

— И я не знаю, — сказал Ложкин. — Я даже не знаю, кто первое занимает.

— Сердобольский «Металлист», — пояснили Погосян, Удалов и Василь Васильич.

— А я не знаю, — упорствовал Ложкин. — Я, значит, тоже путешественник во времени?

— Может быть, — сказал Погосян и посмотрел на Ложкина сурово. — Никому в этих вопросах доверять нельзя.

— Не беспокойся, Ложкин, — вмешался добрый Грубин. — Мы тебя знаем. В случае подтвердим где надо.

— Если кто не наш человек, так это жена погосяновская, Берта, — сказал на это Удалов. — Вчера моего Максимку за ухо драла. Свой человек так делать не будет.

— За дело, — сказал Погосян. — Стекло разбил. Не будет хулиганить.

— Если бы я пришельца из будущего встретил, — сказал Грубин, — я бы ему сразу задал два-три вопроса.

— Не видать тебе пришельца, — сказал Погосян. — Что может заинтересовать культурного человека в нашем городишке?

— Какое заблуждение! — воскликнул Ложкин. — На сегодняшний день наш город представляет общесоюзный интерес. С одной стороны, семьсот пятьдесят лет. С другой — открытие памятника, то есть отдали должное нашему славному прошлому.

Гости со всех сторон. По радио из Москвы передавали. Я бы на месте потомков не сомневался, куда устроить экскурсию.

— Корнелий! — позвала из окна Ксения Удалова. — Мы готовы. Плащ брать будешь?

— Не буду.

— Дождя не намечается, — сказал старик Ложкин. — Я в газете читал. Там же написано, что писатель Пацхверия на торжество прибыл. С Камчатки делегация. Ткачиха Федорова-Давыдова. Ждут одного космонавта, но фамилию пока не сообщают. Это не считая туристов.

— Подумаешь, — сказал презрительно Погосян, чтобы оставить за собой последнее слово. В действительности он был пламенным патриотом Великого Гусляра, но об этом знали только его родственники в Ереване.

Старуха Ложкина спустилась во двор и спросила:

— Вечно будем прохлаждаться? Без нас начнут.

— Иду, чижик, — ответил Ложкин. — Мы тут беседу провели.

Они вышли со двора первыми. За ними потянулись остальные. Соседи сразу забыли о разговоре, лишь у Удалова он не шел из головы. И настолько его поразила возможность встретить на улице гостя из будущего, что он начал с подозрением приглядываться к людям. И в людях обнаруживал странные черты, которых раньше не замечал и которые могли указывать на чужеродность, на маскировку.

Шел навстречу провизор Савич с женой, директором универмага. Казалось бы, давно знает Удалов Савичей, но сегодня лысина Савича блестела не по-нашему, и как-то неестественно держал он жену под руку. Может, Савича заслали? Но тут же Удалов сказал себе: нет. Вряд ли из-за одного праздника им стоило направлять резидента в Великий Гусляр. Ведь если Савича не подменили, то Удалов знает его лет двадцать. Подумав так, Удалов сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответили Савичи.

Прошли четыре физкультурника в голубой одежде. Физкультурники спешили на парад. Удалов понял, что гость из будущего может укрыться среди физкультурников и тогда его трудно будет отыскать. Потом отбросил эту мысль. Сложно будет им в будущем подыскать такой костюм. А все настоящие костюмы на учете.

С каждым шагом Удалов все более убеждался — пришелец из будущего проник в Гусляр. И необходимо его отыскать, побеседовать по душам. Подумать только, никто до Удалова не выходил на улицу с целью обнаружить путешественника во времени среди самых обычных людей. А новый, хоть и простой, подход к проблеме может таить в себе открытие.

— Что с тобой, Корнелий? — спросила Ксения. — Ты чего отстаешь?

Корнелий посмотрел новыми глазами на Ксению и сына Максимку.

В них сомневаться вроде бы не приходилось. С ними все в порядке. Но Удалов ощутил, что между ним и семьей вырастает стена отчуждения. Мужчина, имеющий перед собой возвышенную цель, вынужден отдалиться от обыденных забот и интересов. На всякий случай Удалов спросил жену:

— Ксюша, ты не знаешь случайно, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

— Спятил, — сказала уверенно Ксения.

— Шестое, папа, а что? — поинтересовался шустрый сын Максимка.

— Молодец, сынок, — одобрил Корнелий. И устыдился своих сомнений.

— Все-таки что с тобой происходит? — спросила Ксения.

— Я думаю, — сказал Удалов.

— Что-то я за тобой этого давно не замечала, — ответила Ксения. — Под ноги смотри, спотыкнешься.

На краю площади стояли киоски с прохладительными напитками и сигаретами. Свежесколоченная трибуна возвышалась перед памятником, покрытым брезентом. Ксения задержалась, увидев Раису Семеновну, лечащего врача. Ей захотелось в неофициальной обстановке посоветоваться о последних анализах. Раиса Семеновна обиженно щурилась под очками, но на вопросы отвечала, потому что была связана клятвой Гиппократы. Удалов, пока суд да дело, купил бутылку пива и сел за столик с верхом из голубого пластика. Столики эти, вынесенные из столовой, образовали кафе на открытом воздухе.

За столиком сидели два шофера из автобусов, на которых приехали туристы. Шоферы ругали какого-то старшину на сто

десятом километре. Удалов угостил шоферов сигаретами и тоже немного поругал старшину, которого в глаза не видел.

Но лишь малая часть сознания Удалова была занята беседой с шоферами. Глаза рыскали по площади, перескакивая с одной группы людей к другой, потому что времени терять было нельзя. Упустишь пришельца сегодня — никогда больше не поймаешь.

В проходе между столиками возник немолодой мужчина. Он держал в руке бутылку и стакан, двигался неуверенно, не мог найти, куда сесть. Что-то острое кольнуло Удалова в сердце. Шестое, седьмое, восьмое чувства приказали ему: «Удалов, спокойно, это он».

— Садись к нам, — будто угадав мысли Удалова, сказал один из шоферов, которого звали Колей.

— Сердечно благодарю, — ответил с расстановкой мужчина и опустился на стул рядом с Удаловым.

И тут же маленькая, ничтожная, незаметная для других деталь бросилась Корнелию в глаза. Мужчина, садясь, не подтянул брюк, как делает каждый человек, хранящий на брюках складку.

Лицо мужчины было слишком обычным. Не гладкое и не морщинистое. Словно маска. Под мышкой у мужчины был черный потрескавшийся портфель с медным замочком. Из портфеля торчал рукав красного свитера или кофты. Брюки были коротковаты, будто достались не по размеру. А между верхом высоких ботинок и низом штанин проглядывали клетчатые носки. Глаза прятались за дымчатыми очками.

Мужчина мог оказаться единственным шансом Удалова. Корнелий смотрел на его обычные бритые щеки и ждал: что скажет пришелец? Ведь не обратишься к человеку с вопросом: «Вы из какого века нашей эры?»

Турист пил пиво маленькими глотками и молчал.

— Ну как пиво? — спросил его шофер Коля.

— Гусярское «Жигулевское», — добавил Удалов. — С дореволюционных времен известно.

— Знаю, — ответил коротко мужчина и улыбнулся застенчиво. — Давно собирался попробовать.

— А вы откуда будете? — спросил шофер Коля.

— Из Москвы. Специально приехал.

«Правильно, — подумал Удалов. — Вологду ему опасно упоминать. Могут найтись свидетели. А Москва большая».

— Едут же люди, — сказал шофер постарше. — Что вам, в Москве своих памятников мало?

«Молодец, — подумал Удалов о шофере. — Играет на руку».

— Памятники бывают разные, товарищ, — объяснил мужчина. — Я много лет изучаю историю русского Севера, освоение Урала и Сибири. Этот памятник говорит о многом. Я давно ждал его открытия. Но никак раньше выбраться не удавалось.

— А выбрались бы — памятника не увидели бы.

Но путешественника во времени нелегко было застать врасплох. Он ответил сразу и почти без акцента:

— Я бы и раньше увидел памятник, потому что его должны были установить много лет назад. Так что в моем воображении он уже существовал.

— Увлеченность — дело хорошее, — сказал старший шофер. — Я пойду еще пива возьму. Наша группа здесь на ночь останется. Так что старшина нипочем.

— Спасибо, мне больше пива не надо, — отказался пришелец, но по глазам шофера понял, что намерения у них твердые, и достал из кармана десятку.

Он еще только сунул руку в карман, а Удалов уже знал, какой будет эта десятка — новенькой, без единой морщинки. А если взять бумагу на анализ, окажется, что изготовлена она не сегодня, а послезавтра.

Шофер денег с путешественника во времени, разумеется, не взял, принес полдюжины бутылок, и пришлось путешественнику, когда пиво кончилось, сходить к киоску и принести еще четыре бутылки.

— Ну и как? — спросил Удалов, когда, покачиваясь от выпитого, мужчина вернулся к столику. — Продавщица ничего не заметила?

— А что она должна была заметить? — Мужчина вперился в Удалова пронзительными глазами из-под очков.

Удалов смешался.

— Я так, — сказал он. — Пошутил.

— На какую тему вы изволили шутить?

Ну и характер у этих людей будущего, подумал про себя Удалов, но вслух ничего не высказал, а отшутился:

— Анекдот такой есть. Будто решили двое фальшивые деньги делать. Сделали четырехрублевую бумажку. Думали, где бы разменять, пошли к соседу. Он им и дал взамен две бумажки по два рубля.

Никто не засмеялся. Только шофер постарше спросил:

— Разве по четыре рубля бумажки бывают?

— Нет, — твердо ответил путешественник во времени. — Я точно знаю, что советское казначейство не выпускало и не выпускает купюр по два и четыре рубля.

— За здоровье министра финансов! — предложил Коля. — Чтоб он и дальше нас не путал, выдавал зарплату десятками.

— Новенькими, — вставил Удалов.

— Нам что новенькими, что старенькими, — ответил Коля.

— Ах вот вы о чем? — сообразил мужчина. — У меня новеньких бумажек много. Перед отъездом премию получил.

Он вынул из кармана пачку денег. Бумажек двадцать, свежих, блестящих.

— Мне вот такими выдали.

— Где? — быстро проговорил Удалов.

Но ответить помешали шоферы.

— Чего к человеку привязался? — спросил Коля. — Где надо, там и выдали. Не наше дело.

Пришелец из будущего смотрел на Удалова с неприязнью, хмурился. Разоблачения ему не нравились. «Ничего, припрям тебя к стенке, — думал Удалов. — Найдем аргументы».

На трибуне перед памятником появились руководители города и почетные гости. Товарищ Батыев подошел к микрофону. Люди прислушались.

— Я пойду. Спасибо, — поднялся пришелец.

— Я с вами, — сказал Удалов.

— Обойдусь без вашей компании, — ответил мужчина, блеснул очками и стал бочком, как краб, протискиваться поближе к трибуне.

— Отстань ты от него, — сказал шофер Коля. — Пускай себе гуляет.

— Надо, — отрезал Удалов. — Не наш он человек.

И тут же пожалел, что проговорился. Шоферы сразу заинтересовались.

— В каком смысле не наш? — спросил старший. — Ты, брат, не темни, откройся.

— Есть у меня подозрения, — сказал Удалов и нырнул в толпу вслед за пришельцем. В голове ощущался звон от выпитого пива, хотелось прилечь на травку, но сделать этого было нельзя, потому что до полного разоблачения оставался один шаг.

— Корнелий! — крикнула Ксения, разглядев в толпе его лысину. — Ты куда?

К счастью, товарищ Батыев взмахнул рукой, грянул духовой оркестр, рухнул брезент, обнаружив под собой бронзовую фигуру землепроходца.

Удалов ввинчивался в толпу, стараясь не потерять направления, в котором скрылся упрямый гость из будущего.

И вдруг Удалов уперся в спину пришельца. Тот не заметил приближения преследователя, потому что был занят. Записывал сведения в книжечку. Удалов деликатно ждал, пока мужчина кончит записывать, потому что бежать тому было некуда.

Наконец начались речи, пришелец спрятал книжечку в портфель, и тут Удалов легонько тронул его за плечо.

— Вы здесь? — удивился мужчина. — Что вам нужно?

— Чтобы вы во всем сознались, — прямо сказал Удалов.

— Вы меня удивляете, — ответил пришелец и попытался углубиться в толпу.

Но Удалов крепко держал его за полу пиджака.

— Поймите, — объяснил Удалов. — Вы там должны быть гуманными и разумными. Так что раз попался, поговорим.

— С чего вы решили, что мы там гуманные и разумные? — удивился пришелец. — Где вы об этом прочитали?

— Предполагаю, — ответил Удалов. — Иначе нету смысла жить на свете.

— Благородный образ мыслей, — согласился пришелец. — Но ко мне это не относится. Я эгоистичный человек, проживший без пользы большую часть жизни, любящий деньги и не любящий собственную жену. Уверю вас, это чистая правда.

— Ладно, ладно, везде бывают моральные уроды. В порядке исключения, — сказал Удалов. — Хотел бы я к вам приехать.

— Ну и приезжайте.

— Ну и приеду.

— Поселиться? — спросил пришелец.

— Да. Или на время.

— Многие хотят, — сказал пришелец.

Произошла пауза. Удалову хотелось еще что-нибудь сказать, проявить гостеприимство, наладить отношения.

— А у нас здесь тоже места хорошие, — сказал Удалов. — Окрестности просто изумительные. Лес, холмы, охота на тетерева.

— Охота — жестокое занятие, — сказал гость из будущего. — Животных надо охранять, стремиться к пониманию, а не истреблять.

— Правильно, — поддержал его Удалов, который на прошлой неделе собрался было на охоту, да проспал, без него охотники ушли. — Совершенно с вами согласен. Вот только если с удочкой посидеть...

— А какая разница? — строго спросил пришелец. — Рыбе разве не хочется жить?

— Ой как хочется, — ответил Удалов.

Наступила пауза. Контакт не получался. Мужчина рассеянно прислушивался к речам и поводил взглядом вокруг, будто разыскивал в толпе разреженность, хотелось сбежать.

— Но многие порядочные люди, — нашелся наконец Удалов, — были страстными охотниками. Возьмите, к примеру, Тургенева. Это писатель прошлого века, автор книги «Записки охотника».

— Читал, — сказал пришелец. — И все-таки хладнокровное убийство живого существа аморально.

— Верующий он, что ли? — раздался голос за спиной Удалова.

Обернувшись, Удалов увидел шофера Колю, который, движимый любопытством и желанием помочь Корнелию в охоте на постороннего человека, пробился к трибуне и слышал весь разговор.

Пришелец блеснул очками на Колю и сказал с обидой:

— Если вы хотите узнать, есть ли у меня идеалы, отвечу, что нет.

— Сам, наверное, свиную отбивную уважает, — сказал Коля Удалову, достал пачку «Беломора», закурил. — А возражает против животноводства.

Бороться с двумя соперниками зараз пришельцу из будущего было не под силу. Он извернулся с ловкостью, неожиданной у такого пожилого человека, проскочил под локтем у соседа и замелькал в

толпе, удаляясь к краю площади. Удалов рванулся было за ним, но шофер Коля, перебравший пива, пыхнул дымом в лицо Корнелию и потребовал:

— Ты не крути, не рвись за человеком. Ты лучше объясни, что в нем такого? Я сам чувствую — не то, а сформулировать не могу.

— Да это так, личное, — попытался уйти от ответа Удалов.

— Нет, не пойдет, — ответил Коля. — Выкладывай.

Он крепко держал Удалова за грудки, люди вокруг стали оглядываться, и тогда, опасаясь скандала, Удалов сказал:

— Выйдем отсюда.

— Выйдем, — согласился Коля.

Они выбрались из толпы. Пиво булькало в голове.

Пришельца не было видно. Погоня за человеком из будущего не удалась. И Удалов, взяв у Коли папиросу, рассказал ему честно, как на духу, о своих подозрениях.

Коля оказался неглупым парнем. Он основную идею понял, хотя отнесся к ней критически. Возражения у него были, как у Погосяна:

— С чего это из будущего являться в Гусяр, хоть и в праздник?

— Ничего не понимаешь, — сказал Удалов, прислоняясь к широкой, чуть пахнувшей бензином груди шофера. — Хоть ты мне и друг, но не понимаешь, какой мы с тобой сегодня шанс упустили. Мы бы у него все узнали.

Коля посмотрел на Удалова сочувственно, столкнул на затылок эстонскую восьмиугольную фуражку, сплюнул окурок и произнес:

— А ты, друг, не расстраивайся. Если нужно, твой Коля всегда кого надо к стенке прижмет. Он тебя обидел? Обидел, не возражай. Мы его найдем и припррем. Ты только Николаю скажи, и припррем. Пошли поймаем этого шпиона.

Друг Николай шел впереди не очень уверенными широкими шагами. Удалов семенил сзади и бормотал:

— Ты не так понял, Коля. Он меня не обидел. С ним так нельзя...

— Не отставай, — сказал Коля. — Его давно разыскивают. В книжечку записывал, а мяса не ест. Сейчас мы у него все узнаем. Не отвертится.

Пришелец из будущего убежал к реке, к большому собору. Там присел на зеленую скамейку в сквере и снова раскрыл записную книжку. Отсюда площадь была не видна, лишь глухой гул и отдельные

слова ораторов, усиленные динамиками, доносились до кустов. Пришелец чувствовал себя в безопасности. Но непрямым путем, наугад выбранный Колей и Удаловым, привел их в скверик. Именно к этой скамейке.

При виде преследователей пришелец затолкал в карман записную книжку, подхватил портфель и хотел было бежать. Но Коля узнал его.

— Стой! — крикнул он. — Руки вверх! Не пытайся от нас скрыться!

— И не подумаю, — ответил с достоинством пришелец. — Если вам нужны деньги, возьмите, сколько нужно. У меня скромные запросы.

Он попытался вытащить свои новенькие червонцы, но Удалов жестом остановил его.

— Мы не грабители. Вы не так поняли.

— Мы не грабители, — сказал Коля. — От нас не откупишься. Мы тебя раскололи. Ты к нам из будущего явился. Сознавайся.

Удалов взглянул на Колю с укоризной. Прямота могла все испортить.

— Это неправда, — возразил пришелец. — Вы этого никогда не докажете.

— А нам доказывать не надо, — сказал Коля. — Сейчас тебя осмотрим и найдем при тебе фальшивые документы.

— У меня нет с собой документов. Они в гостинице остались.

— Они с собой документов не берут, — согласился Удалов. — Это вполне даже разумно. А может, тогда и не будет документов.

— Все? — спросил пришелец. — Я могу идти?

— Сознаешься — пойдешь, — сказал Коля.

— В конце концов, — убеждал Удалов, — мы тратим время, вы тратите время. А у нас к вам только научный интерес. Никакого другого.

— Точно, — сказал Коля. — Нас тугриками не подкупишь.

Пришелец нахмурился, размышляя. Видно, понял, что ему уже не скрыться и лучше на самом деле покаяться. И уйти восвояси.

— Ну, — торопил его Удалов. — Из какого вы века?

Пришелец глубоко вздохнул. Под очками блеснули слезы.

И в этот момент две девушки в брючках и разноцветных кофточках возникли на ступенях собора.

— Ах, — сказала одна из них, не замечая драматической сцены. — Какие изумительные фрески семнадцатого века. Какая экспрессия!

— А изразцовая печь? Ты видела, Нелли, изразцовую печь?

— Видела. Смотри, кто там, внизу?

Девушки сбежали по ступеням и устремились к мужчинам.

— Сергей Петрович! — верещали они наперебой. — Вы были совершенно, абсолютно правы! Страшный суд расположен не канонически! Гуслиарская школа существовала! Рапорт посрамлен!

«Вызвал подкрепление с помощью телепатии, — подумал Удалов. — Теперь их трое, а нас только двое. И эти девушки, может, даже не девушки, а будущие милиционеры».

— Какое счастье! — воскликнул пришелец. — А я уж не надеялся вас увидеть!

— Вам угрожают? — спросила подозрительно одна из девушек, обжигая взглядом Удалова.

— Ни в коем случае, — сказал шофер Коля и потянул Удалова за рукав.

— Сейчас все наши придут, — пригрозила девушка.

«Сколько их здесь? — подумал Удалов. — Ведь меня могут ликвидировать, если покажусь опасным».

И в самом деле, словно услышав девушку, в дверях храма показалось человек десять, с фотоаппаратами, блокнотами и кинокамерами, высокие и низкие, молодые и старые, с ними Елена Сергеевна из городского музея.

— А, вот и вы, профессор! — воскликнул один из них. — Сектор истории искусств рад приветствовать своего шефа у этих древних стен.

— Сергей Петрович!

— Сергей Петрович! — неслись возгласы.

— Уважаете своего профессора? — поинтересовался Коля.

— Еще бы, — ответила девушка. — Он нас всех воспитал! Его весь мир знает!

Уходя в окружении учеников и сотрудников, профессор оплянул и подмигнул Удалову. Доволен был, что отделался от психов.

Корнелий опустился на скамейку, понурился. Коля сел рядом, снова закурил и сказал:

— Не повезло нам, друг Корнелий. Хоть идея у тебя была богатая!

— Забыть бы о ней. Ты уж, попрошу, никому ни слова.

— Мне что — я за баранку, только меня и видели. А ты на что рассчитывал? Если бы он и в самом деле оттуда?

— Ну, чтобы рассказал нам о светлом будущем.

— М-да, дела. Я пошел. Ты парень хороший, только кавардак у тебя в чердаке. Еще в школе учили, что таких путешествий быть не может. Держи на память! — Он сунул что-то Корнелию в наружный карман пиджака и ушел. Обернулся, помахал рукой и улыбнулся дружески.

Удалов не спешил возвращаться на площадь. Охоту за профессором мог заметить кто-нибудь из знакомых. Нехорошо. Удалов залез себе в карман, поглядел, что за подарок оставил шофер. Оказалось — карточка, календарик размером с игральную карту, какие предусмотрительные люди носят в бумажниках. На нем было написано золотыми буквами:

КАЛЕНДАРЬ НА 2075 ГОД

На обороте картинка — город с длинными домами, над ним парят летательные аппараты и светит солнце. Картинка была объемной, и микроскопические листочки на деревьях чуть шелестели под ветром будущего.

— Стой! — крикнул Удалов в пустоту. Потом сказал: — Эх, Коля!

Кладезь мудрости

Явился Корнелию Удалову во сне пришелец.

— Корнелий, послушай, — сказал пришелец. — Мы, в Галактике, знаем, что ты очень расположен к космической дружбе.

— Да, — согласился Корнелий. — Верю в возможность контактов и по мере сил...

— Погоди, — перебил его пришелец. — Времени у меня в обрез.

Пришелец был окружен чем-то голубым, и за сиянием трудно было различить его формы. Корнелий понимал, что встреча происходит во сне, но просыпаться не торопился: любил поговорить с новым человеком.

— Мы в Галактике посоветовались, — продолжал пришелец, подлетая ближе и заключая Удалова в пределы своего сияния, — и решили, что ты нам подходишь. Сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал Удалов.

— И вот в благодарность за твои прошлые и будущие заслуги мы тебе даем дар. Космического масштаба. Одновременно должен тебя предупредить, дар этот — испытание всей планете, всему человечеству. Сможешь подарком распорядиться — значит, человечество доросло. Нет — придется подождать.

— А почему ваш выбор пал на меня? — спросил Удалов из скромности.

— Я же сказал — за заслуги. И к тому же ты самый что ни на есть средний и обычный человек в Гусяре.

— Я-то? — спросил Удалов с некоторой обидой.

— Не важно, — ответил пришелец. — Спешу я. Энергия на исходе. За то время, пока я с тобой нахожусь в телепатической связи, пришлось выключить свет на двадцати трех планетах. Так что принимай дар — и до свидания. В случае если не справишься, только скажи вслух: «Игра закончена». И все вернется на свои места.

Не успел Удалов ничего ответить, не успел даже руки протянуть за даром, как сверкнула молния, и Удалов проснулся.

Было раннее утро. За окном шел дождь. Рядом спала Ксения и вздыхала во сне. «Интересно, — подумал Удалов, — она наш разговор

слышала?» Где-то за тремя стенами зазвонил будильник. Пять тридцать, старик Ложкин встает делать зарядку и кормить птичек. А может, сон как сон? Может, и не было пришельца?

Удалов выпростал из-под одеяла руки. Руки были пусты. Никакого дара.

— Чепуха, — сказал Удалов и снова заснул. Вторично он раскрыл глаза в половине восьмого. Сын Максим собирался в школу, Ксения хлопотала на кухне.

— Уроки выучил? — спросила она сына. — Опять вчера с Сашкой мяч гонял до темноты?

— А нам ничего не задали, — ответил Максим Удалов, очень похожий на своего отца курносый носом, цветом пшеничных волос и склонностью к излишнему фантазированию.

— Как так не задали? — сердилась Ксения. — Я в дневник смотрела. По истории про бунт стрельцов кому задавали?

— Я про бунт знаю, — сказал Максим.

— Господи, если бы я проверить могла, — говорила Ксения. — Я бы тебя по урокам гоняла как сидорову козу. Все дела, хозяйство.

— Ксения, разбудила ты меня, — произнес Удалов. — Мне сегодня только к одиннадцати в контору. Вчера говорил.

— Все равно вставай, — ответила Ксения, которая легко переносила свое раздражение с одного члена семейства на другого. — Сколько раз просила — почини замок в прихожей. В один прекрасный день всех нас унесут, ты даже не заметишь. Сын опять уроков не выучил. Опять двойку принесет. Про стрелецкий бунт ничего не знает.

— Ничего не знаю, да больше вас, — ответил грубо Максимка. — Если вам сказать, что Суворов его подавлял, даже не удивитесь.

— Историю я крепко подзабыл, — сознался Удалов.

И тут что-то щелкнуло у него в мозгу. Будто открытая страница учебника возникла перед глазами. Удалов просмотрел страницу и сказал совершенно спокойно:

— Плохо вас учат, сынок, если Суворов стрелецкое восстание подавлял. Особенно если учесть, что за спинами стрельцов стояла царица Софья, старшая сестра Петра Первого, и князь Голицын, ее основной полководец. Суворов, кстати родившийся лишь в 1730 году, никакого участия в этом принимать не мог.

Сказав так, Удалов спустил ноги с постели, нащупал шлепанцы и поднялся во весь рост. Сын Максимка как стоял у двери, так и замер. Ксения выпянула из кухни с крышкой от кастрюли в руке и спросила:

— Ты это сам или заглянул куда?

— Сам, — ответил Удалов. — Спешу, Максимка, в школу и в будущем не обманывай папу. Скажет тоже, Суворов...

— Иди к столу, — сказала Ксения, подобрев. — Каша остынет.

— Сон я удивительный видел, — начал Удалов, заливая кашу молоком. — Будто явился ко мне космический пришелец и говорит: «Получай, товарищ Корнелий Удалов, за твои передовые дела необыкновенный подарок».

— Рехнешься ты со своими пришельцами, Корнюша, — пожалела его Ксения. — А подарок какой?

— Вот в том и беда, что не знаю. Проснулся я, а подарка нет.

— То-то и оно. Мне вчера, например, танк приснился. А на нем соседское белье висит. Тоже, наверное, чего-нибудь значит.

— Наверное, — произнес Удалов разочарованно. Ему было жалко такого редкого сна.

— Между прочим, — продолжала Ксения, — вчера нам счета принесли. Опять за электричество два сорок два. Это надо только подумать, сколько энергии холодильник жрет!

— Два сорок три, — автоматически поправил ее Удалов. — А пришельцу для того, чтобы к моему разуму проникнуть, пришлось без света несколько планет оставить.

— Два сорок два, — сказала Ксения. — Я смотрела.

— Ну да, два сорок три.

— Ты что, шутить со мной вздумал? Ведь я как счет получила, сразу его в шкатулку спрятала. Когда залезть успел?

— Не видел я твоего счета, — искренне обиделся Удалов. — Просто так показалось мне, что два сорок три.

— Ну уж погоди.

Ксения вынула из комода под зеркалом расписную шкатулку федоскинской работы с изображением тачанки, подаренную к свадьбе удаловскими соучениками по школе, раскрыла ее и сверху достала голубой листок — счет за электроэнергию.

— Вот. Полюбуйся.

Но листок мужу не отдала, потому что увидела, что на нем написано: «2 руб. 43 коп.».

— Лазил, — сказала она убежденно.

— Не лазил, а догадался, — ответил Удалов.

— Лазил. Ревнуешь, проверяешь, где письма храню.

— Нужна ты кому-то.

— Вот-вот, была нужна, Семенской мне какие предложения делал!

— Так этот Семенской тебя двадцать лет как забыл.

— А почему забыл? Потому что я лучшие годы на тебя потратила. Все тебе отдала, что было во мне свежего, нераспустившегося. Как березка в весеннем наряде...

Ксения провела руками по широким бедрам и заплакала.

— Ну-ну, — сказал Удалов, собираясь на службу. — Ну не надо, чего уж там...

Удалов шел на работу не спеша. Пришлось покинуть дом раньше, чем рассчитывал, и он выбрал дальний путь — по набережной, мимо собора, мимо дома купцов Анучиных восемнадцатого века, через рынок, сентябрьский, разнообразный, веселый.

По пути Удалов думал о событиях, приведших к власти Петра Первого. Раньше ему об этом думать не приходилось, все недосуг. А сейчас он понял, что, к сожалению, знает мало, крайне мало, в объеме школьного учебника. И очень хотелось разобраться в роли боярина Шакловитого, но учебник об этой роли сообщал крайне мало.

Впереди Удалова спешили в школу дети. Корнелий догнал одну девочку, поглядел на ее тонкий блестящий портфельчик из искусственной кожи и произнес вслух:

— Афта морнинг ти ай гоу ту скул.

Причем произнес с более-менее правильным произношением.

— Что? — спросила девочка, обернувшись. — Вы тоже этот урок проходите?

— Прохожу, — признался Удалов. И покраснел от нечаянной лжи. В школе он учил немецкий, а потом языками не занимался. И странно было не то, что он сказал английскую фразу и знал притом, что она английская. Фразу можно было случайно подслушать и запомнить. Беда заключалась в другом: Удалов знал весь учебник английского языка для пятого класса средней школы. Весь, целиком, и мог по

первому требованию процитировать любую страницу, включая выходные данные книги, помещенные на последней странице: тираж, имя корректора и дату сдачи учебника в печать.

Потом, думая о событиях, Удалов даже удивлялся, как он не догадался к тому времени, что это и есть космический дар. Но он не догадался. Удивился и пошел дальше.

На скамейке у техникума сидели будущие речники и зубрили тригонометрию. В голову Удалова хлынули тангенсы и прочие функции и тут же перемешались с исчерпывающими сведениями о приготовлении мучных блюд, потому что из соседнего дома вышла крайне толстая женщина с поваренной книгой в руке.

«Дела, — подумал Удалов. — Чего только не взбретет в ум».

У входа на рынок на шатком столике лежала стопка белых книжек. Рядом — мелочь в розовой мыльнице. На белой книжке была изображена древняя царица и имелась надпись: «Тайна золотого гроба». Многие люди, выходя с рынка, останавливались у столика и приобретали книжку, надеясь, что она просто про шпионов. Знакомый Удалову работник местной газеты Миша Стендаль тоже купил книжку про золотой гроб и, поздоровавшись с Корнелием, спросил:

— А вы чего же?

— Я археологией не интересуюсь, — громко ответил Удалов. — Скучновато изложено.

— Граждане! — перебила Удалова продавщица. — Покупайте новый роман о тайнах Египта! Кто убил Нефертити? Загадка старого дома на берегу африканской реки Нил!

— Вот, — сказал поучительно Стендаль. — Мало читаете, Корнелий Иваныч.

— Читайте, сколько могу, — произнес Удалов с достоинством. — Не меньше других. А этот труд имеет специальный характер. Для специалистов.

— Он знать не может, — возразила продавщица. — Мы эту книгу сегодня в ночь получили. Да и стою я здесь всего минут пятнадцать. Бывают же люди, придумывают что угодно, только чтобы настроение испортить.

— Ах так! — возмутился Удалов, теряя контроль над собой. — Откройте вашу тайну на странице... допустим, на странице сто тридцать. Открыли? Начинаю с одиннадцатой строчки сверху.

Стендаль шелестел страницами. Вокруг останавливались любопытные.

— «Тут же, на севере столицы, — полуприкрыв глаза, барабанил Удалов, — были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Аменхотеп IV, в большом количестве Семнох-ке-ре, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йо-та, его жены Анес-эм-ийот. Однако вместе с щитками Нефр-эт...»

— Стой! — вскричал Стендаль. — Вы фокусник?

— Миша, — ответил Удалов укоризненно. — Вы же меня знаете. Меня каждая собака в городе знает.

Удалов обернулся за поддержкой к населению. Многочисленные люди стояли вокруг, держа в руках раскрытые на сто тридцатой странице белые книжки, и шевелили губами, проверяя Удалова.

— А ну-ка, — сказал лысый дядя в гимнастерке. — Ты читай нам со страницы сто двадцатой. И с самого верха. Может, ты сто тридцатую специально заучил.

— Сколько угодно, — сказал Удалов. — Только дело не в том...

— Читай-читай.

Люди принялись искать сто двадцатую страницу.

— Вы бы за книжки платили, а то обложка белая, хватают все, кто потом купит? — говорила продавщица, но ее не слушали.

— «Го», — сказал Удалов. — Это перенос со страницы сто девятнадцать. «Го для Рэ. Кийа» с добавлением многолетия «жива она»!

— Правильно, так тебе перетак! — пришел в восторг человек в гимнастерке, достал из кармана галифе большое красное яблоко и протянул Удалову: — Ешь, не стесняйся. С твоими талантами учиться надо.

— Спасибо, — сказал Удалов, застеснявшись.

Ему вдруг представился собственный вид со стороны. Стоит начальник ремстройконторы у входа на рынок и бормочет про Древний Египет. Стало стыдно.

— Корнелий Иваныч, — сказал Стендаль, догоняя кинувшегося наутек Удалова. — Мне с вами надо поговорить.

Вслед неся голос опомнившейся продавщицы:

— Покупайте новый детектив о тайнах саркофагов! Кто убил Нефертити и ее мужа! Сегодня получено из Москвы!

Стендаль не успел схватить Удалова за локоть, как новые события отвлекли его внимание. По улице, задрав единодушно головы к маковкам церкви Параскевы Пятницы, шла группа иностранных туристов, довольно редких в Великом Гусяре. Группа состояла по большей части из пожилых дам с хорошо завитыми седыми буклями, в шляпках, украшенных бумажными и нейлоновыми цветами. Мужья этих женщин, заокеанские пенсионеры, были увешаны фотоаппаратами «Полароид» и «Кэнон» и имели бодрый вид.

Туристы оживленно переговаривались друг с другом. Удалов ел красное яблоко и не мог сдвинуться с места, потому что все понимал. До последнего слова. И даже знал слово в слово содержание англо-русских разговорников в руках интуристов.

Туристы говорили между собой с восклицательными знаками:

— Это же черт знает что за порядки!

— Великолепная варварская архитектура!

— Боже мой, какая сырость в этом городишке!

— Это похоже на Тадж-Махал!

— Миссис Генри, вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту. Как он уморителен! Какая славянская непосредственность!

— Черт знает что за порядки! Пора завтракать, а переводчица куда-то делась!

— Эта церковь изумительно бы гляделась на фоне Нотр-Дам-де-Пари!

— Что за безобразие! Мы платим полнокровную валюту, а переводчица куда-то делась!

— Вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту!

Тут Удалов понял, что туземец — это он. Тогда его охватило негодование, смешанное с жалостью к этим далеко оторвавшимся от родины людям, потерявшим переводчицу и завтрак. Он сделал шаг вперед и сказал с приятным бруклинским акцентом:

— Извините необразованного туземца, но, очевидно, вам следует сейчас повернуть налево, и вы выйдете непосредственно к гостинице «Великий Гусяр».

— Ах! — удивилась миссис Генри. — Простите, что вы сказали?

— Джентльмен выразился ясно, — сказал ее муж. — Послушаемся его и пойдем налево. Простите, сэр.

Вся группа туристов послушно повернулась за мужем миссис Генри, и лишь небольшого роста турист с напояженными курчавыми волосами остался на месте.

— А вы чего стоите? — спросил его по-английски Удалов. — Ах да, конечно, вы пуэрториканец и не все поняли.

Удалов небрежно перешел на испанский язык и повторил инструкции на родном языке пуэрториканца.

— О, спасибо, сеньор! — воскликнул турист. — Я не всегда понимаю, когда говорят по-английски так быстро, как вы.

И, взмахнув фалдами длинного песочного цвета пиджачка, турист бросился догонять спутников.

Миссис Генри, сворачивая за угол, сказала мужу в надежде, что Удалов не услышит:

— Здесь прохода нет от агентов ГПУ. По-моему, я видела его около «Националя» в форме генерал-лейтенанта.

Удалов услышал и улыбнулся горькой, снисходительной улыбкой.

Наконец Стендаль пришел в себя настолько, что смог открыть рот и спросить:

— Корнелий Иванович, почему вы никогда не говорили...

— А что тут говорить... — Удалов махнул рукой и быстро зашагал к конторе, чтобы в пути обдумать события и принять решение.

Быстрое воображение уже представило его, Корнелия, главным интуристским переводчиком. Вот он встречает самолет на Шереметьевском аэродроме, и оттуда выходят высокие негры. «Здравствуйте», — говорит им Удалов на языке суахили. За неграми следуют жители республики Мальдивских островов.

«Добро пожаловать», — приветствует их Удалов на родном языке островов.

Сбегают по трапу японские дети с белыми журавликами в ручках.

«С прибытием вас», — говорит им Удалов на языке Страны восходящего солнца.

А сзади уже бежит большой начальник из международного отдела. «Товарищ Удалов! — кричит он не своим голосом. — Товарищ Удалов. Вот ваш дипломатический паспорт. Срочно садитесь на самолет. Вы нужны в Аддис-Абебе. Там найдена надпись на

непонятном науке языке. Организация Объединенных Наций настаивает на вашей кандидатуре».

Летит Удалов к Аддис-Абебе. Черная Африка разворачивается под крылом. Слоны, носороги поднимают любопытные взоры и провожают самолет мычанием и дружественными криками. А на аэродроме ждут эфиопские академики.

«Как долетели?» — спрашивают они Корнелия.

«Спасибо», — отвечает он на безукоризненном эфиопском языке.

А там назначение послом или даже советником в одну африканскую страну, национального языка которой не знает никто, кроме Удалова...

«Диметилфталат — восемь граммов, — появилась мысль в мозгу Удалова, — водный раствор аммиака...» Нет, при чем здесь водный раствор аммиака?

Удалов поднял глаза и увидел в открытом окне аптеки провизора Савича, писавшего что-то в толстом провизорском блокноте.

— Лекарства изобретаете? — спросил Удалов.

— Да, вспоминаю кое-что.

— А водный раствор аммиака, — пошутил Удалов, — это как по-нашему?

— Нашатырный спирт, — сообщил Савич, и глаза его стали круглыми от удивления. — Я что, вслух разговаривал?

— Как сказать, — ответил Удалов и поспешил дальше.

К тому времени голова его была полна знаниями, приобретенными походя, за два часа. И Корнелий уже начал понимать, что его личная память здесь совершенно ни при чем. Ситуация складывалась куда более сложная. По какой-то причине он обрел способность моментально впитывать, как губка, любую письменную информацию, возле которой он оказывался. И для этого ему совсем не надо было раскрывать книгу или заглядывать в чужие блокноты. Можно было, к примеру, положить возле себя несколько учебников или справочников, и через секунду Удалов знал, что в них написано, до последней запятой.

— Любопытная чертовщина, — сказал Удалов. — А если голова лопнет?

К счастью, в этот момент Удалов прошел мимо киоска Союзпечати.

Он вобрал в себя содержание всех газет и журналов, даже старых, что лежали на прилавке и были развешаны по бокам. В том числе и того самого номера «Здоровье», где говорилось, что нормальный человек использует свой мозг, дай бог, на один процент. Остальные клетки лежат без движения и дармоедствуют, зря потребляют пищу и витамины.

— Ага, — сообразил Удалов и остановился посреди улицы. — Все понятно. Это и есть дар. Значит, был не сон, а фантастическая очевидность. Как же я с моими новыми способностями до такой очевидной штуки не додумался? Это стыд и позор.

А если сияющий пришелец сказал правду, то подарком надо уметь распорядиться. Его надо направить на пользу человечеству и способствовать таким образом межзвездной дружбе и взаимопониманию.

Какой следующий шаг должен предпринять разумный человек, который, если захочет, завтра станет академиком или по крайней мере членом-корреспондентом Академии наук? Пойти в библиотеку? Нет, не стоит. Там нечаянно впитаешь столько всякой чепухи, что даже девяносто девять процентов мозга не справятся. Отдать себя в руки медицины? Жалко свободы.

А ноги между тем независимо от мыслей несли и несли Удалова вперед и привели к дверям стройконторы. Руки сами собой открыли дверь, а язык сам по себе поздоровался с присутствующими сотрудниками. А так как голова Удалова была занята посторонними мыслями, то в ответ на вопрос бухгалтера, закрывать ли ведомости третьему участку, Удалов ответил туманно: «Академии наук виднее» — и проследовал за перегородку, в кабинет.

Там он опустил на стул, положил локти на кипу сводок и, все еще не сознавая, где находится, продолжал размышлять.

Прельщала дипломатическая карьера. Черная машина «Волга» у подъезда резиденции, уважительные иностранцы с коктейлями из виски в холеных пальцах и их секретарши в платьях декольте. Хотелось также попробовать себя в космической программе. «Только вы, профессор Удалов, можете подсказать нам, стоит ли подключать к этой ракете третью ступень». А вокруг стоят герои-космонавты и ждут ответа. Ведь от решения Удалова зависит, лететь им на Марс или погодить. Или еще можно разгадать тайны древних цивилизаций и

знать, была ли Атлантида или только померещилось. Такой путь вел к тихому академическому кабинету и бесплатным путевкам в дом отдыха для ведущих мыслителей. Ну и, конечно, к международным конгрессам...

«Нет, — решил наконец Удалов. — Спешить с опубликованием не будем. Не исключено, что завтра все пройдет и окажешься в дураках. В обеденный перерыв зайду в техникум и впитаю в себя высшую математику. Никогда не помешает. Потом в музей, узнаю, что там есть про Петра Первого. Вот так-то».

— Вы ко мне? — спросил он, поднимая голову.

— Мы уж пятнадцать минут стараемся добиться вашего внимания, Корнелий Иванович, — сказал мужчина с шоколадными глазами, боксерским носом и желтым импортным портфелем.

— Даже больше, — поддержал его маленький старичок.

Старичок был в очках, и линзы очков были такими толстыми и сильными, что в них помещался лишь вдесятеро увеличенный зрачок голубого цвета с прожилками. Старичок тоже держал в руках желтый импортный портфель.

— Ага, явились, — сказал Удалов. И в тот же момент он знал до последней строчки содержимое толстых портфелей. Там лежали в основном ведомости, справки, накладные и чистые бланки артели, поставившей стройконторе скобянку, замки, ключи и всякую мелочь.

Гости уселись напротив Удалова, и мужчина с боксерским носом произнес:

— День сегодня хороший, Корнелий Иванович.

День был плохой, ветреный, сумрачный, пасмурный. Слава богу, что хоть дождь перестал. Удалов молча согласился с гостем и изучил между тем все бумаги, лежавшие у того в карманах. И понял, что может стать величайшим ревизором современности, исключительным ревизором, которого ввиду знания языков будут приглашать в командировки в союзные республики, страны социалистического содружества, может, даже на Запад. И на двери его кабинета будет скромная табличка:

*«Комиссар милиции первого ранга, заведующий
специальным отделом по особо важным ревизиям К.И.
Удалов»*

— Да, день неплохой, — сказал старичок, и увеличенные жилки под очками заметно покраснели. — А вы на нас, говорят, в претензии. Незаслуженно и обидно.

— Так, — проговорил Удалов загадочно и постучал пальцами по столу.

— Нет, Корнелий Иванович, так дальше не пойдет, — сказал мужчина с боксерским носом и повел широкими плечами. — Артель старается, выполняет и перевыполняет план, бесперебойно снабжает вашу контору высококачественным товаром, а в ответ никакой благодарности. Я дойду до горсовета.

— А хоть до Вологды, — отрезал Удалов. Содержание одной из бумажек в правом верхнем кармане пиджака человека с боксерским носом его очень заинтересовало. Подчистка на накладной была сделана грубо, невооруженным глазом видно.

— Зачем так, товарищ Удалов, — огорчился старичок. — У нас все документы с собой. Лучший металл мы пустили на те задвижки. Опытных мастеров привлекли. Дней и ночей не спали. И все, получается, впустую?

— погоди, — прервал его спутник. — Если чем недоволен — зачем по официальным каналам? Скажи мне, я скажу Порфирьичу, Порфирьич сделает.

— Сделаю, — сказал старичок. — Всегда полюбовно.

— А задвижки от ветра гнутся, — сказал Удалов. — Замки вилкой вскрыть нетрудно. Строительство дома отдыха сорвано. А товар вы налево пустили. Разве не так?

— Не так, — убежденно возразил Порфирьич.

— А три тысячи восемьсот нечестных рублей поделили между собой?

— Какие деньги? — возмутился старичок.

А у его спутника неожиданно выступил пот на лбу.

— Сколько? — спросил он.

— Три тысячи восемьсот как одна копеечка. Ведь до сих пор все ваши преступные расчеты у вас в кармане лежат. Карандашом написано: *«Порфирьичу выделить семьсот двадцать. Шурову — триста. Удалову, если будет артачиться, сто в зубы»*. Разве не правда?

Человек с шоколадными глазами потерял присутствие духа. Он вскочил со стула, схватился толстыми дрожащими пальцами за карман.

— Продали! — воскликнул он.

Порфирьич со стула не встал. Порфирьич побледнел. Даже глаза побледнели.

— Три тысячи восемьсот? А мне семьсот двадцать? Так... Не будет тебе, бесчестный жулик, никакой пощады от народа ни на этом, ни на том свете, — сказал он тонким суровым голосом.

— И заявление в милицию напишем сейчас же, — закончил Удалов, куя железо, пока горячо.

— Я ничего не знаю, — сказал человек с боксерским носом, пытаясь сжевать вытащенную из кармана записку.

Записка была на хорошей, толстой бумаге и не жевалась.

— Не поможет, — заметил Удалов. — В правом верхнем кармане пиджака Порфирьича лежит подчищенная накладная на листовую сталь.

— Лежит, — подтвердил Порфирьич. — Лучше я сам сяду как невинный сообщник, но эту змею на много лет укатаю.

— Правильно, — одобрил Удалов. — Он вас и раньше за нос водил.

— Фи не шмееете! — прокричал с набитым ртом директор артели. — Я путу шалофаться!

— Жалуйся, жалуйся, — сказал мстительно Порфирьич.

— Некуда ему деваться, — согласился Удалов. — У вас же в портфеле неотразимая бухгалтерия.

И, видя, что надо нанести последний удар и повергнуть противника в нокаут, Удалов постарался вспомнить, что говорят в таких случаях следователи в кино. Недавно слышанные слова крутились в голове... «Ваша ставка бита!» Нет, не то... «Руки вверх...» Нет. Близко, совсем близко. Ага! И Удалов произнес страшным голосом, так что у самого встали дыбом на затылке редкие золотистые волосы:

— Игра закончена! Садитесь и пишите заявление. Чистосердечное покаяние — вот единственное, что может облегчить вашу участь!

Сверкнула молния, запахло озоном, бледный как полотно директор артели опустился на стул, достал шариковую ручку и с помощью Порфирыча стал писать признание.

А Удалов вдруг ощутил страшную пустоту в голове. Перводанную, нелепую пустоту. Он не помнил содержания ни единой из бумажек, лежавших в портфелях у артельщиков. Он забыл английский и испанский языки, он не мог вспомнить ни одной тригонометрической функции. Он даже запомнил чеканные рифмы поэмы, напечатанной в последнем номере журнала «Огонек».

— Но почему? — воскликнул он. — За что?

Артельщики метнули на него перепуганные взоры и еще быстрее стали писать признание.

— Сами отнесите в милицию, — приказал им Удалов и, более не сознавая ничего, бросился к выходу.

Снова крапал дождик по пожелтевшим листьям. Было тихо и обыкновенно. И с ясностью отдаленного ночного грома прозвучали в ушах Удалова слова пришельца: «В случае, если не справишься, скажи вслух: «Игра закончена», и все вернется на свои места».

— Я же не хотел! — взмолился, простирая к небу руки, Корнелий Удалов. — Это ошибка. Это случайная ошибка! ...Удалов вернулся домой и до вечера не промолвил ни слова. Он отказался говорить с Мишей Стендалем, который поджидал его у ворот, он не стал есть любимого супа с клецками. Он лежал на диване в брюках и переживал свою оплошность, не только закрывшую перед ним путь к дипломатическому будущему, но и лишившую все человечество немедленной дружбы с развитой Галактикой. И лишь вечером, выпив для успокоения сто граммов перцовки и сказав непонятные домашним слова: «Может, разберутся, отменят решение», Удалов подошел к столику сына и спросил его:

— Где у тебя учебник истории?

— А что, папа? У нас завтра истории нет. Не задавали.

— Глупый, — ответил отец. — Я просто хочу почитать про Петра Первого. И тригонометрию не прячь... Век живи, век учись... В Галактике с нашей серостью появляться стыдно.

Надо помочь

Корнелий Удалов сидел дома один, смотрел телевизор. Погода стояла паршивая, дождь, ветер, мокрые листья носятся по улицам, хороший хозяин собаку не выгонит. Жена Ксения взяла детей, ушла через улицу, к подруге, а Удалов отказался. Передача была скучная, хоть выключай и иди спать. Но выключать было лень. И когда Удалов собрался все-таки с духом, нажал на кнопку, в комнате возникло существо с тремя ногами, красными глазами и в очках.

— Здравствуйте, — сказала существо с сильным акцентом. — Извините мой произношение. Я учил ваш язык в спешке. Не беспокойтесь моим внешним видом. Я можно сесть?

— Садитесь, — предложил Удалов. — Как на улице, еще моросит?

— Я прямо из космос, — ответило существо. — Летел в силовое поле, и дождь не попадает.

— И чего пожаловали? — спросил Удалов.

— Я вам есть помешал?

— Нет, все равно делать нечего. Рассказывайте. Чай пить будете?

— Это для меня есть быстродействующий яд. Нет, спасибо.

— Ничего, если вредно, то не пейте.

— Я умирать от чай в судорогах, — признался гость.

— Ладно, обойдемся без чая.

Существо подобрало все три ноги под себя, забралось в кресло и вытянуло вперед лапку с сорока коготочками.

— Удалов, — сказала оно с чувством. — Надо помочь.

— Хорошо. Чем можем, будем полезны. Только чтобы на улицу не выходить.

— Придется выходить на улицу, — ответило существо.

— Жалко.

— Я прошу извинений, но сначала давайте нас слушать. — Существо выпустило изо рта клуб розового, остро пахнущего дыма. — Простуда, — сказала оно. — Очень есть далекий путь. Три тысяча световой год и восемьсот лет туда-обратно. Большой неприятность. Помирай крупики.

— Жалко, — произнес Удалов. — Родственниками вам приходится?

— Я объясняю? — спросило существо.

Удалов кивнул, взял лист бумаги, шариковую ручку, чтобы, если надо, записывать.

— У меня есть восемь минута. Меня зовут Фыва. Я есть с одна планета в констеласьон весьма отдаленный, ваш астроном знает, а вы не знает.

Удалов согласился.

— Мы есть давно прилетали к вам на Земля, брали опыты и экземпляры. Немножко помогай строить пирамиды Хеопса и писал «Махабхарата», индийский эпос. Очень относились с уважением, чужой не трогали. Один раз взяли ваши крупики и повезли на нашу планету.

— Погодите, — прервал его Удалов. — Кто такие крупики?

— Я забывай ваш слово. Маленький, серый, с ушами, сидит под елочкой, прыгает. Крупики.

— Заяц? — спросил Удалов.

— Нет, — возразило существо. — Заяц я знай, кролик знай, кенгуру знай. Другой зверь. Не очень важно. Генетика пробовали, большого вырастили, новую породу. Вся планета в крупиках. Очень важно в хозяйстве. Крупики подошли — начинается экономический кризис. Каждый день кушаем крупика.

«Кто же такие крупики? — мучился Удалов. — Может, тушканчики?»

— Нет, — ответило существо на мысль Удалова. — Тушканчики нет. Много лет проходит, три день назад крупики начинают болеть. И подыхать. Все ученые делают опыт, средство нет. Средство только у вас, на Земле. Сегодня утром меня вызывают и сказать — лети, Фыва, спаси наш цивилизация. Я понятно сказал?

— Понятно, — ответил Удалов. — Только вопрос: когда, говорите, к нам полетели?

— Сегодня. Завтрак кушай и полетел.

— И сколько, говорите, пролетели?

— Три тысячи световой год.

— Чепуха, — сказал Удалов. — Таких скоростей наука не знает.

— Если прямо лететь — не знает, — согласился гость. — Только другой принцип: я лечу во времени.

— Ну-ка, расскажите, — попросил Удалов. Он был очень любопытен и тянулся к новому.

— Одна минута рассказал, очень коротко. Время мало. Мы путешествуем во времени. Одно мгновение тысячу лет назад.

— Ну и приземлитесь на своей планете тысячу лет назад.

— Какой наивность! Не смей читать фантастическая книжка! Фантастический писатель наука не знает, друг у друга списывает. Неужели твой Земля на месте стоит?

— Нет, летает вокруг Солнца.

— А Солнце?

— Тоже летит.

— Вот, простой директор стройконтора, а знает. Писатель Уэллс не знает, писатель Парнов не знает. Какой стыд! Ты прыгни в завтра, прыгни в один час вперед — выскочил из камеры — нет под тобой никакой Земли — ты уже в космос, а Земля улетел дальше — из-под тебя улетел. Так просто. А если я на сто лет вперед или назад прыгну, Земля за это время далеко-далеко улетел. А другой планета или звезда на то место прилетел. Ты выскочил — уже на другой планете. Только надо считать. Очень много расчет делать. А то промахнулся — и задвижка.

— Крышка, — поправил гостя Удалов. Ему понравилось, что он оказался умнее известных писателей. — И вперед тоже прыгать можно?

— Нет, — ответило существо. — Время как океан. Что было — есть, чего не было — еще нет. Ты можешь в океан прыгай, ныряй, снова выныряй. Очень хорошо считал — на сто лет назад прыгай — одна планета. Еще пятьдесят лет в другой сторону — еще планета. Три раза прыгай — вынырнул на верх океана, уже на Земля. Только очень сложно. Каждый день нельзя прыгай. Иногда раз в сто лет совпадет. Иногда три раза в один час. У меня три минуты остался. А то не смогу домой идти.

— Ладно. Все мне ясно. А крупики — может, это мыши?

— Нет, мыши нет, — сказал гость. — Помогать будешь?

— Обязательно, — ответил Удалов.

— В твой город есть один средство. Красный цветок. Растет на окне одна бабочка.

— Бабушка?

— Бабушка. Дом три, улица Меркартова. Цветок надо сорвал и давал мне. Я сказал спасибо от имени вся планета. Крупики тоже живут. Тоже спасибо. Один час время у тебя есть. Я обратно лечу и цветок взял.

— А чего же сам не купил цветок?

— Нельзя, бабушка очень пугайт. Три нога из меня расти. Не получайт. На тебя вся надежда есть...

И тут пришелец растворился в воздухе, потому что его время истекло. И он, видно, начал свои прыжки во времени, чтобы вернуться домой и там доложить, что нащупал контакт с Корнелием Удаловым и Корнелий согласился помочь.

Удалов протер глаза, посмотрел еще на кресло, в котором только что беседовал пришелец. Кресло сохранило примятость в середине. Все это не было сном, а раз так, то придется помочь братьям по разуму. Но кто же такие крупики? Может, лисица? Или песец?

Удалов застегнул плащ, взял зонт и вышел на улицу. Пришельцу хорошо было в его силовом поле. А на Удалова обрушились бешеный ветер, дождевые брызги и скрип деревьев. Под ногами таились черные лужи, а путь на Меркартовскую улицу, хоть и не очень далек, пролегает в стороне от центра Великого Гусяра.

Пока Удалов добрался до дома три, он изрядно промок, в ботинках хлюпало, затекло за уши и под воротник. Домик был мал, выходил на улицу двумя окошками, в заборе виднелась калитка. Но прежде чем войти во двор, Удалов деликатно постучал в освещенное окно. Занавеска отодвинулась в сторону, и круглое румяное старушечье лицо приблизилось к окну. Удалов улыбнулся ему и пошел к калитке. Открыл мокрый холодный крючок и прислушался. В доме было тихо. В соседнем дворе забрехала отчаянно собачонка. Удалов подошел к шаткому крыльцу и поднялся на три ступеньки. Собачонка суежилась у забора, захлебывалась, словно охраняла два дома по совместительству.

Удалов толкнул дверь, и та отошла тяжело, со вздохом и скрипением.

— Есть кто живой? — спросил Удалов вежливо и шагнул в темноту. В тот же момент что-то тяжелое упало ему на голову и отключило его сознание. Последней мыслью Удалова было: «Наверное, крупики — это белки».

Удалов пришел в себя в горнице. Здесь было светло. Он сидел на скамье, прислонясь спиной к печке, чуть теплой, топленной утром. Напротив стоял грузный человек в пижаме и ватнике. В руке у человека была скалка. У человека были красный нос и грустные глаза.

«Все-таки крупики — это белки», — подумал Удалов, возвращаясь к действительности, и пощупал затылок. На затылке была шишка.

— Вы простите, если что не так, — сказал мужчина. — Меня тетя Нюша на помощь позвала. Я думал, что тот самый возвратился. В черных очках. Пристал, в окно стучится, угрожает: отдай, говорит, цветок. Иностранец, наверно. Бандит. А в дом не вошел. Тетя Нюша его шуганула, а меня на помощь позвала. Все-таки мужчина в доме. Я ее сосед, из соседнего дома.

Тут Удалов, разогнав из глаз разноцветные круги, заметил в стороне смущенную бабушку с румяными щеками.

— Я женщина одинокая, — объяснила бабушка. — Меня просто и ограбить можно.

— Правильно, — ответил Удалов и разозлился на скрытного пришельца.

Значит, тот не сразу к Удалову, а сначала побывал здесь, попытался цветок раздобыть. И все испортил. Ну хоть бы проинформировал Удалова об этом заранее. Теперь голова болеть будет. Может, даже сотрясение мозга. Это бывает. От скалки.

— Воды, — сказал Удалов.

— Нюша, дай воды.

Мужчина положил скалку на стол.

— А ты, Иннокентий, смотри за ним, — сказала Нюша, уходя в сени, где стала гремять кружкой, зачерпывая воды.

— Вы ее извините. Женщина одинокая, подозрительная. Я-то знаю, что взять у нее нечего. А она думает, что представляет интерес.

Удалов покосился на окно. Там стояли горшки с цветами. Одно из растений было осыпано красными бутонами.

— Вот-вот, — заметил его взгляд мужчина. — Из-за этих ничего не стоящих цветов вся катавасия вышла.

Бабушка принесла кружку с водой. Пока Удалов пил, она оглядела его с головы до промокших ног, и неизвестно, осталась ли довольна осмотром. В глазах ее не пропадало подозрение.

— Зачем пожаловали, батюшка? — спросила она Удалова.

В ином случае Удалов оставил бы разговор до завтра. Не время было приобретать цветок. Но теперь, судя по часам, до возвращения пришельца оставалось чуть больше получаса. Из них пятнадцать минут уйдет на обратную дорогу.

— Я мимо проходил. Заглянул в окошко и решил зайти.

— Зачем? — спросила бабушка.

— Ну, я пойду, тетя Нюша, — сказал грузный мужчина.

— Нет, Иннокентий, погоди, — возразила бабушка, — меня одну не оставляй.

Мужчина вздохнул, развел руками, словно извиняясь перед Удаловым.

— Чудесные цветы вы разводите, — сказал тогда Удалов.

— Опять? — спросила бабушка.

— Так разве я виноват, что такое совпадение получилось?

— Может, и виноват.

— Жена у меня любительница растений, — зашепел Удалов. Время шло. Пришелец уже торопится обратно, минуя звездные скопления и облетая метеорные потоки. — У нее день рождения завтра. Вот я и решил — куплю ей что-нибудь необычное. Как-никак шестнадцать лет вместе прожили. Ксенией мою жену зовут. Ксения Удалова. Я здесь, в Гусяре, работаю, директором стройконторы.

— Как же, слышал, — сказал мужчина. — В случае чего поможет тебе, тетя Нюша, стройматериалами.

— Если в пределах законности, помогу, — подтвердил Удалов.

Тетя Нюша чуть оттаяла.

— И шифер есть? — спросила она.

— И шифер, — сказал Удалов, хотя с шифером были трудности.

— А цветок не продается. Вы к моей соседке сходите. У нее герань чудесная.

— Герань у меня самого есть, — объяснил Удалов. — Три горшка.

— Да чего ты человека мучаешь, — сказал мужчина. — Продай ему цветок. Он не забудет.

— Не забуду, — сказал Удалов. — Вот этот красный цветок продайте. Сколько нужно — заплачу. Ведь не зря я по голове скалкой получил. Ведь тоже увечье. Пожаловаться можно.

— Жаловаться он имеет право, — сказал грузный мужчина. — У него шишка, не меньше, на затылке.

— Есть шишка.

— А ведь я, тетя Ньюша, твое задание выполнял. Тебя защищал. — Грузному мужчине хотелось поскорее домой.

Тетя Ньюша пригорюнилась.

— Вот, думала, помру, буду перед смертью цветком любоваться. Он у меня единственный, больше такого во всем городе нету. А кроме того, я к дочке собиралась съездить. В Архангельск. Дорога не дешевая.

— Дорогу оплачу, — сказал Удалов. — Сколько надо?

— Сто рублей, — произнесла бабушка и зажмурилась. Ждала, что скажет Удалов на такую наглость.

— Сто рублей нельзя, — ответил Удалов.

— Тетя Ньюша, постыдись, — произнес сосед.

— Лучше я отсюда прямо в дежурную поликлинику, — сказал Удалов. — Пусть меня медицински освидетельствуют, что мне нанесены побои.

— Тридцать пять, и ни копейки меньше, — сбавила цену бабушка.

— Ой, ты же, тетя Ньюша, самоубийца.

— Придется идти, — решил Удалов.

— А сколько дашь? — спросила быстро бабушка.

— Десять рублей дам.

— Десять мало. Десять один горшок стоит.

— А я горшок оставлю.

— А мне горшок без цветка не нужен.

— Двенадцать рублей — больше у меня денег с собой нету.

— А в поликлинику не пойдешь?

— Не пойду.

— А шифер достанешь?

— Постараюсь.

Тетя Ньюша вздохнула:

— Бери, бог с тобой.

Удалов вытащил из кармана деньги. Хорошо еще, что захватил с собой. Отсчитал две пятерки, рубль и девяносто копеек мелочью. Тетя Ньюша взяла с него обещание занести завтра гривенник, и Удалов обхватил пыльный тяжелый горшок.

Вышли во двор вместе с соседом. Сосед кутался в ватник, подбирал по-птичьи ноги в шлепанцах. Проводил Удалова до калитки, отворил ее. Бабушка загремела в сенях щеколдой.

— Послушай, — сказал грузный мужчина на прощанье, — ты про жену все врал. Почему двенадцать рублей за простой цветок отдал? Скажи, я никому ни слова.

— Да что там, — ответил Удалов, отклоняя головой ветви, чтобы не мешали смотреть вперед. — Все равно не поверите. На одной планете крупикидохнут. Их вылечить можно только этим цветком. Так что ко мне обратились за помощью.

— Ага, — сказал мужчина. — Вот это уже больше похоже на правду.

И когда Удалов уже отошел, ступая в лужи, он крикнул:

— А кто такие крупики?

— Не знаю! — крикнул в ответ Удалов. — Серые, говорят, пушистые, сидят под кустом.

— Наверное, кролики, — сказал мужчина.

— Может быть, — ответил Удалов и поспешил к дому, скользя по глине и прижимая к груди тяжелый горшок.

Пришелец ждал его возле дома, на улице, под деревом.

— Достал? — спросил он, выходя из тени. — Спасибо тебе огромного размера. Давай сюда. Домой я не мог. Твоя жена пришел.

Удалов поставил горшок с цветком на землю.

— Не узнали там у себя, кто такие крупики? — спросил он.

— Нет, не успел, — ответил пришелец. — Такой трагедия. На нас с вами весь надежда.

Он принялся быстро обрывать с веток красные бутоны.

— А весь горшок брать не будете?

— С горшком мне сквозь пространственно-временной континуум не прорваться. Нет такая возможность.

— Я бы знал, сам оборвал. А скажите, крупики — это не белки?

— Нет. Я полетел. Большой спасибо. Знаете что, наш планета будет ставить вам один большой памятник. В три роста. Я уже делал фотографий. Вы идете сквозь дождь и буря, а в руке у вас красный цветок.

— Спасибо. Одна деталь только, если вы не возражаете. Понимаете, какая история получилась: я все свои деньги на этот цветок истратил, а мне завтра взносы платить.

— Ой, какой есть позор для наша планета! Конечно, все деньги я тебе давай. Совсем забыл. Вот, держи. Доллар. Три тысячи доллар.

— Да вы с ума сошли, — возразил Удалов. — На что мне доллары? Мне нужно двенадцать рублей. Точнее, одиннадцать рублей и девяносто копеек. Если считаете, что я много заплатил за цветок, сами понимаете — такая срочность. А красная цена ему — рубль четыре с горшком.

— Красный цена ему — сто миллион ваши рублей.

— Мне лишнего не надо. Мне хотя бы рублей восемь.

— Бери доллары, — суетился пришелец. — Другой деньги со мной нет. Через три года снова удачный положение планеты, и я приеду и тебе даю рублей. А сегодня бери доллар.

Удалов хотел было возразить, но пришелец сунул ему в руку пачку хрустящих бумажек, крикнул:

— Спасибо! Фотографий памятник привезу со следующий визит!
И исчез.

Удалов вздохнул и пошел домой.

Ксения ждала его, не ложилась спать. Она встретила его упреками и не дала раздеться, требовала, чтобы сознался, с кем ходил на свидание.

— Да не было никакого свидания, — сказал Удалов, думая при этом: «А может, крупики — это вовсе слоны или леопарды? Ведь неизвестно, под каким деревом этот серенький ушастенький сидит. Может, под баобабом?»

— Стоит из дому уйти, — волновалась Ксения, — тебя уж и след простыл.

— Не волнуйся, — ответил Удалов, все еще думая о крупиках.

— А что у тебя в руке? — спросила Ксения, глядя на пачку долларов.

— Это так, доллары.

Удалов протянул жене деньги.
— Дожили, — сказала Ксения и заплакала.

Разум в плену

Если говорить о невезении, то мне ужасно, трагически не повезло. Если говорить о везении, то меня можно считать счастливымчиком.

Не повезло мне в том, что уже на втором витке я понял, что придется садиться. Двигатель, беспокоивший меня уже давно, отказывал. И не может быть ничего хуже, чем отказавший двигатель, когда между тобой и домом распростерлась добрая половина Галактики.

Повезло мне, и сказочно повезло, в том, что на планете обнаружилась пригодная для дыхания атмосфера. А это вселяло надежду на то, что я когда-нибудь, если смогу исправить двигатель, вновь поднимусь в космос и увижу близких.

Лик планеты был страшно изуродован катаклизмами. Глубокие трещины разрывали ее кору, невероятной высоты пики и горные хребты поднимались над атмосферой, и вершины их овевались космическим холодом.

Но у меня не было времени спокойно изучать мое временное, а может быть, и постоянное пристанище. Для этого наступит свой час. Я был занят одним — найти удобное для посадки и по возможности безопасное место. И я нашел его на поверхности обширного плато и решил уже, что опущусь там на следующем витке, но именно в этот момент двигатель совсем отказал.

Тогда я пролетел над темной стороной планеты, над горным плоскогорьем, громадным плато, которое так высоко поднималось над поверхностью планеты, что упасть там — значило обречь себя на верную смерть: атмосфера, вернее — остатки ее, таилась в этой части планеты в неглубоких ущельях и понижениях. Если я промахнусь — я погиб.

В последний момент перед крушением приборы показали: прямо по курсу котловина. словно метеор, пронесся я над безжизненной горной страной, корабль врезался в плотную атмосферу, иллюминаторы затянуло мглой, снижение замедлилось — и вот я на поверхности планеты. Я жив. Я потерпел крушение. Одинок ли я

здесь, или чуждый разум следит за мной? Готов прийти на помощь? Точит оружие, чтобы убить меня?

Я прильнул к иллюминатору. Включил биощупы. Корабль ошестинился иглами, шлангами, открылись глаза датчиков и уши локаторов. Наступил момент первого знакомства.

К тому времени, когда забрезжил рассвет, слабый, голубой, робкий, я уже многое знал о котловине, в которую попал. Разумной жизни здесь не было, но жизнь неразумная кипела вокруг, была опасна, кровожадна, и все особи в этом мире были в состоянии войны друг с другом: сильные пожирали слабых, слабые подстерегали еще более слабых.

Но сидеть без дела было нельзя. Пора покинуть надежные стены корабля, встретить новый мир лицом к лицу. Я вооружился бластером и открыл люк. Воздух оказался затхлым, стоячим, но дышать можно было. Мне надо было обойти корпус корабля, добраться до дюз и проверить их состояние. Приборы могли врать: слишком долго от них требовалась правда и только правда.

Я передвигался медленно, стараясь, чтобы за спиной все время оставался надежный корпус корабля. Но не сделал я и двух шагов, как пришлось остановиться. Из рыхлой предательской почвы показалась круглая голова большого червя. Я поднял было бластер, но голова тут же нырнула в землю, и в немом изумлении я долго следил за тем, как из земли вылезали все новые сегменты розового тела, аркой подымались вверх и исчезали вновь в земле. Червяк был не так уж и велик — может, в половину моего роста, но я видел лишь часть его, и потому он показался бесконечно длинным и страшным.

Надо взять себя в руки, подумал я. Если дать нервам власть, можно попасть в беду. В конце концов чем мне угрожал гигантский червь? У него даже рта не было.

Черная тень мелькнула надо мной. Я бросился назад, прижался к холодному металлу корабля. Громадная летучая тварь, зловещая и изящная в легкости движений, изогнувшись, бросилась на меня сверху. Разверзлась громадная пасть, усеянная множеством острых зубов, зловонное дыхание донеслось до меня...

Я успел выхватить бластер и всадить заряд в плотку твари. Тяжелое тело сбilo меня с ног, и я покотился по земле. Длинная зеленоватая пятнистая туша летающего дракона корчилась на земле.

По телу пробегали конвульсии. Я не осмелился приблизиться к чудовищу. Стараясь унять запоздалую дрожь, я поднялся с земли и тут же увидел, что путь к кораблю отрезан. Ко мне не спеша, словно зная, что ничто его не остановит, приближался другой зверь. Множество членистых ног поддерживало зеленое грязное туловище. Глаза далеко выступали вперед, чуть покачиваясь на отростках, и по сторонам глаз покачивались громоздкие убийственные клешни. Зверь приподнялся на лапах и развел клешни шире.

Мне не хотелось знаменовать свое вступление в этот мир убийствами, кровью — ее и без меня хватало здесь. Я отступил назад. Зверь крутил глазами, пугал меня, но не бросался. Я попытался обойти его так, чтобы вернуться под защиту корабля. Меня не оставляло противное чувство опасности сзади, казалось, что внимательные взоры обитателей котловины стерегут каждый мой шаг.

Не спуская глаз со зверя, я сделал еще два шага в сторону, и тут под ногами что-то блеснуло. На земле лежал странный предмет, сделанный из белого металла. Именно сделанный, ибо только руки разумного существа могли придать металлу форму эллипса, чуть заостренного на концах. Предмет был плоским, и поверхность его была тщательно обработана. Лишь существа, далеко шагнувшие вперед по пути цивилизации, могли так освоить металлургию.

Я приподнял предмет. Он был тяжел, и я пожалел, что вряд ли сейчас смогу занести его в корабль — на пути все еще угрожающе покачивал клешнями зверь, и мне не хотелось обременять себя лишней ношей, когда могло потребоваться все мое умение, чтобы пробиться обратно к кораблю.

И в этот момент нечто продолговатое вновь кинуло на меня тень. Я подумал было, что это еще один дракон, и поднял взор кверху. Но это был не дракон. Я мог бы поклясться, что вижу воздушный корабль, летающий корабль. Он был велик, не меньше моего космического корабля, и двигался медленно. Мне трудно было разобрать, каким образом его приводят в движение. Правильность формы, взаимная неподвижность его частей совершенно исключали всякую возможность того, что он мог оказаться живым существом. Возможно, меня уже разыскивали — кто-то заметил, как мой корабль опустился на планету. И вот прошло немного времени, и меня ищут. Но с добром или со злом в уме?

Летающий корабль замер надо мной. Зверь с клешнями, почуяв неладное, стал медленно пятиться в заросли, подступавшие совсем близко к месту аварии. Я не выпускал металлического предмета, впервые указавшего мне на разумных обитателей планеты. Воздушный корабль парил на верхней границе атмосферы. Я поднял металлический предмет, чтобы обратить на себя внимание — будь что будет. Разум, хоть и не встреченный нами до сих пор ни на одной из планет, должен быть дружелюбен.

На корабле меня заметили. С борта спустился штормтрап. Вот он уже покачивается совсем рядом. На конце его поблескивало приспособление для крепления предметов. Меня приглашали наверх. Ну что ж, рискнем. Я захватил с собой металлический предмет. Он мог быть потерян кем-нибудь из обитателей планеты. Жест доброй воли будет истолкован положительно любым разумным существом. Я кинул последний взгляд на мой осиротевший корабль, обхватил штормтрап и осторожно дернул за него трижды, давая сигнал поднять себя на корабль. В ответ на мой сигнал штормтрап начал быстро подниматься вверх.

— Так вот кто мою блесну откусил, — сказал охваченный гневом и радостью Корнелий Удалов, вытаскивая удочку.

— Не на то смотришь, нелюбопытный ты человек, — ответил ему Александр Грубин, его друг, с которым они только что выехали по зорьке на рыбалку на озеро Копенгаген. — Когда ты видел, чтобы в нашем озере водились осьминоги?

Последние отрезки пути штормтрап поднимался стремительно. Я понял, что еще немного, и я вылечу за пределы атмосферы. А ведь скафандр остался на борту моего корабля! Я могу погибнуть! Я попытался соскочить со штормтрапа — лучше рискнуть разбиться о землю, чем погибнуть от удушья, но острый крюк на конце штормтрапа вонзился мне в тело. Еще секунда, и, теряя сознание, я вылетел в безвоздушное пространство. Громадные чудовища — их было двое — протянули ко мне массивные конечности.

— Банку! — закричал Грубин растерявшемуся Удалову. — Банку с водой! Ведро, наконец! Ты не понимаешь, какое мы с тобой открытие совершили!

— А может, осьминоги здесь водятся? — спросил Удалов с сомнением. — Может, встречаются редко, осторожные?

— Откуда, голова ты непутевая? — кричал Грубин. — Ведром воду черпай! Осьминоги живут только в морях и океанах!

— Тише ты, — сказал Удалов. — Всю рыбу распугаешь. Что дальше делать-то будем?

— Какая теперь рыбалка! — Грубин осторожно стаскивал осьминога с крючка. — О нас в научном журнале напишут.

— Спят и видят, как бы о нас написать. А ты подумал, что осьминоги здесь, может быть, заповедные? Выпустили их на развод, а мы браконьерствуем.

— Не может быть, — возразил Грубин. — Тогда бы было объявление о запрете. А ты видел здесь на берегу какое-нибудь объявление?

— Видел. Не разводите костров, беречь лес от пожара.

— При чем здесь пожар? Про осьминогов видел?

— Про осьминогов не видел. Но уверен, что может быть такое объявление. Мы его пропустили в темноте.

— Нет, — сказал Грубин, опуская осьминога в ведро с водой, подставленное сомневающимся Удаловым. — Если бы у нас в озере Копенгаген разводили осьминогов, весь город бы знал об этом. Притом, обрати внимание, что у осьминога десять ног и он сравнительно крупный. Это, вполне возможно, неизвестный науке вид. На что я и надеюсь.

— Славы захотел, — сказал Удалов укоризненно. — Дай Бог тебе штрафом отделаться.

Осьминог безжизненно опустился на дно ведра. Одно из щупалец все еще сжимало упущенную Удаловым блесну.

— Саша, — произнес Удалов. — Отними у него блесну.

— Почему я?

— А он, может быть, ядовитый?

— Для тебя ядовитый, а для меня безвредный?

— Зацепи чем-нибудь. Не бросать же блесну.

Из-за елей на берегу показался край солнца, запели птицы, засеребрилось ведро. Осьминог в ведре шевельнул щупальцами, приходил в себя.

— Отлично, — обрадовался Грубин, — Я очень опасался, что он сдох.

— А тебе какая разница, — сказал Удалов с раздражением.

Блесна все еще оставалась в ведре, и рыбалка была под угрозой. Не скажешь ведь жене Ксении, что вместо обещанных лещей придется довольствоваться половиной осьминога, возможно несъедобного и ядовитого. Нет, и половины Грубин не отдаст — захочет исследовать и, может, даже разводить в аквариуме.

— Дай мне блесну, будь другом, — попросил Удалов. — Может, чего еще поймает. Жалко же возвращаться.

— Дураком помрешь. Немедленно назад!

— Так что с твоим осьминогом случится?

— Может подохнуть.

— Ну и пускай, в спирту его содержать будешь.

Но Грубин уже схватил весла и принялся грести к берегу.

— Ты как хочешь, — сказал он Удалову со всей решительностью, — но я спешу в город.

Я пришел в себя. Медленно покачивался металлический цилиндр, в котором я был заточен. Цилиндр был открыт сверху, но атмосфера кончалась у верхнего края цилиндра — любая моя попытка вырваться привела бы к гибели. Внутренние стенки цилиндра были гладкими и холодными.

Я попался глупо. Простить себе не мог доверчивости. Раса, населяющая планету, казалась коварной и жестокой. Да, в разуме им отказать было нельзя — они строили воздушные корабли и умели обрабатывать металлы. Но, видно, идеи межпланетного братства, даже идеи простого внутрипланетного братства еще не нашли дороги к их сердцам. Я осторожно постучал концом пальца в стенку цилиндра. Звук был слаб, и они могли не услышать его. Я нащупал бластер. По крайней мере я дорого отдам свою жизнь.

Круглая голова одного из моих тюремщиков показалась над краем цилиндра. Он был огромен. Только его голова превышала по размерам все мое тело, не считая конечностей. Глаза редко мигали и по краям поросли щеткой шерсти. Пасть его была окружена полосой красной кожи, и там, внутри, виднелись желтоватые плоские зубы. Даже в тот ужасный момент во мне не умер исследователь. Я сделал поразительное открытие: оказалось, что это существо находится в безвоздушном пространстве, и я готов был поклясться, что оно без скафандра. Но ведь известно, что ни одно существо, развитое более, чем бактерия, не может обитать вне атмосферы.

Чудовище присматривалось ко мне, и я приподнял две руки и развел ими в общеизвестном жесте мира и доброты.

— Угрожает, — сообщил Удалов. — Щупальцами шевелит. Если бы не блесна, стал бы я с ним связываться?

Пасть чудовища угрожающе распахнулась, и внутри зашевелился какой-то красный орган. Я подумал, что они могли бы вытащить меня наружу, но пожалели, поместили в цилиндр с воздухом. А может быть, они просто хотят продлить мои муки?

Над краем цилиндра появилась конечность, завершенная пятью уродливыми малоподвижными отростками. Отростки погрузились в атмосферу, приближались ко мне. Он хотел меня задушить! А я-то, наивный, принес им металлический предмет, хотел порадовать. Я выхватил мой маленький бластер. Наступил критический и, может быть, последний момент в моей жизни. Мелькнули перед мысленным взором картинки далекого детства, минуты первой любви, угар научной работы, долгие дни в космосе... Лапа приближалась, и когти уже касались моего незащищенного тела. Я выхватил бластер и всадил заряд в лапу. Взбурлила атмосфера в цилиндре...

— Гад ползучий! — закричал Удалов. — Придушить его мало! Ой-ой как током дернул, тварь ядовитая.

— Я тебя предупредил, — сказал Грубин, не переставая грести к близкому берегу. — Животное только защищалось. Как защищаются муравьи, когда такой дурак, как ты, наступает на муравейник.

— Ты еще скажешь, что комары тоже защищаются.

— Про комаров не скажу, они питаются человеческой кровью.

— Этот, может, тоже человеческой кровью питается.

— Не исключено.

Лодка ткнулась в песок, вода выплеснулась из ведра, и осьминог засуетился в ведре.

— Не исключено, — повторил Грубин, выпрыгивая и подтаскивая лодку повыше, к кустам. — Но можем ли мы винить животное в том, что предписано ему природой? Нет, не можем. Давай сюда ведро, только осторожно, не повреди.

— Умный нашелся, — ответил Удалов, собирая удочки. — Я, может, вообще тут останусь, порыбачу еще.

— Боишься?

— Еще бы. Ведро железное. А железо для электричества лучший проводник, еще в школе учили.

— Обмотай ручку чем-нибудь.

Но Удалов уже не слушал, он быстро удалялся по берегу, отмахиваясь свободной рукой от долетающих слов Грубина. И только отойдя на солидное расстояние, обернулся и крикнул:

— Будешь эту гадину выбрасывать, блесну подбери. Таких у нас в магазине нету. Из Вологды специально привозил.

Грубин дотронулся пальцем до ведра. Ведро током не било. Удалову могло это показаться со страху.

— Пожалеешь, Корнелий! — крикнул Грубин другу, взвалил на спину рюкзак, взял в одну руку удочки, в другую ведро и пошел не спеша через лес к остановке автобуса, на шоссе, стараясь не плескаться водой и не беспокоить животное.

Это путешествие будет преследовать меня в кошмарах, если мне еще суждены кошмары. Цилиндр покачивался, воздух завихрялся в турбулентных потоках, перехватывало дыхание, и приходилось цепляться за гладкие скользкие стены цилиндра, чтобы меня не перевернуло. Мутило. Я готов был просить пощады — но у кого, как?

Положение мое ухудшалось. Еще недавно мне казалось, что нельзя попасть в худшее положение, нежели то, в котором я нахожусь. Но теперь стало хуже. И в первую очередь потому, что мне не найти пути обратно, к космическому кораблю, ибо мой тюремщик нес цилиндр над безжизненным высокогорным плато, с каждым шагом отдаляясь от котловины. Я включил вживленный в меня компас-спидометр, и прибор автоматически вычислил маршрут, по которому мы двигались. Я сделал это механически, я не верил, что информация мне когда-нибудь пригодится.

Вокруг посветлело. Темные твердые образования, прикрывавшие от меня небо, исчезли. Прекратилась и тряска. Мы ждали чего-то. Удивительны размеры этих существ — очевидно, жизнь в разряженной атмосфере, почти в безвоздушном пространстве позволяет им достигать столь фантастических размеров. Ах, если бы мне когда-нибудь вернуться домой — какой бы сенсацией оказалось мое сообщение о жестокой разумной расе, обитающей на границе космоса!

Непонятный грохот достиг моих ушей сквозь слой воздуха. Дно цилиндра задрожало. Тюремщик подхватил цилиндр, и мы поднялись в какое-то помещение или экипаж. Тряска, еще более ужасная, чем раньше, возобновилась.

— Что везешь? — спросил знакомый с маслозавода. — Неужели столько наловил? Дай посмотреть.

Грубин сел на свободное сиденье, поставил ведро на колени, чтобы меньше тряслось.

— Загляни.

Автобус быстро мчался по шоссе, убегали назад сосны, но Грубину казалось, что движется он недостаточно быстро. Осьминог мог подохнуть.

— Не разберу, — признался знакомый. — Что у тебя, Саша? Головастики, что ли, наловил?

— Нет. Осьминог.

— Чего?

— Осьминога поймал.

— Ага, — сказал знакомый. — Редкое животное.

И больше интереса к осьминогу не проявлял, чем Грубина немного обидел.

— Ты раньше-то осьминогов видел? — спросил Грубин.

Автобус резко затормозил на остановке. Вода плеснула из ведра, осьминог замельтешил в ведре, словно возражал.

— На картинках. А ловить не приходилось.

— И не придется, — резко ответил Грубин.

— Почему не придется? — сказал знакомый, разворачивая газету. — Сегодня ты поймал, завтра мне повезет. Хотя я рыбалкой не очень интересуюсь.

«С ума сойти, — подумал Грубин. — Я поймал осьминога, а он не удивляется. Как будто осьминогов у нас пруд пруди».

— Детям везешь? — обернулся сосед с переднего сиденья. — Детям интересно. Я недавно своим скворца принес. Крыло ему подвязали, и живет. Забавная птичка.

— Скворца, — произнес Грубин с презрением. — А я осьминога поймал.

— Где? — спросил сосед спереди.

— В озере нашем, в Копенгагене.

— Не слышал, чтобы там осьминоги водились.

— Никто не слышал, — сказал Грубин.

— А я видел осьминога, — сообщил юноша, стоявший сбоку. —
Даже ел. В рыбном магазине были. Мороженые. Кальмары.

— Из них консервы делают, — согласился сосед спереди.

«С ума сойти, серость какая! — возмущался мысленно Грубин. —
Если бы я вез тигренка, сказал бы, что поймал в лесу, неужели они
тоже бы не удивились?»

Осьминог свивал и развивал щупальца. Тряска ему не нравилась.

— А я бы никогда детям осьминога не привезла, — сказала бабка
с мешком. Она сидела сзади и прислушивалась к разговору. —
Страсть-то какая! Может, он ядовитый.

— Нет, — ответил Грубин. — Только электричеством бьет.

— Кто ядовитый? — спросили с дальнего конца автобуса.

— Да змею ядовитую один тип везет, — откликнулись спереди.

— Не змею, а осьминога, — громко поправил Грубин. —
Редчайшее животное.

— Да он всех перекусает! Водитель, остановите машину! —
крикнули сзади.

— Он у меня в ведре, — успокоил Грубин. — Не опасайтесь.

— Гадюку везут, — пронесся слух по автобусу.

Люди отступали от Грубина. Водитель обернулся, притормозил.

— Какое хулиганство в автобусе? — спросил он.

— Высадите его, — сказала старушка, которая никогда бы не
принесла детям осьминога. — Он тут всех перекусает.

— Гражданин, правила не нарушайте, — произнес водитель,
прижимая машину к обочине. — Взрывчатые вещества и так далее
перевозить запрещено.

— Это же ценное, безобидное животное, — возмутился
Грубин. — Музейная редкость, никому зла не сделает. Некоторые
товарищи здесь присутствуют, которые его даже ели в мороженом
виде, правда же?

Но юноша, который ел мороженых кальмаров, отрекся от своих
слов.

— Я не таких ел. Таких у нас не продают.

— Каждая минута промедления, — кричал Грубин, — может
стоять жизни единственному в нашей области пресноводному

осьминогу! Кто может взять на себя такую ответственность?

— Я возьму, — сказал водитель. — У меня пассажиры.

И Грубина высадили из автобуса на самой окраине Великого Гусяра.

Ужасно сознавать, что вокруг тебя имеют место какие-то драматические события, но не понимать, в чем же дело. Обитатели планеты шумели, тряска то кончалась, то возобновлялась, мой тюремщик издавал громкие звуки. Вернее всего, происходил жаркий спор между членами экспедиции, посланной на мое пленение: откуда я родом, какую планету представляю. А может быть, они опасались, что мы уже вторглись на их планету, или полагают меня разведчиком, подготавливающим вторжение. А у меня нет никаких средств рассказать о широко известном миролюбии моих соотечественников.

Мой тюремщик покинул грохочущую машину и понес цилиндр со мной дальше. Солнце дробилось зайчиками на поверхности атмосферы. Меня мучило. Воздух стал затхлым, и скоро, если они не найдут способа освежить его, я умру от удушья. Смерть подстерегала меня на этой планете на каждом шагу.

Солнце пекло, от каждого шага поднималось облачко пыли и тащилось за Грубиным. Вода в ведре помутнела, и от нее тянуло неприятным запахом. Грубин поставил ведро на землю и пригяделся к животному. Тот вроде бы еще шевелился. К счастью, по пути встретился колодец. Вода в нем была холодная, и Грубин доливал ее в ведро понемножку, чтобы не простудить осьминога, потому что в массе своей осьминоги — дети тропических морей.

Обливаясь потом, задыхаясь от жары, Грубин втащился во двор дома номер шестнадцать. Двор был пуст, даже доминошники, занимающие по субботам с утра места вокруг стола под сиренью, где-то скрывались от жары. Грубин, не заходя домой, поднялся на второй этаж, к старику Ложкину, известному в Гусяре натуралисту и любителю птиц, Ложкин был дома.

— С чем пожаловал? — спросил он строго, потому что считал Грубина дилетантом и легкомысленным человеком.

— Здравствуйте, — сказал Грубин. — У вас запасного аквариума не найдется?

— Это зачем же?

— Вот, — произнес Грубин скромно, — поймал одну штуку, не знаю, представляет ли интерес.

Грубин хитрил. Ему важно было узнать, что скажет Ложкин. Может, и в самом деле существует озерная порода осьминогов.

Ложкин не спеша достал с комода футляр, вынул очки, велел поднести ведро к свету и начал изучать его содержимое. Изучал долго. Молчал. Грубин извелся от нетерпения, но не вмешивался.

Наконец Ложкин вздохнул, развел жилистыми руками, поскреб на груди тенниску, почесал лысину и сказал:

— Как минимум новый вид.

— Как?

— Новый вид осьминога, — пояснил Ложкин, не отрывая глаз от пленника. — Или генетический уродец, мутант. Ног у него десять. Вот так. Можешь оставить его здесь, у меня, на досуге почитаю Брема и дам исчерпывающую консультацию.

— Нет, пусть лучше у меня поживет. — Грубин не ошибся. Животное оказалось редким. — А вообще-то они у нас водятся?

— Бывают. В зоомагазине брал?

— Сам поймал.

— Любопытно. Оставь его здесь. Я в Москву напишу. У тебя его кот съест.

— Кот не съест, осьминог электричеством бьет. Удалова ударил.

— Корнелия даже соловей может током ударить. Это не аргумент. Но если настаиваешь, аквариум тебе дам. На время. И письмо в Москву сам напишу. Тебя там не знают, а меня многие знают. Я многим уже написал.

Если бы я вел дневник, то написал бы в нем: «Мое положение улучшается. Если бы не голод, который начал меня мучить, как только прошел первый шок, я бы сказал, что наконец-то я попал в руки к ученым, возможно, к специалистам по контактам с инопланетными цивилизациями. Может, даже в специальную комиссию по контактам. Из темного цилиндра меня перевели в квадратный прозрачный куб, наполненный свежим воздухом. По трубке воздух стекает внутрь, так что я могу не беспокоиться о дыхании».

Но я не писал дневника. Я осматривался. Странные предметы и приборы заполняли огромное помещение, окружающее мою тюрьму. Внизу непрерывно бродило некое животное, превышающее меня

размерами, покрытое шерстью. Животное открывало пасть и облизывалось красным языком. Животное смотрело на мою тюрьму с вожделением. Напрашивалось два вывода: раньше моя тюрьма была его жилищем, из которого животное было выселено и потому желало вернуться обратно или, что менее приятно, животное было сторожевым и поставлено было следить за мной. Оно могло быть и разумным.

Изучением меня, попытками контакта занялись две местные особи. Один из аборигенов нес меня в цилиндре. Второй, видно, крупный специалист, присоединился к нему только здесь, в научном центре. Их пасти раздвигались и сдвигались — таков, видно, их способ обмена информацией. Теперь передо мной стояла задача: доказать им, что я превосхожу их интеллектом, и не ущемить их достоинства при этом. Хотелось есть.

— Чем осьминоги питаются? — спросил Грубин Ложкина, принесшего сверху том Брема. — А то заморим его голодом.

«Наиболее широко распространен обыкновенный спрут, — читал Ложкин, — октопус вульгарис, тело его обычной окраски, которая, однако, в состоянии возбуждения животного переходит в коричневую, красную или желтую, причем вся кожа на спинной стороне покрыта неравномерными бородавчатыми пупырышками».

— Но хищник он или травоядный?

— Хищник, — сказал Ложкин. — Возьми палку, приведи его в состояние возбуждения, посмотрим на пупырышки.

Пока Грубин искал палку, Ложкин убедился в том, что осьминоги хищники, и узнал, как они размножаются. Но о размножении говорить было рано, пока не поймали осьминогу подругу.

— Я его сильно тыкать не буду, — сказал Грубин, подходя с палкой.

— Ты и не тычь сильно. Нам только посмотреть, будет ли он цвет менять.

— Только он уже не серый.

— Неважно.

Грубин сунул палку в аквариум и потрогал ею осьминога.

После длительного совещания и изучения каких-то фолиантов они принесли шест и ввели его в атмосферу. Первая попытка контакта. Я даже покраснел от приятной неожиданности. Моя застенчивость,

вошедшая в поговорку среди моих коллег, и теперь сыграла надо мной шутку. Я взялся за конец шеста и три раза дернул за него. Шест был немедленно убран. Поняли или не поняли?

— Изменил цвет на красный, — подтвердил Ложкин. — Все сходится. Наверно, не новый вид, а просто урод. Как теленок с двумя головами.

Грубин сходил на кухню, вернулся с куском мяса. Кот бежал за ним, подпрыгивая, полагая, что мясо предназначается ему, верному другу.

Мясо полетело в аквариум.

— Вымыл мясо? — спросил Ложкин.

— Под холодной водой.

Кусок отвратительной плоти, сочащейся кровью, упал на меня сверху. Что это? Провокация? Или попытка меня накормить? А есть хочется. Но не есть же мясо мне, убежденному вегетарианцу. Я взял кусок мяса и выбросил его из моей тюрьмы.

— Кривляется, — определил Ложкин. — Значит, не голодный. В Бреме ясно сказано — хищник. Ракушки любит, рыб и так далее.

— Да, мяса он не желает. Прямо даже выкинул его из аквариума.

Кот подобрал кусок мяса и рвал его, обкусывая, на полу. Осьминог уставился на него своими бессмысленными глазами.

— За рыбой придется тебе сбегать, — сказал Ложкин Грубину.

— Сбегаем. Только сначала еще какие-нибудь опыты произведем.

Я отстукивал последовательные числа по поверхности моего дома. Они не реагировали на это. Тогда я стал показывать им мои конечности по очереди. Сначала одну. Потом две, потом три, потом четыре сразу. Это тоже не произвело впечатления. Я подобрал камешек с пола и начал выстукивать им по стенке. Наконец, надеясь на то, что начала геометрии должны быть понятны любому разумному существу, я попытался нацарапать на твердой прозрачной стенке равнобедренный треугольник.

— Суетится, — сказал Ложкин. — Несладко ему в неволе. Как и любому существу.

— Смотри-ка, ему камешек в щупальце попал. Как бы он не повредил себе чего-нибудь.

— Не повредит. Все-таки я полагаю, что живьем его довести будет трудно. Тем более что он от пищи отказывается. Придется

усыпить.

— Жалко, — повторил свой единственный аргумент Грубин. — Все-таки живое существо.

— Живое, но безмозглое, — произнес категорически Ложкин. — Очень низко организованное, в первом томе Брема помещен. Там, где простейшие. Даже беспозвоночные.

— Саша, ты здесь? — спросил Удалов, заходя в комнату. — А я не один. Я с Мишей Стендалем, из газеты.

— Говорят, вы осьминога поймали в нашем озере. Так ли это? — спросил Миша.

— Живого?

— Живого, — ответил Грубин. — А ты, Корнелий, что же на рыбалке не остался?

— Плохая рыбалка. Поздно уже. Не клюет. Твой осьминог всех рыб, наверно, пожрал в нашем озере. Если такие разведутся — прощай, рыбная ловля. Не сдох он еще у тебя?

— Нет, — ответил Ложкин. — Мы его изучаем.

— Очаровательное существо, — сказал Миша Стендаль, поправляя очки и становясь очень похожим на молодого Грибоедова. — Сколько у него щупалец! Это же сенсация. Первый в области осьминог! Пустим в разделе «Субботняя смесь». Кто поймал?

— Вместе поймали, — ответил Удалов.

— Значит, так и запишем: «Рыболовы-любители нашего города...»

Стендаль записывал, Удалов объяснял, а Грубин вернулся к аквариуму. Осьминог, видно, проголодавшись, суетился, складывал и разводил щупальца, поднимал округлую голову и поводил круглыми бессмысленными глазами.

Весь арсенал моих средств убеждения был исчерпан. Они не понимали. Почему-то мне никогда не приходило раньше в голову, что контакт может оказаться столь сложным процессом. Вот я, разумное существо, известный ученый, нахожусь перед глазами представителей другой разумной расы. Да, среда обитания у нас разная, да, мы отличаемся размерами, да, облик наш различен. Но почему же я понимаю, что они разумны и стараюсь войти с ними в контакт? Они же упорствуют, не реагируют на мои знаки, кидают в меня кусками мяса, морят голодом.

Заглянула жена Удалова Ксения, подивилась на уродца в банке.

— Я такого видала. В книге «Дары моря». Там показано, как их готовить.

Стендаль убежал в редакцию. Грубин собрался в магазин за рыбой, подкормить пленника. Ксения Удалова, движимая злорадством, поднесла картинку из «Даров моря» к аквариуму и сказала:

— Видал, как вашего брата? А?

— Убери, — велел Грубин.

Мне удалось выцарапать на стенке равнобедренный треугольник. Они должны были его заметить. Я указал на треугольник конечностью. В ответ один из присутствующих открыл громадную книгу и показал мне картинку в ней. На картинке было изображено существо, схожее со мной анатомически. Над этим существом был занесен нож.

Мне все стало ясно.

Я оказался не первым космическим путешественником, потерпевшим аварию над безжизненными плоскогорьями. Да и чего еще можно ожидать от существ, живущих в столь не приспособленных для жизни условиях, в безвоздушной среде. Нет, я не мог их укорять.

— Ладно, Корнюша, — сказала Ксения. — Бери книгу, пойдем завтракать. Обойдемся без осьминога.

Ложкин остался один. Он читал Брема, зачитался, перешел к медузам и другим обитателям моря. Грубин как убежал за рыбой, так и не возвращался. Ложкин задремал.

Одно из этих чудовищ осталось меня сторожить. Остальные разошлись. Видно, готовились к пиру. Но я не мог без сопротивления сдаться на милость победителя. Нет, тем более что милости ждать не приходилось.

Неужели, если провалилась попытка контактов, я не найду выхода? Это позорно для разумного существа. Борьба до последнего вздоха, до последнего заряда в бластере! Именно так.

Я задумался. Последний заряд в бластере я приберегу для себя. Их убить я не могу — выстрел мой в одного из них лишь причинил ему боль. И все. Но бластер может мне пригодиться. Причем надо спешить.

Я ощупал стенки и пол. Стенки были сделаны из хрупкого материала. Другое дело пол. Пол был металлическим, и металл был мягким. Это внушало некоторые надежды.

Я включил бластер на полную мощность и направил его в пол. Воздух вскипел, обжигая меня. В полу образовалось отверстие. Я не обращал внимания на боль от ожога, заткнул отверстие одной из моих десяти конечностей. Потом бросил взгляд на сторожа. Он спал. Очень хорошо. Я пробуравил еще одно отверстие в полу. И также заткнул его конечностью. Я успел пробуравить шесть отверстий — этого было достаточно. Но тут в помещение вошел мой главный тюремщик. Он нес нечто завернутое в белый материал. Он положил нечто рядом с моим домом, развернул его с шуршанием. Там обнаружилась часть существа, подобного тому, что напало на меня столь недавно в злосчастной котловине. Тюремщик отодрал кусок и бросил ко мне.

— Не жрет, ну что ты будешь делать! — огорчился Грубин.

Ложкин проснулся, сказал, что пойдет писать письмо в Академию наук, потом вернется.

— А мне надо сходить на работу, — сообщил Грубин. — Постараюсь вернуться поскорее. Может, у реки ракушку найду.

— Бесполезно, — сказал Ложкин. — Мы отвезем его в спирте.

Я еле дождался того момента, когда все, кроме покрытого шерстью существа с острыми зубами, сожравшего мясо, ушли. Существо вроде бы не обращало на меня внимания. Я просунул в отверстия шесть конечностей. Четырьмя оставшимися я придерживал верхние края открытого сверху прозрачного дома. Я был готов к нелегкому и, всего вернее, трагическому пути.

Конечности коснулись возвышения, на котором стояла моя тюрьма. Я поднатужился, просунул их подальше, приподнял себя вместе с тюрьмой и вновь обрел подвижность. Превратив свою тюрьму в своеобразный неуклюжий скафандр, я подошел к краю возвышения. Далеко внизу находился пол комнаты. Придется прыгать — другого выхода нет.

Покрытое шерстью существо с острыми зубами приподнялось, заметив мои движения, и выгнуло спину. Я переложил бластер в одно из свободных щупалец. С ним я постараюсь справиться.

Самый решительный момент! Я оттолкнулся шестью конечностями и прыгнул вниз, стараясь не нарушать равновесия.

Конечности мои вошли в соприкосновение с твердым полом помещения. Меня пронзила жуткая боль. С трудом я удержался на ногах. Но, стиснув зубы, я поборол дурноту и поспешил к выходу.

Применять бластер не пришлось. Увидев, как я вместе с прозрачным домом прыгнул с возвышения и направился в его сторону, страж, покрытый шерстью и вооруженный острыми зубами, поднял кверху пушистый хвост и в панике, издавая громкие звуки, бросился вон из помещения. Я внутренне ухмыльнулся. Жестокие твари всегда самые трусливые.

Весь мой расчет был на неожиданность и на мою хорошую память. Направление к котловине, к моему кораблю было известно. Только успеть, пока не кончится воздух. Только успеть!

Я прошел по длинному коридору и по ступеням, превышавшим меня ростом, спустился на равнину, окруженную со всех сторон жилищами чудовищ. В одном месте в жилищах был разрыв — туда и направил я свои шаги.

Но не прошел я и половины пути через пыльную равнину, как громкий крик донесся до меня. Я обернулся. В одном из окон появилась голова того существа, которое показывало мне жестокую картинку в книге. Существо кричало, показывая на меня. Задыхаясь от напряжения, на подгибающихся от невероятной тяжести конечностях я припустился дальше.

— Ой, батюшки мои светы! — закричала Ксения не своим голосом. — Что же это творится!

— Чего там? — спросил Корнелий, не отрываясь от супа, потому что привык к тому, что жена его всегда преувеличивала важность и трагичность событий.

— Ой! — голосила Ксения. — Оно бежит на шести ногах! Спасайтесь, кто может!

Этого Удалов уже вынести не смог. Он подошел к окну, выпянул наружу, и глазам его предстало невероятное зрелище. По двору, направляясь к воротам, бежал аквариум.

Из-под аквариума высовывались щупальца осьминога, остальными он придерживал края, чтобы не расплескать воду. Бежал осьминог со скоростью трехлетнего ребенка, и глаза его угрожающе поблескивали сквозь толщу воды.

Удалов укусил ложку, которую держал во рту, и чуть не сломал зуб.

Из окна сверху высунулся Ложкин, а из других окон прочие обитатели дома, и те, кто знал об осьминоге, и те, кто о нем и слыхом не слыхивал. Поднялся невероятный шум, переживания, некоторые испугались, а некоторые не поняли и стали аквариум приободрять и подстегивать: «Давай, жми!»

В воротах аквариум чуть не столкнулся со Стендалем, который забыл записать данные о жизни осьминогов в естественных условиях и возвращался к Ложкину, чтобы поглядеть в Брема.

Миша Стендаль при виде бегущего аквариума подлетел кверху, схватился за перекладину ворот и повис, поджав ноги, хотя был не очень трусливым человеком. Аквариум задержался на мгновение под Стендалем, одно из щупалец поднялось над стенками, и оттуда вылетела маленькая молния, вонзившаяся в Стендаля сзади.

Аквариум выбежал из ворот и бросился вдоль по улице.

Опомнившееся население дома № 16 выскакивало из окон и дверей и мчалось вслед. Прохожие на улице останавливались, жались к домам, ахали или смеялись, полагая, что это не осьминог, а детская проделка, шалость.

Аквариум чуть было не угодил под автобус, но автобус успел затормозить. Потом на пути его встал постовой милиционер Семенов, и аквариум попытался его объехать. Но не тут-то было. Семенов стоял как скала. Тогда аквариум, вернее, осьминог выстрелил в него молнией. Семенов выдержал и это нападение. Со всех сторон сбегалась толпа.

Я понял, что погиб, тогда, когда на пути моем встал один из них, облаченный в серую одежду с блестящими пуговицами.

Я метнулся в сторону, разрядил в него бластер. Пути вперед не было. Все кончено. И самое ужасное, что бластер полностью разряжен. И я не могу пустить себе заряд в голову.

Массы чудовищ сбегались со всех сторон. Для них это оказалось развлечением. Для меня — трагедией.

Тогда я вытащил конечности из отверстий в полу домика, и воздух с журчанием потек наружу, пыль вокруг меня темнела. Живым я им в руки решил не сдаваться.

Грубин подоспел к сбежавшему осьминогу, когда в аквариуме уже почти не осталось воды. Люди смотрели на это растерянно и не понимали, что осьминог собирается кончить жизнь самоубийством.

— Воды! — закричал Грубин. — Немедленно воды! Он погибнет без воды!

— Воды, — сказал постовой Семенов.

Осьминог безжизненной кучкой слизи лежал на мокром дырявом полу аквариума.

Кто принес кастрюлю, кто ведро, кто просто чашку или стакан. Грубин выбрал ведро почище, осторожно положил туда осьминога, потом взял в другую руку аквариум.

В этом виде его и сфотографировал Миша Стендаль. И этот снимок обошел потом многие газеты мира.

Я пишу эти строки специально сконструированной для меня ручкой на белых пластиковых листах. Пишу крупно, чтобы академик Полосов, милейший старик, мог разобрать мои записки без микроскопа.

Сейчас, когда кончится моя содержательная беседа с Полосовым и Машенькой, нашей секретаршей, придет Ксения Удалова, принесет мне вишен. Чудесные вишни растут в городе Великий Гусляр, даже не представляю себе, как я обойдусь без вишен в Москве. Но Саша Грубин, мой старый друг и спаситель, поклялся, что возьмет с собой в Москву килограмма два. И я ему верю, он тоже милейший человек. Не так образован, как академик Полосов, но ведь Грубин не имеет высшего образования. Но что-что, а докторскую степень я помогу ему получить. Хотя бы за открытие меня.

Поступили в продажу золотые рыбки

Зоомагазин в городе Великий Гусляр делит скромное помещение с магазином канцпринадлежностей. На двух прилавках под стеклом лежат шариковые авторучки, ученические тетради в клетку, альбом с белой чайкой на синей обложке, кисти щетинковые, охра темная в тюбиках, точилки для карандашей и контурные карты. Третий прилавок, слева от двери, деревянный. На нем пакеты с расфасованным по полкило кормом для канареек, клетка с колесом для белки и небольшие сооружения из камней и цемента с вкрапленными ракушками. Эти сооружения имеют отдаленное сходство с развалинами средневековых замков и ставятся в аквариум, чтобы рыбки чувствовали себя в своей стихии.

Магазин канцпринадлежностей всегда выполняет план. Особенно во время учебного года. Зоомагазину хуже. Зоомагазин живет надеждой на цыплят, инкубаторных цыплят, которых привозят раз в квартал, и тогда очередь за ними выстраивается до самого рынка. В остальные дни у прилавка пусто. И если приходят мальчишки поглазеть на гуппи и мечехвостов в освещенном лампочкой аквариуме в углу, то они этих мечехвостов здесь не покупают. Они покупают их у Кольки длинного, который по субботам дежурит у входа и раскачивает на длинной веревке литровую банку с мальками. В другой руке у него кулек с мотылем.

— Опять он здесь, — говорит Зиночка Вере Яковлевне, продавщице в канцелярском магазине, и пишет требование в область, чтобы прислали мотыля и породистых голубей.

Нельзя сказать, что у Зиночки совсем нет покупателей. Есть несколько человек. Провизор Савич держит канарейку и приходит раз в неделю в конце дня, по пути домой из аптеки. Покупает полкило корма. Забегает иногда Грубин, изобретатель и неудавшийся человек. Он интересуется всякой живностью и лелеет надежду, что рано или поздно в магазин поступит амазонский попугай ара, которого нетрудно научить человеческой речи.

Есть еще один человек, не покупатель, совсем особый случай. Бывший пожарник, инвалид Эрик. Он приходит тихо, встает в углу за

аквариумом, пустой рукав заткнут за пояс, обожженная сторона лица отвернута к стенке. Эрика все в городе знают. В позапрошлом году одна бабушка утюг забыла выключить, спать легла. Эрик первым в дом успел, тащил бабушку на свежий воздух, но опоздал — балка сверху рухнула. Вот и стал инвалидом. В двадцать три года. Много было сочувствия со стороны граждан, пенсию Эрику дали по инвалидности, но старую работу пришлось бросить. Он, правда, остался в пожарной команде, сторожем при гараже. Учится левой рукой писать, но слабость у него большая и стеснительность. Даже на улицу выходить не любит.

Эрик приходит в магазин после работы, чаще если плохая погода, прихрамывает (нога у него тоже повреждена), забивается в уголок за аквариум и глядит на Зиночку, в которую он влюблен без взаимности. Да и какая может быть взаимность, если Зиночка хороша собой, пользуется вниманием многих ребят в речном техникуме и сама вздыхает по учителю биологии в первой средней школе. Но Зиночка никогда Эрику плохого слова не скажет.

Третий квартал кончался. Осень на дворе. Зиночка очень надеялась получить хороший товар, потому что в области тоже должны понимать — план сорвется, по головке не поглядят.

Зина угадала. 26 сентября день выдался ровный, безветренный. От магазина виден спуск к реке, даже лес на том берегу. По реке, лазурной, в цвет неба, но гуще, тянутся баржи, плоты, катера. Облака медленно плывут по небу, чтобы каждым в отдельности можно полюбоваться. Зиночка товар с ночи получила, самолетом прислали, «Ан-2», пришла на работу пораньше, полюбовалась облаками и вывесила объявление у двери:

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Вернулась в магазин. Рыбки за ночь в большом аквариуме ожили, плавали важно, чуть шевелили хвостами. Было их много, десятка два, и они собой являли исключительное зрелище. Ростом невелики, сантиметров десять-пятнадцать, спинки ярко-золотые, а к брюшку розовеют, словно начищенные самоварчики. Глаза крупные, черного цвета, плавники ярко-красные.

И еще прислали из области бидон с мотылем. Зиночка выложила его в ванночку для фотопечати. Мотыль кишел темно-красной массой и все норовил выползти наверх по скользкой белой эмали.

— Ах, — сказала Вера Яковлевна, придя на работу и увидев рыбок. — Такое чудо, даже жалко продавать. Я бы оставила их как инвентарь.

— Все двадцать?

— Ну не все, а половину. Сегодня у тебя большой день намечается.

И тут хлопнула дверь и вошел старик Ложкин, любящий всех поучать. Он прошел прямо к прилавку, постоял, пошевелил губами, взял двумя пальцами щепоть мотыля и сказал:

— Мотыль столичный. Достойный мотыль.

— А как рыбки? — спросила Зиночка.

— Обыкновенный товар, — ответил Ложкин, сохраняя гордую позу. — Китайского происхождения. В Китае эти рыбки в любом бассейне содержатся из декоративных соображений. Миллионами.

— Ну уж не говорите, — обиделась Вера Яковлевна. — Миллионами!

— Литературу специальную надо читать, — сказал старик Ложкин. — Погляди в накладную. Там все сказано.

Зиночка достала накладную.

— Смотрите сами, — сказала она. — Я уж проверяла. Не сказано там ничего про китайское их происхождение. Наши рыбки. Два сорок штука.

— Дороговато, — определил Ложкин, надевая старинное пенсне. — Дай самому убедиться.

Вошел Грубин. Был он высок ростом, растрепан, стремителен и быстр в суждениях.

— Доброе утро, Зиночка, — сказал он. — Доброе утро, Вера Яковлевна. У вас новости?

— Да, — сказала Зиночка.

— А как насчет попугая? Не выполнили моего заказа?

— Нет еще — ищут, наверное.

По правде говоря, Зиночка бразильского попугая ара и не заказывала. Подозревала, что засмеют ее в области с таким заказом.

— Любопытные рыбки, — сказал Грубин. — Характерный золотистый оттенок.

— Для чего характерный? — строго спросил старик Ложкин.

— Для этих, — ответил Грубин. — Ну, я пошел.

— Пустяковый человек, — сказал ему вслед Ложкин. — Нет в накладной их латинского названия.

В магазин заглянул Колька Длинный. Длинным его прозвали, наверное, в насмешку. Был он маленького роста, волосы на лице, несмотря на сорокалетний возраст, у него не росли, и был он похож на большого грудного младенца. В обычные дни Зиночка его в магазин не допускала, выгоняла криком и угрозами. Но сегодня, как увидела в дверях, восторжествовала и громко произнесла:

— Заходи, частный сектор.

Коля подходил к прилавку осторожно, чувствуя подвох. Пакет с мотылем он зажал под мышкой, а банку с мальками спрятал за спину.

— Я на золотых рыбок только посмотреть, — проговорил он тихо.

— Смотри, жалко, что ли?

Но Коля смотрел не на рыбок. Он смотрел на ванночку с мотылем. Ложкин этот взгляд заметил и сказал:

— Вчетверо меньше государственная цена, чем у кровососов. И мотыль качественнее.

— Ну насчет качественнее — это мы посмотрим, — ответил Коля. И стал пятиться к двери, где налетел спиной на депутацию школьников, сбежавших с урока, лишь слух о золотых рыбках разнесся по городу.

Старик Ложкин покинул магазин через пять минут, сходил домой за банкой и тремя рублями, купил золотую рыбку, а на остальные деньги мотыля. К этому времени приковылял и Эрик. Принес букетик астр и подложил под аквариум — боялся, что Зиночка заметит дар и засмеет. Школьники глазели на рыбок, переговаривались и планировали купить одну рыбку на всех — для живого уголка. Зиночка закинула в аквариум сачок, и Ложкин, пригнувшись, прижав пенсне к стеклу, управлял ее действиями, выбирая лучшую из рыбок.

— Не ту, — говорил он. — Мне такой товар не подсовывайте. Я в рыбах крайне начитан. Левее заноси, левее... Дай-ка я сам.

— Нет уж, — сказала Зиночка. Сегодня она была полной хозяйкой положения. — Вы мне говорите, а я найду, выловлю.

— Нет уж, я сам, — отвечал на это старик Ложкин и тянул к себе сачок за проволочную ручку.

— Перестаньте, гражданин, — вмешался Эрик. — Для вас же стараются.

— Молчать! — обиделся Ложкин. — От больно умного слышу. Кому бы учить, да не тебе.

Старик был несправедлив и говорил обидно. Эрик хотел было возразить, но раздумал и отвернулся к стене.

— Такому человеку я бы вообще рыбок не давала, — возмутилась с другого конца помещения Вера Яковлевна.

Вера Яковлевна держала в руке рейсшину, занеся ее словно для удара наотмашь.

Старик сник, больше не спорил, подставил банку, рыбка осторожно соскользнула в нее с сачка и уткнулась золотым рылом в стекло.

Зиночка отвешивала Ложкину мотыля в молчании, в молчании же приняла деньги и выдала две копейки сдачи, которые старик попытался было оставить на прилавке, но был возвращен от двери громким голосом, подобрал сдачу и еще более сник.

Когда Ложкин вышел на улицу и солнечный луч попал в банку с рыбкой, из банки вылетел встречный луч, еще более яркий, заиграл зайчиками по стеклам домов, и окна стали открываться, и люди стали выплядывать наружу, спрашивая, что случилось. Рыбка плеснула хвостом, водяные брызги полетели на тротуар, и каждая капля тоже сверкала.

Резко затормозил рядом автобус, водитель высунулся наружу и крикнул:

— Что дают, дед?

Ложкин погладил пакетиком мотыля выбритый морщинистый подбородок и ответил с достоинством:

— Только для любителей, для тех, кто понимает.

Ложкин шел домой, смущала его некоторая неловкость от грубости, учиненной им в магазине, но неловкость понемногу исчезала, потому что за Ложкиным шли, сами того не замечая,

взволнованные люди, перебрасывались удивленными словами и восхищались золотой красавицей в банке.

— Принес чего? — спросила супруга Ложкина из кухни, не замечая, как светло стало в комнате у нее за спиной. — Небось пол-литра принес?

— Пол-литра чистой воды, — согласился старик. — Пол-литра в банке, и вам того же желаю.

— Нет, — сказала старуха, не оборачиваясь. — Там, на улице, и принял.

— Почему это?

— Чушь несешь.

Старик спорить не стал, раздвинул кактусы на подоконнике, подмигнул канарейкам, которые защebetали ошеломленно, увидев банку, достал запасной аквариум и понес его к крану, на кухню.

— Подвинься, — сказал он супруге. — Дай воды набрать.

Тут супруга поняла, что муж ее не пьяный, и, вытерев руки передником, заглянула в комнату.

— Батюшки! — воскликнула она. — Нам еще золотой рыбки не хватало!

Супруга нагнулась над банкой, а рыбка высунула ей навстречу острое рыльце, приоткрыла рот, будто задыхалась, и сказала негромко:

— Отпустили бы вы меня, товарищи, в речку.

— Чего? — спросила супруга.

— Воздействуйте на мужа, — объяснила рыбка почти шепотом. — Он меня без вашего влияния никогда не отпустит.

— Чего-чего? — спросила супруга.

— Ты с кем это? — удивился старик, возвращаясь в комнату с полным аквариумом.

— И не знаю, — сказала жена. — Не знаю.

— Красивая? — спросил Ложкин.

— Даже и не знаю, — повторила жена. Подумала чуть-чуть и добавила: — Отпустил бы ты ее в речку. Беды не оберешься.

— Ты чего, с ума сошла? Ей же цена два рубля сорок копеек в государственном магазине.

— В государственном? — спросила жена. — Уже дают?

— Дают, да никто не берет. Не понимают. Цена велика. Да разве два сорок для такого сказочного чуда большая цена?

— Коля, — сказала супруга, — я тебе три рубля дам. Четыре и закуски куплю. Ты только отпусти ее. Боюсь я.

— Сумасшедшая баба, — уверился старик. — Сейчас мы ее в аквариум пересадим.

— Отпусти.

— И не подумаю. Я, может быть, ее всю жизнь жду. С Москвой переписывался. Два сорок уплатил.

— Ну как хочешь. — Старуха заплакала и пошла на кухню.

В этот момент нервы у рыбки не выдержали.

— Не уходи! — крикнула она пронзительно. — Еще не все аргументы исчерпаны. Если отпустите, три желания выполню.

Старик был человек крепкий, сухой, но аквариум при этих словах уронил, разбил и стоял по щиколотку в воде.

— Не надо нам ничего! — ответила старуха из кухни. — Ничего не надо. Убирайся в свою реку! От тебя одни неприятности.

— Не-ет, — сказал старик медленно. — Не-е-ет. Это что же получается, разговоры?

— Это я говорю, — ответила рыбка. — И мое слово твердое.

— А как же это может быть? — спросил старик, поджимая промокшую ногу. — Рыбы не говорят.

— Я гибридная, — сообщила рыбка. — Долго рассказывать.

— Изотопы?

— И изотопы тоже.

— Выкинь ее, — настаивала старуха.

— погоди. Мы сейчас испытаем. Ну-ка, восстанови аквариум в прежнем виде, и чтобы на окне стоял, а в комнате сухо.

— А отпустишь, не обманешь?

— Честное слово, отпущу. Тебя на три желания хватает?

— На три.

— Тогда ты мне аквариум восстанови — если получится, сбегаю в магазин, еще десяток таких куплю. Или, может, ты одна говорящая?

— Нет, все, — призналась рыбка.

— Тогда ставь аквариум.

В комнате произошло мгновенное помутнение воздуха, шум, будто от пролетевшей мимо большой птицы, и тут же на окне возник целый, небитый, полный воды аквариум.

— Идет, — сказал старик. — Нормально.

— Два желания осталось, — напомнила рыбка.

— Тогда мне этот аквариум мал. Приказать, что ли, новый изобразить? Столитровый, с водорослями, а?

Старуха подошла между тем к старику, все еще находясь в состоянии смятения. Теперь же к смятению прибавился новый страх — старик легкомысленный, истратит все желания рыбки, а что, если врет она? Если она такая единственная?

— Стой! — сказала она старику. — Ты сначала других испытай. Других рыбок. Они и в малом аквариуме проживут. Ей же аквариумы строить плевое дело. Нам новый дом с палисадником куда нужнее.

— Ага, — согласился старик. — Это дело, доставай деньги из шкафа, ведро неси. Пока я буду в отлучке, глаз с нее не спускай.

— Так большой аквариум делать или как? — спросила рыбка без особой надежды.

— И не мечтай! — озлился старик. — Хитра больно. В коллективе работать будешь. У меня желаний много — не смотри, что пожилой человек.

Ксения Удалова, соседка сверху, зашла за пять минут до этих слов к Ложкиным за солью. Соль вышла вся. Дверь открыта, соседи — свои люди, чего ж не зайти. И незамеченная весь тот разговор услышала. Старики к ней спиной стояли, а рыбка если ее и заметила, то виду не подала. Ксения Удалова, мать двоих детей, жена начальника стройконторы, отличалась живым умом и ничему не удивлялась. Как тихо вошла, так тихо и ушла, подсчитала, что Ложкиным время понадобится, чтобы ведро с водой взять, деньги достать, выбежала на двор, где Корнелий Удалов, ее муж, по случаю субботы в домино играл под опадающей липой, и крикнула ему командирским голосом:

— Корнелий, ко мне!

— Прости, — сказал Корнелий напарнику. — Отзывают.

— Это конечно, — ответил напарник. — Ты побыстрее только.

— Я сейчас!

Ксения Удалова протянула мужу плохо отмытую банку с наклейкой «Баклажаны», пятерку денег и сказала громким шепотом:

— Беги со всех ног в зоомагазин, купи двух золотых рыбок!

— Кого покупать? — переспросил Корнелий, послушно беря банку.

— Зо-ло-тых рыбок. И бери покрупнее.

— Зачем?

— Не спрашивать! Бегом — одна нога здесь, другая там, никому ни слова. Воду не расплескай. Ну! А я их задержу.

— Кого?

— Ложкиных.

— Ксаночка, я ровным счетом ничего не понимаю, — сказал Корнелий, и его носик-пуговка сразу вспотел.

— Потом поймешь!

Ксения услышала шаги внутри дома и метнулась туда.

— Куда это тебя? — спросил Саша Грубин, сосед. — Проводить, дружище?

— Проводи, — ответил Удалов все еще в смятении. — Проводи до зоомагазина. Золотых рыбок пойду покупать.

— Быть того не может, — сказал Погосян, партнер по домино. — Твоя Ксения в жизни ничего подобного не совершала. Если только пожарить.

— А ведь и вправду, может, пожарить, — несколько успокоился Удалов. — Пошли.

Они покинули с Грубиным двор, а игроки весело рассмеялись, потому что хорошо знали и Ксению, и мужа ее Корнелия.

Не успели шаги друзей затихнуть в переулке, как в дверях дома вновь показалась Ксения Удалова. Выходила она из них спиной вперед, объемистая спина колыхалась, выдерживала большой напор. И уже видно было, что напор этот производят супруги Ложкины. Ложкин тащил ведро с водой, а старуха помогала ему толкать Ксению.

— И куда это вы так спешите, соседи дорогие? — распевала, ворковала Ксения.

— Пусти, — настаивал старик. — По воду иду.

— По какую же по воду, когда дома водопровод провели?

— Пусти! — кричал старик. — За квасом иду!

— С полным-то ведром? А я хотела у вас соли одолжить.

— И одалживай, меня только пропусти.

— А уж не в зоомагазин ли спешите? — спросила ехидно Ксения.

— Хоть и в зоомагазин, — ответила старуха. — Только нет у тебя права нас задерживать.

— Откуда знаешь? — возмутился старик. — Откуда знаешь? Подслушивала?

— А что подслушивала? Чего подслушивать?

Старик извернулся, чуть не сшиб Ксению и бросился к воротам. Старуха повисла на Удаловой, чтобы остановить ее, метнувшуюся было вслед.

— Ой-ой, — произнес Погосян. — Он тоже за золотой рыбкой побежал. Зачем побежал?

— Жили без золотых рыбок, — ответил ему Кац, — и проживем, мешай кости.

— Ой-ой, — сказал Погосян. — Ксения Удалова настолько хитрая баба, что ужас иногда берет. Смотри-ка, тоже побежала. И старуха Ложкина за ней. Играйте без меня. Я, пожалуй, понимаешь, пойду по городу погуляю.

— Валентин! — крикнула Кацу жена со второго этажа. Она услышала шум на дворе и внимательно к нему прислушивалась. — Валентин, у тебя есть деньги? Дойди до зоомагазина и посмотри, что дают. Может, нам уже не достанется.

Через полторы минуты весь дом в составе тридцати-сорока человек бежал по Пушкинской улице к зоомагазину, кто с банками, кто с бутылками, кто с пластиковыми пакетами, кто просто так, любопытствовать.

Когда первые из них подбежали к зоомагазину, перед дверью с надписью «Поступили в продажу золотые рыбки» стояла толпа.

Город Великий Гусяр невелик, и жизнь в нем движется по привычным и установившимся путям. Люди ходят в кино, на работу, в техникум, в библиотеку, и в том нет ничего удивительного. Но стоит случиться чему-то необычайному, как по городу прокатывается волна тревоги и возбуждения. Совсем как в муравейнике, где вести проносятся по всем ходам за долю секунды, потому что у муравьев есть на этот счет шестое чувство. Так вот, Великий Гусяр тоже пронизан шестым чувством. Шестое чувство привело многочисленных любопытных поглядеть на золотых рыбок. Шестое же чувство разрешило их сомнения — покупать или не покупать. Покупать, поняли граждане Гусяра в тот момент, когда в магазин влетели, не совсем еще понимая, зачем они это делают, Удалов с Грубиным и Удалов, запыхавшись, сунул Зиночке пять рублей и сказал:

— Две рыбки золотые заверните, пожалуйста.

— Это вы, Корнелий Иванович? — удивилась Зиночка, которая жила на той же улице, что и Удалов. — Вам Ложкин посоветовал? Вам самца с самочкой?

— Зиночка, не продавай им рыбок, — сказал из-за аквариума инвалид Эрик, который все никак не мог собраться с силами, чтобы покинуть магазин.

— Молодой человек, — прервал его Грубин. — Только из уважения к вашему героическому прошлому я воздерживаюсь от ответа. Зиночка, вот банка, кладите товар.

У Зиночки на глазах были слезы. Она взяла сачок и сунула его в аквариум. Рыбки бросились от него врассыпную.

— Тоже понимают, — проговорил кто-то.

В дверях возникло шевеление — старик Ложкин пытался с ведром пробиться поближе к прилавку.

— Вы не церемоньтесь с ними, — сказал Удалов. — Все равно поджарим.

— Мне дайте, мне! — кричал от двери Ложкин. — Я любитель. Я их жарить не буду!

В общем шуме потонули отдельные возгласы. К Зиночке тянулись руки с зажатými рублями, и, желая оградить ее от мятежа, Эрик приподнял костыль, стукнул им об пол и крикнул:

— Тишина! Соблюдайте порядок!

И наступила тишина.

И в этой тишине все услышали, что рыбка, высунувшая голову из аквариума, сказала:

— Это совершенное безумие нас жарить. Все равно что уничтожать куриц, несущих золотые яйца. Мы будем жаловаться.

Тишина завладела магазином.

Вторая рыбка подплыла к первой и произнесла:

— Мы должны получить гарантии.

— Какие? — спросил Грубин тонким голосом.

— Три желания на каждую. И ни слова больше. Потом — на свободу.

Наступила пауза.

Потом медленное движение к прилавку, ибо любопытство — сильное чувство и желание посмотреть на настоящих говорящих

рыбок влекло людей, как магнит.

Через пять минут все было окончено. В пустом магазине на пустом прилавке стоял пустой аквариум. Вода в нем еще покачивалась. Зиночка тихо плакала, пересчитывая выручку. Эрик все так же стоял в углу и потирал здоровой рукой помятый бок. Потом нагнулся, поднял с пола почти не пострадавший букетик цветов и вновь положил на прилавок.

— Не расстраивайтесь, Зиночка. Может, в следующем квартале снова прищлют. Я только жалею, что мне не досталось. Я бы вам свою отдал.

— Я не об этом, — всхлипнула Зиночка. — Какая-то жадность в людях проснулась. Даже стыдно. И старик Ложкин кричит — мне десять штук, и вообще.

— Я очень жалею, что не смог для вас взять, — повторил Эрик. — До свидания.

Он ушел. Вера Яковлевна, дожидавшаяся, пока никого в магазине не останется, подошла к Зиночке, держа в руке палехскую шкатулку. В шкатулке еле умещались две рыбки.

— Я все-таки купила, — сообщила она. — Ты ведь и не заметила. Я поняла, что, если стоять и ждать, пока это столпотворение продолжается, ничего не достанется. Ведь ты не догадалась хотя бы две-три штуки отложить.

— Куда там, — сказала Зиночка. — Я очень рада, что вы успели. А я и не заметила. Такая свалка — я только деньги принимала и рыбок вылавливала.

— Одна твоя. Деньги мне с полочки отдашь.

— Не надо мне, — отказалась Зиночка. — Я и права не имею их взять.

— Тогда я тебе дарю. На день рождения. И не сходи с ума. Кто от счастья отказывается? У тебя даже шубки нет, а зима на носу.

— Нет, нет, ни за что! — И Зиночка заплакала еще горше.

— Чего уж там, — сказала из шкатулки рыбка. — Все равно одному человеку больше трех желаний нельзя загадать. Хоть бы у него сто рыбок было. А шубу тебе надо — я сделаю. Ты какую хочешь — норковую или каракуль?

— Вот и отлично, — проговорила Вера Яковлевна. — Где сачок? Мы ее тебе пересадим. Я очень рада.

— Ну как же можно, — сопротивлялась Зиночка.

В дверь заглянула незнакомая женщина и спросила:

— Рыбки еще остались?

— Кончились, — ответила Вера Яковлевна, прикрывая крышку палехской шкатулки. — Теперь они будут приходить. Закроем магазин? Все равно — какая сегодня торговля?

— Я должна в область, в управление торговли отчет написать, — сказала Зиночка. — Я очень боюсь, что нам товар по ошибке отгрузили.

— Вот и напишешь дома. Пошли.

Зиночка послушалась. Сняла объявление с двери, заперла ее, спрятала выручку. Вера Яковлевна достала еще одну шкатулку и отсадила в нее рыбку для Зиночки. Продавщицы вышли из магазина через заднюю дверь.

— А ты хоть помнишь кого-нибудь, кто рыбок покупал? — спросила Вера Яковлевна.

— Мало кого помню. Ну, сначала, еще до всей этой истории, Ложкин был. И кружок юннатов из средней школы. Потом снова Ложкин. И Савич. И этот длинный из горздрава, и Удалов с Грубиным по штуке. А остальных разве припомнишь?

— Боюсь, — сказала на это Вера Яковлевна, — боюсь, что поздно гадать — результаты скоро будут налицо.

— То есть как так?

— Ты думаешь, что за желания будут?

— Не знаю. Разные. Ну, может, денег попросят...

— Денег нельзя. Только ограниченные суммы, — вмещалась из коробочки рыбка. Голос ее был глух и с трудом проникал сквозь лаковую крышку.

— Ой! — вскрикнула Зиночка.

Они вышли в переулок, утром еще пыльный и неровный. Переулок был покрыт сверкающим ровным бетоном. Бетон расстилался во всю его ширину, лишь по обочинам вместо утренних канав тянулись аккуратные полосы тротуара. Заборы вдоль переулка были выкрашены в приятный глазу зеленый цвет, а в палисадниках благоухали герани.

— Ничего особенного, — сказала Вера Яковлевна, морально готовая к чудесам. — Наверно, кто-то из горсовета рыбку купил. Вот и

выполнил годовой план по благоустройству.

— Что же будет?.. — сказала Зиночка, осторожно ступая на тротуар.

— Я так полагаю, — ответила Вера Яковлевна, по-солдатски печатая шаг по асфальту, — я так полагаю, что надо получить отдельную квартиру. Впрочем, ты, рыбка, не спеши, я еще подумаю...

Дома Зиночка достала большую банку. Выплеснула туда рыбку из шкатулки и понесла на кухню, чтобы долить водой.

— Сейчас будет тебе чистая вода, — сказала она. — Потерпи минутку.

Зиночка открыла кран, и прозрачная жидкость хлынула в банку.

— Стой! — крикнула рыбка. — Стой, ты с ума сошла! Ты меня погубить хочешь? Закрой кран! Вынь меня сейчас же! Ой-ой-ой!

Зиночка испугалась, выхватила рыбку, сжала в кулаке... По кухне распространялся волнами едкий запах водки.

— Что такое? — удивилась Зиночка. — Что случилось?

— Воды! — прошептала рыбка. — Воды... умираю...

Зиночка метнулась по кухне, нашла чайник. На счастье, в нем была вода. Рыбка ожила. Струйка водки все текла из крана, дурманом заполняя кухню.

— Откуда же водка? — поразилась Зиночка.

— Понимать надо, — сказала рыбка. — Какой-то идиот проверить захотел — приказал, чтобы вместо воды в водопроводе водка текла. Видно, на молодую рыбку попал, на неопытную. Я бы на ее месте отказалась. Категорически. Это не желание, а вредительство и головотяпство.

— А где же вода теперь?

— Я так полагаю, что водка скоро кончится. Кто-нибудь другой обратное желание загадает.

— А если нет?

— Если нет — терпи. А вообще-то это безобразие! Водка попадает в трубы канализации. Оттуда, возможно, в водоемы — так всю живность перевести можно. Вот что, Зиночка, у меня к тебе личная просьба. Преврати водку в воду. Используй желание. Мы тебе за это уникальную шубу придумаем.

— Мне уникальной не нужно, — сказала Зиночка. — На что мне уникальная. Я бы очень хотела дубленку. Болгарскую. У моей тетки в

Вологде такая есть.

— Значит, тратим сразу два желания, да?

— Тратим, — согласилась Зиночка и немного пожалела, что останется лишь одно.

Шуба материализовалась на спинке стула. Шуба была светло-коричневого, нежного, теплого цвета. Ее украшал меховой белый воротник.

— Прости, но я ее подбила норкой, — призналась рыбка. — Приятно услужить хорошему человеку. Третье желание будем сейчас делать или подождем?

— Можно подождать немного? — попросила Зиночка. — Я подумаю.

— Думай, думай. Пообедай пока. И мне крошек насыпь. Ведь я как-никак живое существо.

— Простите, рада бога. Я совсем забыла.

Удалов с Ложкиным вместе вошли в дом. Грубин во дворе задержался, чтобы поделиться впечатлениями с соседями. Удалов с Ложкиным по лестнице поднимались вместе, были недовольны друг другом. Удалов укорял Ложкина:

— Хотели по секрету все сделать? Все себе?

Ложкин не отвечал.

— Чтобы, значит, весь город как раньше, один вы будете жить, как миллионер Рокфеллер? Стыдно просто ужасно.

— А твоя жена шпионила, — сказал Ложкин резко и юркнул в дверь, за которой уже стояла, приложив к ней ухо, его супруга.

Удалов хотел было ответить нечто обидное, но и его супруга выбежала из комнаты, выхватила из рук банку и огорчилась:

— Почему только одна? Я же на две деньги давала.

— Вторую Грубин взял, — ответил Удалов. — Мы с ним вместе ходили.

— Сам бы покупал себе, — обиделась Ксения. — У тебя же дети. А он холостой.

— Ну ладно уж. Тебе что, трех желаний не хватит?

— Было бы шесть. У Ложкиных-то шесть.

— Не огорчайтесь, гражданка, — успокоила золотая рыбка. — Больше трех все равно нельзя, сколько бы рыбок ни было.

— На человека?

— На человека, или на семью, или на коллектив — все равно.

— Так, значит, Ложкин зря за второй рыбкой бегал? Зря хотел десяток купить?

— Зря. Вы не могли бы поспешить с желаниями? И отпустили бы меня подобру-поздорову.

— Потерпишь, — решительно произнесла Ксения. — А ты, Корнелий, иди руки мой и обедать садись. Все остыло.

Корнелий подчинился, хотя и опасался, что жена в его отсутствие загадает всякую чепуху.

У умывальника Удалова ждал приятный сюрприз. Кто-то догадался заменить воду в водопроводе водкой. Удалов не стал поднимать шума. Умылся водкой, хоть и щипало глаза, потом напился из ладошек, без закуски, и еще налил полную кастрюлю.

— Ты куда пропал? — нетерпеливо крикнула жена из комнаты.

— Сейчас, — ответил Удалов, язык которого уже чуть заплетался.

На кухню, полотенце через плечо, пришел Ложкин. Смотрел волком. Потянул носом и зыркнул глазом на кастрюлю с водкой. Удалов прижал кастрюлю к животу и быстро ушел в комнату.

— Вот, — сказал он жене. — Готовь закуску. Не мое желание, чужое.

Ксения сразу поняла, разлила по пустым бутылкам и закупорила.

— Какой человек! Какая государственная голова! — хвалил неизвестного доброжелателя Удалов. — Нет чтобы себе только заказать. Всему городу радость. То-то Ложкин удивится, на меня подумает!

— А вдруг он сам!

— Никогда. Он эгоист.

— А если он на тебя подумает и сообщит куда следует, что отравляешь воду в городе, — по головке не поглядят.

— Пусть докажут. То ведь не я, а золотая рыбка.

Со двора грянула песня.

— Вот, — сказал Удалов. — Слышишь? Народ уже использует.

А Ложкин тем временем принялся умываться водкой, удивился, отплевался, потом сообразил, в чем дело, побежал с женой советоваться, а когда та пришла с посудой, вместо водки текла уже вода — результат Зиночкиного пожелания. Старуха изругала Ложкина

за неповоротливость, и они стали думать, как им использовать пять желаний — два от первой рыбки да три от второй.

Грубин основное желание выполнил тут же, во дворе.

— Мне, — сказал он в присутствии многочисленных свидетелей, — желательнее от тебя, золотая рыбка, получить бразильского попугая ара, который может научиться человеческой речи.

— Это несложно, — оценила рыбка. — Я сама обладаю человеческой речью.

— Согласен. — Грубин поставил банку с рыбкой на скамейку, вынул гребешок и пригладил в ожидании торжественного момента густые непослушные вихры. — Чего же ты мешкаешь?

— Одну минутку. Из Бразилии путь долог... Три, четыре, пять.

Роскошный, громадный, многоцветный, гордый попугай ара сидел на ветке дерева над головой Грубина и, чуть склонив набок голову, смотрел на собравшихся внизу обитателей двора.

Грубин задрал голову и позвал:

— Цып-цып, иди сюда, дорогая птица.

Попугай раздумывал, спуститься или нет к протянутой руке Грубина, и в этот момент во двор вышли, обнявшись и распевая громкую песню, Погосян с Кацем, также обладатели золотых рыбок. Как потом выяснилось, именно они независимо друг от друга превратили всю питьевую воду в городе в водку и, довольные результатами опыта и сходством желаний, шли теперь к людям возвестить о начале новой эры.

— Каррамба! — проговорил попугай, тяжело снялся с ветки дерева и взлетел выше крыш. Там он сделал круг, распугивая ворон, и крылья его переливались радугой. — Каррамба! — крикнул он снова и взял курс на запад, в родную Бразилию.

— Верни его! — крикнул Грубин. — Верни его немедленно!

— Это второе желание? — спросила ехидно рыбка.

— Первое! Ты же его не выполнила!

— Ты заказывал попугая, товарищ Грубин?

— Заказывал. Так где же он, золотая рыбка?

— Улетел.

— Вот я и говорю.

— Но он был.

— И улетел. Почему не в клетке?

— Потому что ты, товарищ Грубин, клетку не заказывал.

Грубин задумался. Он был человеком в принципе справедливым. Рыбка была права. Клетки он не заказывал.

— Хорошо, — согласился он. Попугая ему очень хотелось. — Пусть будет попугай ара в клетке.

Так Грубин истратил второе желание и потому, взяв клетку в одну руку, банку с рыбкой в другую, пошел к дому. И тут-то во двор вошел инвалид Эрик.

Эрик обошел уже полгорода. Он искал рыбку для Зиночки, не подозревая, что та получила ее в подарок от Веры Яковлевны.

— Здравствуйте, — сказал он. — Нет ли у кого-нибудь лишней золотой рыбки?

Грубин сгорбился и тихо пошел к двери со своей ношей. У него оставалось всего одно желание и множество потребностей. Погосян помог Кацу повернуть обратно к двери. У них рыбки были также частично использованы.

Окна в комнатах Удалова и Ложкина захлопнулись.

— Я не для себя! — крикнул в пустоту Эрик.

Никто не ответил.

Эрик поправил пустой рукав и поплелся, хромя, со двора.

— Нам необходимо тщательно продумать, что будем просить, — говорила в это время Ксения Удалова мужу.

— Мне велосипед надо, — сказал их сын Максимка.

— Молчать! — повторила Ксения. — Иди погуляй. Без тебя найдем, чего пожелать.

— Вы бы там поскорее, — поторопила золотая рыбка. — К вечеру нам бы хотелось в реке уже быть. До холодов нужно попасть в Саргассово море.

— Смотри-ка, — удивился Удалов. — Тоже ведь на родину тянутся.

— Икру метать, — объяснила рыбка.

— Хочу велосипед! — крикнул со двора Максимка.

— Ну угодили бы парнишке, в самом деле хочет велосипед, — сказала рыбка.

— А может, и в самом деле? — спросил Удалов.

— Я больше не могу! — возмутилась Ксения. — Все подсказывают, все мешают, все чего-то требуют...

Грубин поставил клетку с попугаем на стол и залюбовался птицей.

— Ты чудо, — сказал он ей.

Попугай не ответил.

— Так он что, не умеет, что ли? — спросил Грубин.

— Не умеет, — ответила рыбка.

— Так чего же? Ведь вроде только что «каррамба» говорил.

— Это другой был, ручной, из бразильской состоятельной семьи.

А второго пришлось дикого брать.

— И чего же делать?

— Хочешь — третье желание загадай. Я его мигом обучу.

— Да? — Грубин подумал немного. — Нет уж. Сам обучу.

— Может, ты и прав, — согласилась рыбка. — И что же дальше делать будем? Хочешь электронный микроскоп?

Первым своим желанием члены биологического кружка первой средней школы — коллективный владелец одной из рыбок — создали на заднем дворе школы зоопарк с тигрятами, моржом и множеством кроликов.

Вторым желанием сделали так, чтобы им целую неделю не задавали ничего на дом.

С третьим желанием вышла заминка, споры, сильный шум. Споры затянулись почти до вечера.

Провизор Савич дошел до самого своего дома, перебирая в мыслях множество вариантов. У самых ворот его догнал незнакомый человек в очень большой плоской кепке.

— Послушай, — сказал ему человек, — ты десять тысяч хочешь?

— Почему? — спросил Савич.

— Десять тысяч даю — рыбка моя, деньги твои. Мне, понимаешь, не досталось. На базаре стоял, фруктами торговал, опоздал, понимаешь.

— А зачем вам рыбка? — спросил провизор.

— Не твое дело. Хочешь деньги? Сегодня же телеграфом.

— Так вы объясните, в конце концов, — повторил Савич, — зачем вам рыбка? Ведь я тоже, наверное, могу с ее помощью получить много денег.

— Нет, — объяснил человек в кепке. — Рыбка много денег не может.

— Он прав, — подтвердила рыбка. — Много денег я не могу сделать.

— Пятнадцать тысяч, — сказал человек в кепке и протянул руку к банке с рыбкой. — Больше никто не даст.

— Нет, — произнес Савич твердо.

Человек шел за ним, тянул руку и набавлял по тысяче. Когда он добрался до двадцати, Савич совсем озлился.

— Это безобразие! — воскликнул он. — Я иду домой, никому не мешаю. Ко мне пристают, предлагают какую-то сомнительную сделку. Рыбка-то стоит два рубля сорок копеек.

— Я тебе и два рубля тоже дам, — обрадовался человек в кепке. — И еще двадцать тысяч дам. Двадцать одну!

— Так скажите, зачем вам?

Человек в кепке приблизил губы к уху Савича.

— Машину «Волга» покупать буду.

— Так покупайте, если у вас столько денег.

— Нетрудовые доходы, — признался человек в кепке. — А так фининспектор придет, я ему рыбку покажу, вот, пожалуйста. Вы только мне квитанцию дайте, расписку, что два сорок уплатил.

— Уходите немедленно! — возмутился Савич. — Вы жулик!

— Зачем так грубо? Двадцать три тысячи даю. Хорошие деньги. Голый по миру пойду.

— Гони его, — сказала рыбка. — Он мне тоже неприятен.

— Вот видите, — сказал Савич.

— Двадцать четыре тысячи!

— Вот что, — решил Савич. — Чтобы этот человек немедленно улетел отсюда к себе домой. Чтобы и следа его не было. Я больше не могу.

— Исполнять? — спросила рыбка.

— Немедленно!

И человек закрутился в смерчике и пропал. Лишь кепка осталась на мостовой.

— Спасибо, — сказал Савич рыбке. — Вы не представляете, как он мне надоел. Теперь пойдете ко мне домой, и мы с честью используем оставшиеся желания.

В тот день в городе произошло еще много чудес. Некоторые остались достоянием частных лиц и их семей, некоторые стали известны всему Великому Гуслиарю. Тут и детский зоопарк, который поныне одна из достопримечательностей города, и история с водкой в водопроводе, и замощенный переулок, и появление в универмаге большого количества французских духов, загадочное и необъясненное, и грузовик, полный белых грибов, виденный многими у дома Сенькиных, и даже типун на языке одной скандальной особы, три свадьбы, неожиданные для окружающих, и еще, и еще, и еще...

К вечеру, к сроку, когда рыбок надо было нести к реке, большинство желаний было исчерпано.

По Пушкинской, по направлению к набережной, двигался народ. Это были и владельцы рыбок, и просто любопытные.

Шли Удаловы всем семейством. Впереди Максим на велосипеде. За ним остальная семья. Ксения сжимала в руке тряпочку, которой незадолго перед тем стирала пыль с нового рояля фирмы «Беккер».

Шел Грубин. Нес не только банку с рыбкой, но и клетку с попугаем. Хотел, чтобы все видели — мечта его сбылась.

Шли Ложкины. Был старик в новом костюме из шевиота, и еще восемь неплохих костюмов осталось в шкафу.

Шли, обнявшись, Погосян с Кацем. Несли вдвоем бутылку. Чтобы не оставлять на завтра.

Шла Зиночка.

Шел Савич.

Шли все другие.

Остановились на берегу.

— Минутку, — сказала одна из золотых рыбок. — Мы благодарны вам, обитатели этого чудесного города. Желания ваши, хоть и были зачастую скороспелы, порадовали нас разнообразием.

— Не все, — возразили ей рыбки из банки Погосяна — Каца.

— Не все, — согласилась рыбка. — Завтра многие из вас начнут мучиться. Корить себя за то, что не потребовали золотых чертогов. Не надо. Мы говорим вам: завтра никто не почувствует разочарования. Так мы хотим, и это наше коллективное рыбье желание. Понятно?

— Понятно, — ответили жители города.

— Дурраки, — сказал попугай ара, который оказался способным к обучению и уже знал несколько слов.

— Теперь нас можно опускать в воду, — произнесла рыбка.

— Стойте! — раздался крик сверху.

Все обернулись в сторону города и оцепенели от ужаса. Ибо зрелище, представшее глазам, было необычайно и трагично.

К берегу бежал человек о десяти ногах, о множестве рук, и он махал этими руками одновременно.

И когда человек подбежал ближе, его узнали.

— Эрик! — сказал кто-то.

— Эрик, — повторяли люди, расступаясь.

— Что со мной случилось? — кричал Эрик. — Что со мной случилось? Кто виноват? Зачем это?

Лицо его было чистым, без следов ожога, волосы встрепаны.

— Я по городу бегал, рыбку просил, — продолжал страшный Эрик, жестикулируя двадцатью руками, из которых одна была слева, а остальные справа. — Я отдохнуть прилег, а проснулся — и вот что со мной случилось!

— Ой, — сказала Зиночка. — Я во всем виновата. Что я наделала. Но я хотела как лучше, я загадала, чтобы у Эрика новая рука была, чтобы новая нога стала и лицо вылечилось. Я думала как лучше — ведь у меня желание оставалось.

— Я виноват, — добавил Ложкин. — Я подумал — зря человека обижаем. Я ему тоже руку пожелал.

— И я, — произнес Грубин.

— И я, — сказал Савич.

И всего в этом созналось восемнадцать человек. Кто-то нервно хихикнул в наступившей тишине. И Савич спросил свою рыбку:

— Вы нам помочь не можете?

— Нет, к сожалению, — ответила рыбка. — Все желания исчерпаны. Придется его в Москву везти, отрезать лишние конечности.

— Да, история, — сказал Грубин. — В общем, если нужно, то берите обратно моего чертова попугая.

— Дуррак, — сказал попугай.

— Не поможет, — ответила рыбка. — Обратной силы желания не имеют.

И тут на сцене появились юннаты из первой средней школы.

— Кому нужно лишнее желание? — спросил один из них. — Мы два использовали, а на одном не сговорились.

Тут дети увидели Эрика и испугались.

— Не бойтесь, дети, — успокоила их золотая рыбка. — Если вы не возражаете, мы приведем в человеческий вид пожарника Эрика.

— Мы не возражаем, — сказали юннаты.

— А вы, жители города?

— Нет, — ответили люди рыбкам.

В тот же момент произошло помутнение воздуха, и Эрик вернулся в свое естественное, здоровое состояние. И оказался, кстати, вполне красивым и привлекательным парнем.

— Оп-ля! — воскликнули рыбки хором, выпрыгнули из банок, аквариумов и прочей посуды и золотыми молниями исчезли в реке.

Они очень спешили в Саргассово море метать икру.

Ответное чувство

Мише Стендалю было стыдно таиться под окнами Алены Вишняк, но он ничего не мог с собой поделать. Уже взошла луна и беззвучно кралась над Великим Гусярком, ныряя в полупрозрачные облака, отбрасывая их назад, словно шлейф, и представляя перед миром в серебряной нагоде. Перекликались собаки. Рядом, по другую сторону забора, мерно дышала Антарктида, злобная сука, принадлежащая Алениной тетке. Антарктида не лаяла. Она пыталась просунуть морду в штакетник и откусить Мише руку.

Окно отбрасывало на кусты тревожный оранжевый свет. Причиной тому был абажур, висевший низко над столом. Тетка сидела спиной к окну и пила чай. Алена читала. Когда она переворачивала страницу, то поправляла упавшую на лоб прядь волос, и Миша любовался движением руки и цветом пряди. Один раз Алена задумчиво обернулась к окну, и Мише показалось, что глаза их встретились. Он сразу ослаб и ухватился за забор. Но успел отдернуть руку — Антарктида лишь щелкнула зубами.

Тетка зашевелила головой. Видно, сказала что-то Алене. Алена провела ладонью по книге, чтобы не закрылась, поднялась и пошла к двери. Миша отступил на шаг. Хлопнула дверь, Алена вышла на крыльцо и звякнула ручкой ведра. Антарктида взвыла и в три прыжка очутилась у крыльца. В собачьем подвывании Миша различил сплетню и жалобу. Но Алена не поняла. Она сказала:

— Пойдешь со мной до колонки?

Глядя на силуэт Алены, Миша связывал себя с ней крепкими нитями горячего чувства. Он понял даже, что в настроении его наступил настолько критический момент, что он готов подойти и объясниться. Мешала злая собака, от которой трудно избавиться.

И пока Миша размышлял таким образом, Алена подошла к калитке, отодвинула щеколду, и тень ее обозначилась в прямоугольнике оранжевого света. Антарктида, не дожидаясь, пока калитка растворится, выскочила на улицу, в прыжок достигла Стендаля и, схватив за рукав, подтащила к Алене. Собака урчала

сквозь тесно сдвинутые зубы. Миша сопротивлялся. Алена сказала, рассмотрев, кого привела Антарктида:

— Это вы, Миша? Я чуть было не испугалась. Что вы делаете здесь в такое позднее время?

Миша счел неудобным открыто бороться с собакой. Он ответил, подергивая рукой так, чтобы не разорвать пиджак:

— Я проходил мимо.

Собака заурчала громче, обличая Мишу во лжи.

— Куда же вы ходили? — спросила Алена.

— Тут, в соседний дом. Я просто гулял.

— Отпусти его, Анка, — сказала Алена собаке. — Он просто гулял.

Алена пошла к колонке. Собака не отпускала Мишу, а повела за хозяйкой. Тогда Миша решил продолжить разговор.

— Я хотел вас увидеть, — признался он. — Я остановился под вашими окнами.

— Вы же ведете себя неприлично, — заявила Алена. — Вы и вчера днем меня смущали своими взглядами.

— Извините. Я не нарочно. Я не мог глаз отвести.

— Я не давала вам никакого повода, — сказала Алена. Она повесила ведро на крюк колонки и принялась качать воду.

— Разрешите, я помогу вам, — предложил Миша, забыв про собаку.

— Как хотите.

Алена выпрямилась, уступая Мише место. Миша качал воду, а собака мешала ему, повисая на руке, так что приходилось качать и воду, и собаку. Алена смотрела на луну.

— Вы хотели бы попасть туда? — спросила она.

— Скажите, пожалуйста, собаке, чтобы она меня отпустила.

— Ой, как смешно, — сказала Алена. — Анка, сколько раз тебе надо повторять одно и то же? Видите, она меня не слушается. Придется мне закончить за вас.

— Ведро уже давно полное. Я качаю, чтобы вы не уходили домой.

— Чудак, — сказала Алена. — Спокойной ночи. И, пожалуйста, ко мне не приставайте. Если тетя узнает, она добьется, чтобы вас сняли с работы.

— Пустяки. Я думаю не об этом.

Они шли обратно к калитке. В одной руке Миша нес ведро, на другой висела собака.

— Еще раз спокойной ночи, — сказала Алена. — И запомните, что хоть Анка и дворняга, у нее мертвая хватка. В следующий раз она может схватить вас за горло.

— Мне грустно без вас, — ответил Стендаль.

Собака отпустила Мишу и юркнула в калитку.

Миша подождал, пока Алена не скрылась в двери, и пошел домой. Он решил, что немедленно пойдет к Глумушке.

Глумушка жила за лесопилкой, на краю старой вырубки, в доме, который когда-то, до революции, принадлежал леснику. С годами лесник вслед за лесом переехал километров на десять от города, и в доме менялись случайные хозяева, пока не бросили его на произвол судьбы. И тогда в нем поселилась Глумушка.

Откуда она пришла, что делала раньше, никто не знал. Жила она в развалюхе второй год, питалась скудно, в церковь, на кладбище не ходила, подбирала бутылки, оставленные в лесочке после субботних пикников, и сдавала их в пункт на базаре.

Вначале на Глумушку никто не обращал внимания. Как-то зашла женщина из собеса узнать о пенсии, но оснований для пенсии у Глумушки не было, и Глумушка сказала, что ежемесячно получает переводы из Вологды, от племянницы, что было неправдой. Глумушка любила бродить по лесу, забиралась далеко, за Конопатовку и даже на Сидоровские болота. Собирала травы и грибы. Однажды вылечила Миловидовым корову, от которой уже отступился ветеринар. Потом был такой случай, что она пришла в контору лесопилки и сказала сторожу, что ночью будет сделана попытка вывезти на грузовике доски. Сторож не поверил, но все-таки немного взволновался, не спал и полуторку с досками задержал. За это он получил благодарность, а про Глумушку рассказал жене, и та как-то, встретив Глумушку на дороге, спросила ее, кто родится у дочери — сын или дочь. Глумушка попросила два дня сроку для ответа и сказала, что сын. Сына назвали Юрой, а жена сторожа отнесла Глумушке десяток яиц.

Так росла слава. Слава была неровной и ненадежной, ибо с поклонниками Глумушкиного таланта умножались и враги, завистники и скептики. Особенно усилились противоречия, когда Глумушка, по слухам, склонилась к браку со Столыпиным приезжую

женщину, имевшую в Архангельске жениха. Столыпин, шофер с лесопилки, отрицал, что получил от Глумушки приворотное зелье, и чем более он отрицал, тем менее ему верили. А молодая жена была от него без ума.

К Глумушке бегали девчата из универмага, школьники десятого класса, отдельные старухи и домашние хозяйки. Под покровом ночи в окошко к ней стучались мужчины. Глумушка понемногу опутала город Великий Гусяр своим тайным колдовством, но поймать ее с поличным не удавалось никому. Когда к старухе пришли два активиста из атеистического кружка и потребовали, чтобы Глумушка приготовила им за вознаграждение средство избавиться от местного священника, она ответила им так:

— Зря стараетесь. Я не волшебница и тем более не знахарка. Даже стыдно слышать такие предложения от внешне культурных людей. Идите, а то я сообщу о вас по месту работы.

Активистам пришлось уйти.

Миша Стендаль, естественно, относился к рассказам о способностях старухи скептически. Он даже как-то обратился к редактору городской газеты с предложением сделать разоблачительный материал о шарлатанке, но редактор поднял над столом красивую массивную голову и отсоветовал. Объяснял, что социальной опасности старуха не несет, а газета не может опускаться до разбора бабьих сплетен. Влекомый любознательностью, Миша опросил по-дружески знакомых и даже встретился с одной женщиной средних лет, которая уверяла, что Глумушка помирила ее с мужем. Женщина работала библиотекарем в речном техникуме, и ее нельзя было заподозрить в излишних суевериях.

Глумушка забылась. Отошла в глубь сознания. И может быть, Миша Стендаль, литсотрудник газеты, не скоро бы вспомнил снова о ней, если бы в гости к тетке не приехала Алена Вишняк, мастер спорта по теннису, финалистка первенства Союза в женском парном разряде, блондинка с карими глазами, в которую Стендаль быстро и безнадежно влюбился. Стендаль был неспортивным мужчиной и даже не любил ходить на пляж, потому что стеснялся своей белой кожи и мягкого белого живота. Кроме того, он носил очки и был похож на молодого Грибоедова.

Миша сделал несколько попыток приблизиться к Алене Вишняк, даже прочел книгу о теннисе и подписался на журнал «Теннис». Миша взял у Алены интервью, которое в газете не прошло, потому что надвигались прополка и косовица, а также первенство мира по футболу. Миша преследовал Алёну на улицах и в общественных местах, плохо ел и путал очевидные факты в своих корреспонденциях. Миша, человек интеллигентный, выпускник Ленинградского университета, лишенный всяких потусторонних мыслей, исписал толстую тетрадь плохими стихами, исхудал, пришел в отчаяние и решил наконец пойти к Глумушке, понимая, насколько это стыдно и нелогично. Но в жизни наступает такой момент, когда соображения разума отступают. У Миши они отступили.

В последний раз обернувшись на оранжевое окно, Миша снял очки, протер их платком, нервно оглянулся и пошел к лесопилке, делая вид, что гуляет, и подогревая себя воспоминаниями о лице Алёны, озаренном серебряным светом луны. По лицу пробегали тени облаков, глаза казались черными и бездонными, а зубы светились, будто были сделаны из лунного света.

У самой лесопилки кончился асфальт, и далее дорога была неровной, с глубокими, еще весной, в дожди, пробитыми колеями. В них застыла вода, и в каждой луже поблескивала луна. Крайние домики города уже спали и слепо тарацились темными окнами на путника. Фонари были далеко расставлены один от другого, и тень Миши вырастала до немыслимой длины, затем двоилась, переворачивалась и сокращалась по мере того, как он приближался к следующему фонарю. Собаки просыпались за заборами, брехали яростно, провожая Мишу до границ своей территории. Было чуть жутко, и не столько от одиночества, сколько от возможной случайной встречи в это время в этом месте с кем-то из дневных, обычных знакомых.

За последними домами пришлось свернуть с дороги к соснам. Луна все не заходила, тропинка к дому Глумушки была видна отчетливо, и Миша каждый раз успевал перешагнуть через корень, подставленный деревом. Незаметно для себя Миша прибавил шаг и последние метры перед избушкой колдуньи протрусил, словно за тронувшимся поездом. И остановился.

Он стоял на прогалине. Дом Глумушки покосился и осел на один угол. Дранка на крыше, седая от старости, поблескивала под луной. Забор из неровных кольев казался рядом копий, оставленных улегшимися спать дружинниками. Ставни были закрыты, но сквозь них пробивался тусклый свет. Глумушка не спала. Но примет ли она его? А вдруг у нее клиент? Мише представилось даже, что клиентом может оказаться некто из редакции. И тогда последствия будут ужасны. Миша переступил на месте, как переступает прыгун в высоту, прежде чем выверенными шагами, наращивая скорость, броситься к планке. Но он не бросился, а пошел на цыпочках, желая вначале заглянуть в щель ставни, убедиться, что войти можно.

У окна рос густой бурьян, крапива, под ногами оглушительно хрустнула палка, затем Миша провалился по колено в невидимую яму и застыл в неудобной позе. Дверь открылась.

— Заходите, — сказал голос. — Зачем стоять под окном?

Миша выбрался из бурьяна и вступил на крыльцо. Чувствовал он себя препогано. В конце концов, почему он должен шастать ночью у подозрительной избушки? Кто его заставляет? И чувство это было постыдным, потому что задевало чистоту его стремлений к Алене Вишняк.

За приоткрытой дверью никого не было. Лишь низкие пустые сени, слабо освещенные голой лампочкой под потолком.

— Вытирайте ноги, — сказал голос.

Миша послушно потер подошвами о половик.

Больше указаний не последовало, и Миша толкнул дверь в горницу. Дверь растворилась мягко и беззвучно. Оттуда ударил в лицо яркий свет медицинского учреждения. Миша очутился в сравнительно большой комнате с белыми аккуратными стенами и скамейками вдоль них. На скамейках сидели люди, обернувшиеся при виде вновь пришедшего.

— Добрый вечер, — сказал человек с завязанной щекой, в котором Миша узнал Корнелия Удалова, начальника стройконторы. — Какими судьбами? Садитесь рядом, тут место есть. У вас какая очередь?

— Я... У меня никакой. Я, наверно, пойду. Я завтра зайду.

— И не мечтайте, — сказал Удалов. — Завтра не принимают. Я и так три дня стоял по записи.

Удалов раскрыл ладонь, на которой химическим карандашом был изображен крупный номер «двадцать восемь».

— Садитесь, — сказал он. — Если дверь была открыта, то примут. Нас уже мало осталось.

И так как Стендаль был последним и никому из присутствовавших не был конкурентом, то к Удалову присоединились прочие пациенты.

— Садитесь, — неслось со скамеек. — Она быстро принимает.

И Миша сел на край скамейки.

В приемной Миша насчитал шесть человек. Были они различны, и, видно, различны были причины, приведшие их сюда.

У Удалова болел зуб.

— У вас тоже? — спросил Удалов Мишу.

— Нет, — сказал Миша.

— А я три ночи не спал. Пошел в поликлинику, а врачиха говорит — надо удалять. А жена мне тогда сказала: «Корнелий, Глумушка может заговорить. Она Погосяну в нашем дворе заговорила. И нерв даже извлекать не пришлось». Вот я и пришел.

— А что с этим? — спросил Миша тихо.

— Не узнаете? С метеостанции.

— С метеостанции?

— Чего шепчетесь? — сказал человек напротив в низко надвинутой шляпе и плаще с поднятым воротником. — Я попрошу без разглашения.

— Ясное дело, — согласился Удалов. — Мы здесь все без разглашения. Какой дурак сознается? Просто мой знакомый вами заинтересовался. Я и говорю, что вы с метеостанции. Даже фамилию не назвал.

— Ваш знакомый работает в городской газете и, возможно, пришел сюда по заданию, — ответил человек в надвинутой шляпе. — Мы ему доверять не можем.

— Из газеты? — спросил толстяк с козлом на поводке. — Вы лучше тогда уйдите. Нам в фельетон попадать не с руки. И без вас горя много. У меня репутация.

Козел задрал бородатую морду к толстяку, легко приподнял передние ноги, уперся копытом в колени и лизнул толстяка в подбородок.

— Пусть уходит, — поддержала его маленькая женщина в сером платке, пока толстяк отталкивал козла.

— Я не от газеты, — сказал тогда Стендаль. — Даю честное слово. Я по собственной инициативе.

Обитая черной клеенкой дверь в горницу распахнулась, и оттуда вышел бородатый мужчина с рюкзаком за плечами. Он счастливо улыбался, не замечая окружающих.

Человек с метеостанции вскочил, засуетился, подбежал к двери и спросил:

— Можно заходить или вы пригласите?

— Снимите шляпу, — сказал в ответ из горницы старушечий голос. — И заходите. Не могу же я до утра вас принимать.

— Так что же он? — спросил снова Миша Удалова, как только в приемной наступила тишина.

— Прогноз делает, — ответил Удалов. — Он уже жаловался. Десять ошибок за две недели. Климат в настоящее время жутко испортился — никакой надежности, несмотря на метеорологические спутники.

— А она при чем?

— Говорят, может. А то у него никакой надежды. Его крестьянство замучило — косить или подождать? А что он может ответить?

— Странно, — сказал Миша.

— А все-таки, — настаивал Удалов, — у вас-то какое дело? Не задание, надеюсь, чтобы разоблачить?

— У меня личное дело. И сильно зуб болит?

— Сейчас ничего. У меня всегда, как приду в поликлинику, боль унимается.

— Это нервы, — сказал человек с козлом. Козел тянул за поводок, хотел уйти на улицу.

— А зубы вообще нервная болезнь, — поддержала его женщина в сером платке. — Язва тоже.

— А у вас язва? — спросил Миша.

— Нет, — сказала женщина. — У меня дочка замуж собралась. А ему в армию осенью уходить. Какая уж там семья! Так вы не из газеты?

— Вообще-то из газеты, но сейчас не из газеты, — объяснил Миша.

— Если вам нужно приворотное зелье, — сказал человек с козлом, — то советую быть крайне осторожным.

— Нет, что вы.

Миша покраснел.

— Ясно, что не от газеты, — сказал молчавший до того мужчина с выгоревшими бровями и ресницами, в высоких охотничьих сапогах и ватнике. — Влюбился. Смотри, Иван, он влюбился.

Сосед его, пожарный, дремавший, прислонивши каску к бадье с фикусом, проснулся и согласился.

— Спокойный, черт, — сказал мужчина в ватнике про пожарного. — Пятый раз приходит. Привык уже. А я вот нет, не могу.

— Пятый раз? — подивился Удалов. — А что такое, что такое?

— Шланг потерял, — сказал мужчина в ватнике. — Часто теряет всякие предметы пожарного обихода.

— И она находит?

— Обязательно, — ответил мужчина в ватнике. — В прошлый раз три огнетушителя ему отыскала. Хороший она человек. Душевный. А меня браконьеры замучили. Тропу знают. Вот и хочу старуху про тропу спросить. Из рыбоохраны я.

Вышел метеоролог, быстрыми движениями свертывая в рулон синоптическую карту.

— Ну как? — спросил его человек в ватнике.

— С завтрашнего дня без осадков! И до конца недели. Что я им говорил! — Шляпа у метеоролога перекевалась со лба на затылок, лицо его блестело от пота. — Сегейда антициклон у Антильских не учитывал. Я ему говорил — заденет. А он — далеко. А надо было учесть!

Следующей исчезла за дверь женщина в сером платке. И лишь скрылась, как из кабинета донеслось бормотание, быстро повысившееся до отдельных резких возгласов. За дверью ссорились, спорили. Через минуту женщина выскочила наружу, прижимая к груди узелок с дарами Глумушке.

— И не приставайте ко мне с непристойными предложениями! — кричала ей вслед колдунья. — Вы хотите лишить людей счастья? Да? Так вам это не удастся.

— Я мать! — крикнула женщина, уходя. — Я буду жаловаться.

— Следующий, — пригласила Глумушка.

Мише никак не удавалось увидеть ее — дверь раскрывалась в его сторону, и лишь сварливый голос доносился до него.

— Иван, тебе, — сказал человек в ватнике.

— Что потерял? — спросила Глумушка, не закрывая двери.

— Шланг куда-то задевался. Лейтенант говорит: «Ты, Сидоренков, последним шланг в руке держал. Ты, — говорит, — и отыскивай».

— Завтра зайдешь до восьми тридцати, — велела Глумушка. — Следующий.

— Ну, тогда моя очередь, — сказал человек в ватнике.

Пожарный снова задремал у фикуса.

Неожиданность увиденных сцен отвлекла Стендаля от мыслей о возлюбленной. Вместо темной избушки, черного кота на печке, тяжелого и пряного запаха снадобий была приемная с фикусом. И синоптик. И Иван со шлангом. Уходя к колдунье, Стендаль презирал себя и клял Алену, заставившую его опуститься до отчаянных действий. Но именно порочность, неестественность похода к колдунье сливались в его сознании с безответной любовью, у которой не было выхода. А здесь была поликлиника. Неофициальная, но будничная, отличавшаяся от районной только жалобами пациентов. И, к ужасу своему, Стендаль вдруг понял, что ему могут здесь помочь, и он уже не знал, хочет ли, чтобы ему помогли.

— И тогда я ей говорю... — донеслись до Стендаля слова толстяка с козлом. — Или она меня полюбит, или я буду вынужден обратиться в суд. Безвыходное положение.

— Да, — сказал Удалов. — Положение безвыходное.

— Я получаю от нее приворотное зелье...

— Наконец-то, — вырвалось у Стендаля.

— Что?

— Я так, про себя.

Стендаль думал: наконец-то нашелся человек, который не терял шланга, не интересуется путями циклонов и не ловит браконьеров. Человек, который полюбил и ждет взаимности.

— Получаю я от нее приворотное зелье — и сразу туда. А она меня уже ждет с угрозами. Тогда встает проблема, как мне ее этим

зельем напоить.

Из двери вышел человек в ватнике, задумчиво насвистывая песню. Растолкал пожарного, они ушли, а их место в кабинете занял Удалов. У толстяка не осталось слушателей, кроме Стендаля, и он обратился к Мише с вопросом:

— Продолжать ли мое повествование?

— Да, конечно, — сказал Миша. — У меня такая же проблема.

— Тоже она?

— Тоже. Только я не слышал начала вашей истории. И если вы не возражаете...

— Конечно, я повторяю. Тем более если у вас та же беда. Уйди! Уйди в сторонку! Не терплю!

Последние слова относились к козлу, который по-собачьи терся о колени толстяка.

— Значит, есть у меня соседка. Аида. Стерва, каких свет не видывал. Старая дева, сухая как палка и тому подобное. Ненавижу ее, а меня довести до ненависти не так легко. Дважды за последний месяц ломала общий забор, помои выплескивает только под моими окнами и еще изводит меня презрением. Змея.

— Так вы о ней? — спросил Стендаль.

— Конечно, о ней, пропади она пропадом. Я понял: еще день таких измышательства, и я или попадаю в сумасшедший дом, или подаю на нее в суд, или даже иду на физические действия. И к тому же этот проклятый козел!

Толстяк указал пальцем на козла, и козел ухитрился изогнуть шею и длинным шершавым языком ласково лизнуть указательный палец.

— Этот козел регулярно, будучи подпускаем в мой огород, съедает все плоды моего досуга. Все. Причем в первую очередь слабые, нежные ростки ценных растений. И тогда я иду к этой Глумушке и получаю от нее приворотное зелье. Возвращаюсь домой и думаю, как бы мне соседку приворотным зельем накормить, заставить относиться к себе по-человечески и кончить этим долгую распрю...

Из двери вышел Корнелий Удалов, сжимая в руке повязку, из которой вываливалась смятая вата.

— Спасибо, доктор, — сказал он колдунье. — Я боялся, что придется рвать. А у меня и так уже три моста.

Вслед за Корнелием Удаловым в приемную вышла маленькая сморщенная старушка в сером домотканом платье и шлепанцах. Старушка держалась прямо, и острые глаза ее блестели ярко и целенаправленно. Седые волосы были убраны под голубой платочек.

— Двое осталось?

— Двое, — ответил Миша, холодея от ближайшего будущего.

— Тогда оба и заходите. Проблема у вас схожая, — сказала Глумушка.

— Я тебя здесь, Миша, подожду, — сказал Удалов вслед. — Мне не к спеху, а то идти одному скучно.

Первым в горницу вошел козел, за ним толстяк. Потом Миша.

— Садитесь, — сказала старушка. — Уморилась я за сегодняшний день. Скоро доберется до меня фининспектор. Вот до чего доброта доводит.

Колдунья села за старый канцелярский стол, измазанный чернилами, с нацарапанными на крышке различными словами и узорами. Толстяк занял место напротив, усевшись на стул. Миша пока примостился у печки.

Горница была чисто выметена и почти пуста. Лишь потертый половик пересекал ее наискось да окно загораживали два горшка с геранью. У окна стоял шкафчик с застекленными дверцами. В шкафчике были банки, бутылки с наклеенными бумажными этикетками. На печке сушились травы.

— Вы у меня, друг милый, уже были на днях, — сказала Глумушка. — Чего, не так вышло?

— Не так, — сознался толстяк.

— Рассказывайте, — приказала Глумушка. — Только короче.

— Я домой пришел. А она меня уже поджидает. С криками, будто я ее нижнее белье с веревки украл. Я думаю: ну как мне выдержать такое нервное напряжение, как мне ей в пищу подсунуть приворотное зелье? И не вижу пути. А она неистовствует. Я до вечера промытарился...

— Короче, — сказала Глумушка.

Козел топнул ногой. Ему не понравился тон колдуньи.

— Я короче. Я, как стемнело, к ее окну подкрался и тогда ей в чайник для заварки зелье выплеснул. Чайник на подоконнике стоял. А потом вижу, она собралась чай пить, открыла крышку, понюхала и

говорит вслух: «Чай-то старый, спитой, надо новый заварить». Ну вот, она все зелье в ведро с помоями выплеснула, а ведро на улицу выставила. Прежде чем я принять меры успел, будучи в полном отчаянии, ее вредный и ненавидящий меня козел к этому ведру подошел и помоев похлебал. А утром уже у моей двери меня поджидал, чтобы любовь выказать. Вот с тех пор и ходит за мной как привязанный. Я уж от него скрыться пытался, на автобусе ездил, запирался в доме, а он через окно лезет, а Аида кричит на всю улицу, а я... Господи, ну что я за несчастный человек!

— Любопытно, — удивилась старушка. — Говорите, козел вас полюбил?

— А разве не видно?

— У него метаболизм другой, — сказала колдунья. — И не знаю уж, чем вам помочь... А вы, молодой человек, перестаньте хихикать. Ничего смешного нет. Человеку не повезло.

— Я не хихикаю, — ответил Миша, не в силах согнать с лица идиотскую улыбку. — Это нервное.

— Нет, я понимаю, я смешон, — произнес толстяк со слезами в голосе. — Мне нужна была любовь этой женщины не ради корысти, а ради покоя и сохранности слабых ростков на моем огороде.

— Росткам теперь ничего не угрожает. Козел вас не обидит.

— Ах, еще этот козел! — В горле толстяка забулькало, и он положил голову на канцелярский стол.

«Действует, — думал Миша. — Действует приворотное зелье! И я завтра его испробую». Было страшно и весело. И снова виделось лицо Алены таким, как было под лунным светом. Но губы ее шептали нечто ласковое, и пока Стендаль пытался разобраться в видении, мимо протопал толстяк с припрыгивающим восторженно козлом, и Глумушка обратилась к Мише с вопросом:

— Вы в кого влюбились, молодой человек?

— В девушку, — сказал Миша. — В Алену. Она к нам приехала, у тетки своей живет. Вы извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Ничего, ничего, это мой долг, — ответила Глумушка. — Вы что кончали?

— Ленинградский университет. Филологический факультет. А тут в газете работаю литсотрудником, имею благодарность.

— Очень приятно. А не стыдно вам, молодой человек, ходить за снадобьем к отсталой старухе? Вы пересядьте сюда, за стол, а то через всю горницу разговаривать приходится.

Миша пересел и от близости старушечьих пронзительных глаз чувствовал себя неловко, словно на экзамене или в отделе кадров.

— Вы похожи на молодого Грибоедова, — сказала задумчиво старушка.

— Мне говорили, — согласился Стендаль.

— Страсть вас схватила неожиданно или была подготовлена какими-то событиями?

— Пожалуй, неожиданно, — сказал Стендаль. — Я ее увидел — и все.

— Я хочу предупредить вас. Ответное чувство, вызванное искусственными средствами, может со временем изгладиться, что приведет к трагическим результатам.

— Я понимаю. Но не могу более выдерживать презрения и невнимания. Вы, наверное, никогда сами не влюблялись.

— Я? Влюблялась, — ответила Глумушка.

— Извините. Я не хотел вас обидеть.

— И все-таки, может быть, вы обратитесь к более консервативным средствам? — сказала колдунья. — Может, вы будете проявлять к девушке внимание, заботу, проявите себя мужественным, честным человеком? И она вас полюбит.

— Когда? — возразил Стендаль. — Через десять дней она уезжает на сборы в Калугу. И я ее больше не увижу.

— Воля ваша, — сказала Глумушка. — Я предупредила. Для начала придется вас сфотографировать и сделать анализ крови.

— Нет, не надо формальностей. Дайте мне приворотное зелье.

— Ох-ох-охо, — вздохнула старушка. — Неужели вы, культурный человек, верите в такую чепуху?

— А то как же? Ведь я видел результаты.

— Чепуху мелете, Стендаль. Вы что, хотите сказать, что в двух километрах от города Великий Гусляр живет действующая колдунья, ведьма, другими словами?

— А как же вас еще назвать?

— Как хотите — экспериментатором, филантропом, гостем из соседней звездной системы, отставшим от своего корабля, наконец

лауреатом Нобелевской премии по генетике.

— Но вы же не отрицаете, что вы, Глумушка, колдунья?

— Я ни на что не претендовала. Встаньте к стенке, сейчас я включу освещение. Вот так, чуть левее. Я ни на что не претендовала. Тихо жила, вела отдельные наблюдения, собирала в лесу пустые бутылки и сдавала их по двенадцать копеек за штуку. Дальнейшее произошло совершенно случайно. Все, можете садиться. Дайте мне левую руку, мизинец. Куда спирт запропастился? Вы не знаете, в аптеку вату не подвезли? Да, на чем я остановилась? Так вот, дальнейшее произошло совершенно случайно. Я полюбила жителей этого города. И не смогла отказать им в некоторых маленьких услугах. Если я знаю больше их, умею больше их, могу помочь в беде, неужели я имею моральное право отказать? Не дергайте пальцем. Я вынуждена буду вас уколоть еще раз. Как не стыдно, взрослый человек, влюбился безнадежно, а боится простой иглы.

— И зачем вам моя кровь? — спросил Стендаль.

Колдунья отжала несколько капель в пробирку, заткнула пробирку ватой и потрясла, глядя на просвет.

— Вторая группа, — определила она. — Вторая группа и повышенный лейкоцитоз.

— Ничего не понимаю, — сказал Стендаль.

— И не надо ничего понимать. Люди поверили, что я темная личность, ведьма, может быть. Я не стала спорить. А кровь ваша мне нужна для того, чтобы изготовить то, что вы называете приворотным зельем. Зелье это, несущее в себе ваши генетические характеристики, будучи подмешано в пищу объекту ваших притязаний, перестроит несколько его нервную систему. Другими словами, вы станете в чем-то единокровными близнецами — нет, неточная формулировка. Вы станете близки по духу. У вас, то есть у нее возникнет к вам симпатия того же рода, что и вы испытываете к ней. Я бы могла объяснить это подробнее, с помощью формул, но вы в них ни черта не поймете с вашим гуманитарным образованием. Боже мой, как я истосковалась по интеллигентному, образованному человеку! Даже перед вами начинаю открывать душу. Нет, пора мне отсюда уходить. Пора.

— Так это все-таки волшебство?

— Вот те раз. Объясняешь ему, объясняешь, а он опять за свое. Волшебства нет и не бывает. Это химия. Хи-ми-я. А почему у вас

лейкоцитоз повышен? Зубы не беспокоят?

— Почти нет. Ну а как же история с ворами на лесопилке? Или поиски вещей пожарного? Или зуб Удалова? Как же это? Тоже химия?

— Вы мне не верите. Конечно, не верите. С пожарными обычный детектор. Он у меня на печке стоит. С ворами — телепатический локатор. Он, правда, уже сломался. Нет запчастей. Все это так просто, что даже разговаривать стыдно. Кстати, без телепатолокатора труднее работать. Я взяла себе за правило помогать лишь тем, чьи намерения чисты и благородны. До определенной степени. А как я могу быть уверена, что не ошибусь без локатора?

— Но у меня самые чистые намерения.

— Сомнительно. Хотите замутить голову невинной девушке. Ну ладно, я все равно от вас уеду.

Глумушка расставила на столе различного размера и вида пузырьки, смешивала что-то, вызывала в пузырьках шипение и изменение цвета.

— Я бы заставила вас еще разок прийти, да, боюсь, вы не посмеете. Застыдились. Вы ведь не ожидали увидеть у меня такую клиентуру? Не беспокойтесь. Получите средство через пять минут.

Почти до самого дома Мишу провожал Удалов, боявшийся в одиночестве идти по ночному городу. Удалов был одержим болтливостью человека, нежданно избавившегося от неприятностей.

— А этот, с козлом, — говорил он. — Ну просто удивительно. Такая любовь со стороны вонючего животного. А она мне даже в рот не залезала, а только что-то к щеке приложила и говорит — канал прочищен, полоскайте рот два раза в день теплой водой с содой. Понимаешь, с содой, говорит, а я соду совершенно не выношу. У меня воображение богатое...

Луна зашла, фонари горели вполнакала. Когда они проходили мимо дома Алены, Стендаль старался не смотреть на ее окна. Бутылку с приворотным зельем он сжимал в кармане потной рукой, чтобы случайно не вывалилась или не разлилась.

— Вот, — продолжал между тем Удалов, заглядывая снизу в лицо Стендаля. — Удивительная история, что обитаем мы во второй половине двадцатого века, в период ракет и электроники. И тут же рядом, словно остаток далекого прошлого, живет старушка, которая может творить подобные чудеса. Никогда бы не поверил, если бы сам

не посетил. С одной стороны, суеверие, а с другой — еще необъяснимые явления человеческой психики. Ведь не зря люди верили в колдовство. В прошлом, при царской власти. И теперь еще некоторые верят. В век электроники.

— Может, она вас с помощью электроники и вылечила, — сказал Миша.

— Ха-ха, смешно. С помощью электроники. И вам приворотное зелье дала? Я-то понимаю. И козла тоже с помощью электроники?

— Во что только это выльется? — сказал Стендаль.

— Вы про себя? Полюбит. Как миленькая полюбит. Уже есть несколько случаев.

— Я про старушку. Ей не место в нашем городе.

— Вот тебе и благодарность, — обиделся за колдунью Удалов. — Фельетон писать будете?

— Какой уж там фельетон.

— То-то. Вот и ваш дом. Желаю счастья в любви.

Удалов поспешил к своему дому, кварталом дальше. Стендаль осторожно достал свободной рукой ключ и медленно сунул его в замочную скважину, чтобы не разбудить хозяйку квартиры, где он снимал комнату.

Ночь он провел тревожно, часто просыпался, мучился кошмарами, в которых Глумушка заставляла его пить всякую дрянь и угрожала персональным делом.

Утро выдалось солнечным, ясным, и Стендаль долго смотрел на бутылочку с зельем, прежде чем все подробности ночного визита восстановились в памяти.

— Быть того не может, ибо это нереально и похоже на бред, — сказал он вслух и намеревался уже выбросить бутылочку за окно, но тут внезапно взглянул в окно и увидел Алену, идущую к рынку с хозяйственной сумкой в руке. Алена источала такое сияние, что Стендаль сжал бутылочку в руке и бросился в закуток к умывальнику, чтобы скорее покончить с утренними формальностями туалета и поспешить на рынок вслед за Аленой.

Он разминулся с ней, проискал ее по улицам, отчаялся, собрался уже ринуться к ее дому, рискуя встретить злую Антарктиду, но тут силуэт Алены мелькнул за витриной продовольственного магазина. Стендаль влетел в магазин и оробел.

Больше всего народа стояло в винном отделе. Стендаль метнулся туда, затесался в очередь и, прячась за спиной какого-то большого человека, подобрался к самому прилавку. Алена тем временем покупала сыр и масло и Стендаля не замечала.

— Вам что, молодой человек? — спросила продавщица.

— Банку мангового сока, — сказал Стендаль.

— Во фруктовом отделе, — ответила продавщица с удивлением. — Не видите, что ли, торгую алкогольными напитками, будь они прокляты.

— Да, да, вижу. Отлично вижу.

Алена поглядела в его сторону, и Стендаль чуть присел.

— Ненормальный какой-то, — сказали сзади в очереди.

— Нормальнее вас, — ответила с неожиданным раздражением продавщица. — Потому что хочет пить натуральный продукт.

Стендаль на полусогнутых ногах перекочевал к фруктовому отделу. Алена вышла из магазина, и ему удалось наконец купить манговый сок без осложнений.

Стакан Стендаль украл в столовой самообслуживания, спрятал его под рубашку, и, как назло, в этот момент к нему приблизился с утренним приветствием сослуживец по редакции из отдела писем. Рубашка оттопыривалась на животе, и сослуживец здороваться не стал. Вздохнул сочувственно и деликатно отвернулся.

«Ну вот, — подумал сокрушенно Стендаль, спеша к выходу, лавируя между подносами, — ко всему прочему мне еще не хватало, чтобы на работе распространился слух, что я алкоголик да еще нечист на руку».

И тут, на улице, Стендаль понял, что все его усилия пропали даром: Алены нигде не было видно. Да и почему бы она должна его ждать?

Стендаль метнулся вверх по Пушкинской, заглянул на Красноармейскую, прижался на мгновение к витрине книжного магазина. Алена как сквозь землю провалилась.

И тогда Стендаль, сжимая в одной руке банку мангового сока, в другой украденный стакан, пошел куда глаза глядят.

Ноги сами привели его в городской парк. Утренние аллеи были залиты солнцем, исчерчены тенями старых лип и пустынно. Стендаль отыскал лавочку под раскидистым деревом, уселся на нее и

закручинился. Так все хорошо начиналось и так бесславно кончилось. Надо было идти в столовую и возвращать стакан, рискуя встретить там еще одного сослуживца.

Хотя нет, сначала следует его использовать по назначению. Все равно пить хочется.

Стендаль достал из кармана перочинный ножик, проткнул в банке две дырочки и только собрался напоить себя экзотическим соком, как услышал шаги. Он поднял голову.

К скамейке подходила Алена Вишняк. Она легко несла тяжелую сумку с продуктами и глядела на Стендаля карими спокойными глазами.

— Пить захотелось? — спросила она, и рука Стендаля попыталась спрятаться за спину вместе с банкой, словно его поймали на чем-то постыдном. — Что же вы?

Алена возвышалась над Стендалем, словно греческая богиня, и солнечные лучи пронзали ее пышные волосы, золотили пушок на щеках. И тут к Стендалю вернулось самообладание. Он понял, что не боится прекрасной Алены, что сегодня же она перестанет над ним издеваться, смотреть на него свысока...

— Я сумку поставлю на скамейку, — сказала Алена. — А где вы взяли стакан? Принесли из дома?

— Украл.

— Как нехорошо, — заметила Алена. — Вы угостите меня соком? Жутко умоталась.

— Конечно, — обрадовался Стендаль. Добыча сама шла в руки. — Я вас ведь и ждал.

— Да?

Наступило неловкое молчание. Алена, прищурившись, смотрела на солнце, будто в любой момент могла встать и уйти, но не находила сил, таким добрым и ласковым было утро. Стендаль забыл о снадобье, он глядел на очаровательный профиль и не дышал.

— Пожалуй, я пойду, — сказала вдруг Алена. — Вы обо мне забыли.

— Погодите! — воскликнул Стендаль. — Почему? Я о вас помню.

— Тогда выполняйте свое обещание.

— Обещание?

— Послушайте, Стендаль. Вы ведете себя странно. Я хочу пить, а вы держите банку в руке, словно жалеете для меня поток самого обыкновенного мангового сока.

— Да-да, — сказал Стендаль и наклонил банку. Желтая густая струя пролетела мимо стакана, и Алена протянула руку, помогла Стендалю. Рука у нее была теплая.

Стендаль вспомнил о снадобье. Надо было налить его в стакан. Чтобы Алена не заметила.

— Ну хватит, — остановила его Алена. — Мне хватит. А то вам ничего не останется.

— Сейчас, — сказал Стендаль, ставя банку с соком на скамейку и отводя руку со стаканом подальше от Алены. Освободившейся рукой он старался в кармане открыть пузырек.

Глядя на его неловкие движения, Алена расхохоталась, и весь парк зазвенел серебряными колокольчиками.

— Смотрите! — сказал Стендаль, глядя поверх ее плеча. — Скорее! Алена обернулась.

Стендаль выхватил пузырек и опрокинул его над стаканом.

— Что случилось? — Алена снова посмотрела на Стендаля. Но пузырек уже улетел за спинку скамейки. Стендаль перевел дух.

— Очень смешной голубь, — сказал он. — Уже улетел.

Напившись, Алена передала стакан Стендалю. Он долил в стакан остаток сока и пил, не спуская глаз с Алены. Сок стекал на рубашку, но он не замечал этого, он спешил, он боялся, что Алена уйдет, обидится и тогда не подействует средство, в которое Стендаль уже не верил.

— Хватит, — сказала Алена. — Сюда идут. Вы молодец, Миша. Только не бойтесь меня. Я к вам отношусь совсем не так, как вы думаете.

«Началось», — с сотрясением в сердце подумал Стендаль.

— Я в душе очень стеснительная. Только теперь набралась смелости сказать вам. Я, когда вы вчера ушли, написала вам письмо. Вы не рассердитесь?

— Вчера? — глупо спросил Миша.

— А почему вы удивляетесь?

— Вчера, — тупо повторил Миша.

— Я вдруг подумала... Дайте мне еще сока. Я веду себя как девчонка...

Алена допила сок, поставила стакан на скамейку. Стендаль подвинулся, банка упала, и остатки сока вылились на землю.

— Возьмите, — сказала Алена, протягивая Мише голубой конверт.

Она схватила сумку и убежала по аллее. Миша раскрыл конверт.

Миша, извините, что я беспокою вас, но, наверное, я глупая и слишком откровенная. Такие вещи нельзя писать малознакомым мужчинам. Но когда я вас увидела в первый раз, такого умного и похожего на молодого Грибоедова, я вдруг поняла, что уже несколько лет именно вас хотела увидеть... Вы не сердитесь, что я вела себя с вами так грубо и даже пренебрежительно, но я стеснялась, что вы догадаетесь о моих истинных чувствах...

Миша читал письмо, покрываясь мурашками и даже вздрагивая от счастья и стыда. Слепой болван!.. Воробьи и другие птицы стайкой собрались у ног Стендаля и подбирали остатки пролитого сока. Миша сказал себе: «А вдруг плюс на плюс даст минус? И она после этого сока меня разлюбит?»

Миша вскочил со скамейки и бросился бежать по аллее, стараясь догнать Алену и во всем признаться. Он бежал так быстро, что люди на улицах шарахались в разные стороны и укоряли его громкими голосами, а птицы, уже влюбленные в Мишу, резвились над его головой и старались сесть на плечи, чтобы выразить чувства.

Миша догнал Алену у самого ее дома, у колонки. Они долго стояли там, и собака Антарктида бесновалась за забором. Ее раздражал не только Миша, но и птицы, одурманенные соком и любовью. Миша говорил и говорил. Алена смотрела на него добрыми карими глазами, забыв, как тяжела сумка в ее руке.

Вечером Миша уговорил Алену пойти погулять за лесопилку. Его, словно убийцу, тянуло на место преступления. И хоть Алена знала о ночном походе Стендаля к колдунье, она не обижалась, смеялась и пугала Мишу тем, что он, тоже выпив сока с зельем, полюбит себя больше, чем всех остальных, включая Алену. Миша отрицал такую возможность и отчаянно боролся с любовью к самому себе. Любовь эта была, она крепла и звала приблизиться к зеркалу и посмотреть на свое приятное лицо.

— Ничего, — сказала Алена, — по крайней мере вы теперь не будете таким робким, как раньше. Это вам поможет в жизни.

— В нашей жизни, — поправил ее Стендаль.

Они пошли в лесок за лесопилкой. Снова светила луна, и снова лицо Алены казалось втрое прекрасней и загадочней.

— Вот и избушка, — сказал Стендаль. — Там, наверно, опять очередь. Надо бы поблагодарить Глумушку.

— За что? — удивилась Алена.

— За все. За доброту. Вы могли бы меня и не заметить.

— Негодяй, — произнесла Алена без особой злости. — Хотели украсть мои чувства, одурманить меня волшебным ядом.

Нет, она не сердилась. Ей даже было лестно, что молодой журналист ради нее ходил к колдунье.

— Что-то не видно света, — сказал Стендаль. — Неужели она не принимает?

Они стояли на краю полянки, в тени сосен. Дверь бесшумно раскрылась, и Глумушка все в том же платье и платочке выскользнула наружу и резво побежала направо, к речке.

Стендаль открыл было рот, чтобы окликнуть старуху, но Алена толкнула его локтем.

— Молчи, — прошептала она.

Колдунья остановилась на берегу, вынула из-за пазухи черный предмет, и острый луч света ушел в небо.

— Странная бабушка, — прошептала Алена.

Прошла минута, вторая... Что-то вспыхнуло в небе, и оттуда мягко снизилась громадная летающая тарелка. Она зависла над землей. Из люка внизу вывалилась, раскручиваясь, веревочная лестница.

Глумушка сбросила с себя платье, платочек и парик, превратилась в двуногое изящное существо, точно такое же, как и те, что спускались по веревочной лестнице на землю.

— Наконец-то! — сказала Глумушка.

Пришельцы затарабанили что-то в ответ, торопя ее погрузиться в корабль.

— Нет.

Глумушка показала в направлении домика. Двуногие существа побежали туда и помогли Глумушке перенести к кораблю несколько

ящичков и свертков.

— Спасибо, — сказал Глумушке один из пришельцев. Язык их не был схож ни с одним из земных языков, но Алена с Мишей отлично понимали его: слова звучали внутри головы. — Спасибо. Оказавшись в тяжелых условиях, одна на чужой планете, вы не забыли об интересах науки. И за два года собрали неоценимый этнографический материал. Надеюсь, вы никому не выдали своей действительной сущности? Ничем не проявили своих сверхчеловеческих способностей и знаний?

Глумушка ответила не сразу. Но ответила твердо:

— Нет, капитан.

Корабль улетел к своей звезде так же беззвучно, как и появился. Алена взяла Мишу за руку, и они пошли обратно к городу.